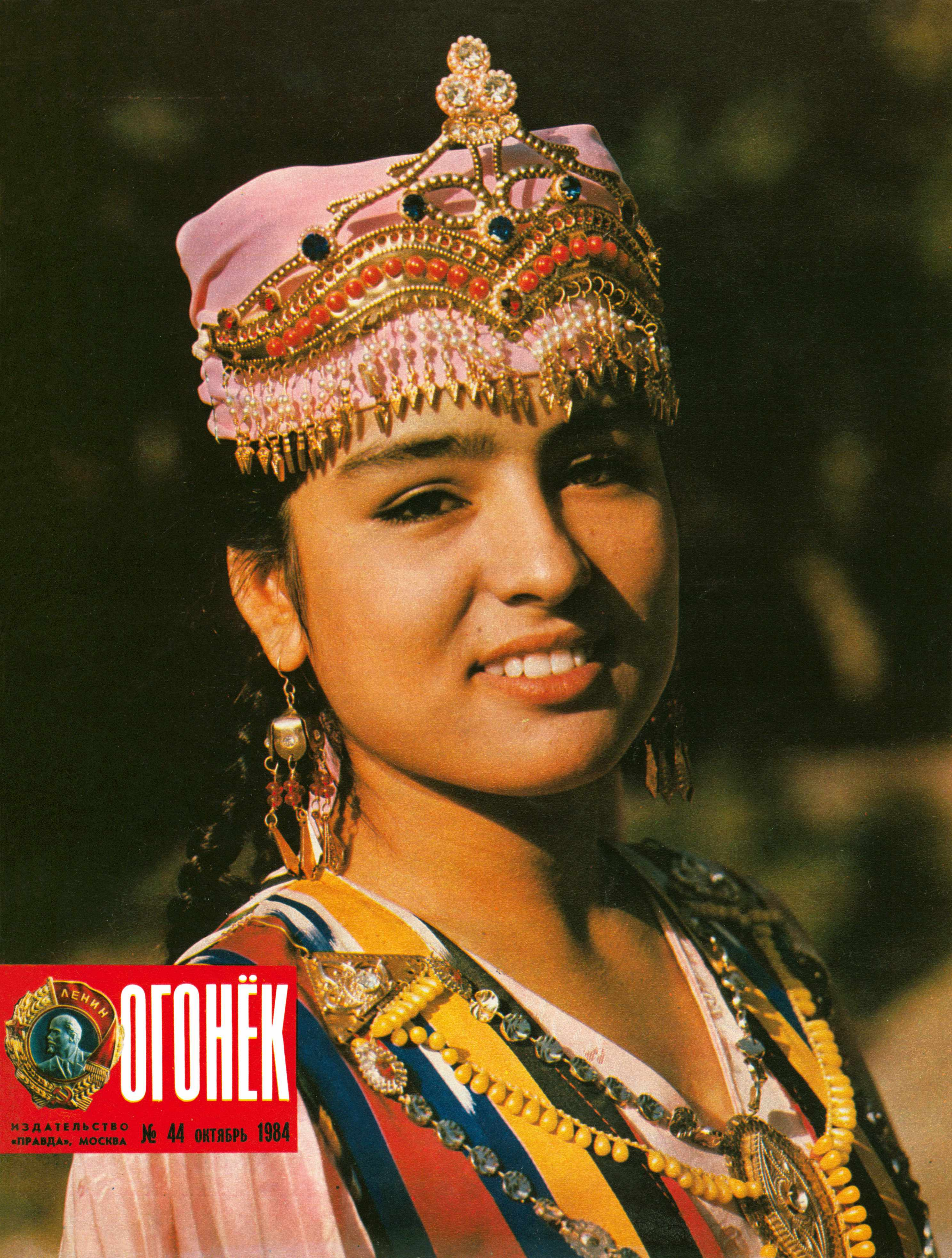

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1984

ИНФОРМАЦИОНН

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУ

23 октября 1984 года состоялся очередной Пленум ЦК КПСС.

При открытии Пленума с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко.

Пленум рассмотрел вопрос «О долговременной программе мелиорации, повышении эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны». С докладом по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. А. Тихонов.

В прениях приняли участие В. К. Гусев — первый секретарь Саратовского обкома КПСС, А. П. Ляшко — Председатель Совета Министров Украинской ССР, И. Б. Усманход-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ПРОГРАММЕ МЕЛИОРАЦИИ, МЕЛИОРИРОВАННЫХ ЗЕМЕЛЬ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО

Претворяя в жизнь решения XXVI съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС, советские люди с воодушевлением трудятся над выполнением сложных и ответственных задач хозяйственного и культурного строительства. Достигнут значительный рост общественного производства, неуклонно повышается народное благосостояние.

Дальнейшему укреплению экономического потенциала страны способствуют всемерное развитие агропромышленного комплекса и его главного звена — сельского хозяйства, последовательная реализация Продовольственной программы СССР. В соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС совершенствуются хозяйственный механизм и управление в аграрном секторе, укрепляется экономика колхозов и совхозов, осуществляются социальные преобразования на селе. Увеличиваются производство и закупки сельскохозяйственной продукции, прежде всего мяса, молока, яиц, картофеля, овощей. Это положительно сказывается на улучшении снабжения населения продовольствием.

В своей аграрной политике Коммунистическая партия исключительно большое значение придает повышению устойчивости сельскохозяйственного производства как важнейшему условию планомерного развития всего народного хозяйства. В достижении этой цели решающая роль принадлежит мелиорации — мощному средству интенсификации и повышения продуктивности земледелия. В сочетании с механизацией и химизацией сельского хозяйства мелиорация обеспечивает повышение плодородия земель, наиболее рациональное использование сельскохозяйственных угодий, материально-технических и трудовых ресурсов.

Пленум Центрального Комитета КПСС отмечает, что в результате последовательного осуществления выработанного нашей партией курса на широкую мелиорацию земель в стране проведена огромная работа по обновлению сельскохозяйственных угодий. Созданы крупные гидромелиоративные сооружения, перестраиваются на современной технической основе ранее введенные оросительные и осушительные системы. За период после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС площадь мелиорированных земель возросла с 17 до 33 млн. гектаров. В их числе 19 млн. орошаемых и 14 млн. гектаров осушенных земель, они дают ныне треть растениеводческой продукции. На поливе возделываются весь рис и хлопчатник, три четверти овощей, половина плодов и винограда. С мелиорированных площадей значительно увеличилось поступление зерна кукурузы и кормов.

Вместе с тем осуществляемые меры не всегда обеспечивают достаточную устойчивость развития земледелия и животноводства, повышение их продуктивности. Весьма ощутимый ущерб сельскому хозяйству наносят прежде всего засухи, которые в последние годы участились. Это приводит к заметным колебаниям объемов производства сельскохозяйственных продуктов, создает напряженность в обеспечении ими населения, сказывается на экономике в целом. Достигнутый же уровень развития мелиорации еще не может полностью компенсировать последствия неблагоприятных погодных условий, складывающихся в ряде регионов страны. Поэтому требуются новые, крупномасштабные меры, обеспечивающие дальнейшее повышение устойчивости сельского хозяйства, неуклонное наращивание производства зерна, кормов, другой продукции земледелия и животноводства.

Центральный Комитет КПСС считает необходимым сосредоточить усилия коммунистов, всех трудовых коллективов отраслей агропромышленного комплекса, машиностроения, стройиндустрии, химии, энергетики на осуществлении разработанной по поручению Политбюро ЦК долговременной программы мелиорации, воплощающей в себе накопленный опыт и новейшие достижения научно-технического прогресса в области водохозяйственного строительства и высокоэффективного использования мелиорированных земель для получения на них высоких урожаев.

В первоочередном порядке следует устранить имеющиеся недостатки и упущения в эксплуатации созданных мелиоративных систем, внедрении прогрессивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур на орошаемых и осушенных землях. Нельзя мириться с тем, что во многих хозяйствах не проявляется должная забота о повышении культуры земледелия, не вносится необходимое количество удобрений, мелиорантов, слабо внедряются прогрессивные формы организации и стимулирования труда, недостаточно внимания уделяется подготовке и закреплению квалифицированных кадров массовых профессий. В результате на значительной части площадей длительное время не достигается проектная урожайность, а вкладываемые государством средства еще не дают нужную отдачу.

Требуется принятие безотлагательных мер по дальнейшему совершенствованию водохозяйственного строительства и улучшению качества работ. Все еще допускается распыление средств, факты использования их не по назначению, медленно снижается объем незавершенного строительства. Далеко не на всех объектах обеспечивается комплексность в строительстве, отстает обустройство хозяйств, осваивающих мелиорируемые земли. Плановыми, водохозяйственными и сельскохозяйственными органами недооцениваются реконструкция и ремонт действующих систем, проведение в необходимых объемах культуртехнических работ. При проектировании и строительстве мелиоративных систем не всегда глубоко обосновываются направления и первоочередность в использовании капитальных вложений, не везде применяются современные инженерные решения, обеспечивающие высокую надежность создаваемых сооружений, быструю окупаемость вкладываемых средств.

Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство плодоовощного хозяйства СССР, агропромышленные объединения нередко проявляют несогласованность и медлительность, без должной настойчивости решают многие коренные вопросы дальнейшего развития мелиорации. Довольствуясь объемными показателями в работе, не предъявляют должного спроса к руководителям и специалистам водохозяйственных организаций, колхозов и совхозов за рациональное использование земельных и водных ресурсов, обеспечение надежной работы водохозяйственных систем, за повышение эффективности капитальных вложений и мелиорированных земель. В ряде мест партийные организации ведут недостаточную организаторскую и политико-воспитательную работу в трудовых коллективах колхозников, работников совхозов, мелиораторов, строителей, слабо направляют их усилия на приведение в действие всех резервов увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Масштабность и значимость задач по преобразованию земель, которые определены на двенадцатую пятилетку и на перспективу, требуют воспитания у кадров всех звеньев государственного отношения к делу, повседневной партийной заботы о росте их деловой квалификации, повышения ответственности за эффективное ведение работ по мелиорации и результаты хозяйствования на улучшенных землях.

Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет:

1. Полностью одобрить содержащиеся в речи на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС тов. К. У. Черненко положения и выводы о дальнейшем развитии экономики страны, основных направлениях интенсификации сельскохозяйственного производства, повышении роли мелиорации в устойчивом наращивании продовольственного фонда. Партийным, советским и хозяйственным органам, общественным организациям и трудовым коллективам постоянно руководствоваться ими в своей практической деятельности.

2. Одобрить утвержденную Политбюро ЦК КПСС и изложенную в докладе члена Политбюро, Председателя Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонова долговременную программу мелиорации и повышения эффективности использования мелиорированных земель на двенадцатую пятилетку и на перспективу до 2000 года.

Главными ее направлениями считать:

высокоэффективное использование всех орошаемых и осушенных земель с достижением каждым хозяйством в установленные сроки проектной урожайности;

ОЕ СООБЩЕНИЕ
НИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

жаев — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Н. А. Назарбаев — Председатель Совета Министров Казахской ССР, Н. Н. Слюньков — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Н. Д. Терещенко — председатель колхоза «Путь к коммунизму» Степновского района Ставропольского края, С. К. Гроссу — первый секретарь ЦК Компартии Молдавии, Н. Ф. Васильев — министр мелиорации и водного хозяйства СССР, Г. П. Разумовский — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, В. П. Никонов — министр сельского хозяйства РСФСР, Н. Ф. Аксенов — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, П. П. Гришкявичус — первый секретарь ЦК Компартии Литвы.

По обсуждавшемуся вопросу Пленум ЦК КПСС принял постановление, которое публикуется в печати.

На этом Пленум закончил работу.

ПЛЕНУМА ЦК КПСС

ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАРАЩИВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ФОНДА СТРАНЫ

ускорение развития орошаемого земледелия на юге страны — Северном Кавказе, Поволжье, Украине и Молдавии с целью создания крупных зон гарантированного производства сельскохозяйственной продукции;

продолжение ирригационного строительства в республиках Средней Азии, Казахстане и Закавказье;

осуществление комплекса мелиоративных работ в Нечерноземной зоне РСФСР, Сибири и на Дальнем Востоке, в Полесье Украины, Белоруссии, Прибалтике;

расширение в колхозах, совхозах, межхозяйственных объединениях поливных участков с использованием местного стока, подземных вод, лиманного орошения.

Совету Министров СССР, Госплану СССР, министерствам и ведомствам, Советам Министров союзных республик обеспечить в годовых и перспективных планах экономического и социального развития выделение капитальных вложений и материальных ресурсов в полном объеме для безусловного выполнения заданий, предусмотренных программой мелиорации.

3. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, окружкомам, горкомам, райкомам партии, Министерству сельского хозяйства СССР, Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерству плодоовощного хозяйства СССР, Госкомсельхозтехнике СССР, советским органам, агропромышленным объединениям, первичным партийным организациям, хозяйственным руководителям развернуть активную организаторскую и массово-политическую работу по успешному выполнению задач, вытекающих из долговременной программы мелиорации.

Усилить экономическую и моральную ответственность и заинтересованность руководителей и специалистов, трудовых коллективов сельскохозяйственных и водохозяйственных предприятий в конечных результатах работы на мелиорированных землях. Добиваться своевременного, четкого выполнения всего комплекса агротехнических, технологических, организационных мер, обеспечивающих высокоинтенсивное ведение земледелия, ежегодное получение программируемого урожая всех сельскохозяйственных культур. Строго придерживаться установленного порядка о полном обеспечении мелиорированных угодий минеральными удобрениями, химическими мелиорантами и пестицидами, техникой, семенами высокопродуктивных сортов и гибридов. Принять меры по увеличению добычи и применения торфа на удобрения, а также производству и поставке извести и других известковых материалов. Значительно усилить работу по качественному улучшению земель, реконструкции и повышению технического уровня мелиоративных систем, организации надежной эксплуатационной службы. Осуществить систему мероприятий по экономному расходованию воды на орошение, шире внедрять прогрессивные способы поливов.

Организовать подготовку квалифицированных кадров для работы в колхозах и совхозах на орошаемых и осушенных землях.

4. Обязать Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство плодоовощного хозяйства СССР, партийные и советские органы принять действенные меры по улучшению всего дела организации водохозяйственного строительства, усилить контроль за выполнением требований ЦК КПСС о повышении эффективности капитальных вложений, сокращении сроков сооружения и освоения производственных мощностей, о дальнейшей концентрации необходимых ресурсов на важнейших стройках. Обеспечить на мелиорируемых землях комплексное строительство, включая сельскохозяйственное обустройство, сооружение дорог, а также своевременный ввод жилья, детских учреждений, объектов культурно-бытового назначения, рассматривая это как непременное условие повышения эффективности использования средств, вкладываемых в мелиорацию.

5. В осуществлении мелиоративной программы Пленум ЦК КПСС придает важное значение ускорению научно-технического прогресса.

Поручить Государственному комитету СССР по науке и технике, Академии наук СССР, ВАСХНИЛ, Министерству сельского хозяйства СССР, Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерству плодоовощного хозяйства СССР, Государственному комитету СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды улучшить работу научных учреждений по исследованию проблем повышения продуктивности и устойчивости земледелия в условиях орошения и осушения применительно к различным природно-климатическим зонам страны, селекции новых сортов и гибридов интенсивного типа. Следует усилить внимание к вопросам экономической эффективности мелиорации, разработке и созданию технически совершенных оросительных и осушительных систем, современных машин для выполнения мелиоративных, ремонтно-восстановительных и сельскохозяйственных работ. Ускорить внедрение достижений науки и передового опыта в водохозяйственное строительство и сельскохозяйственное производство.

Значительно повысить научную обоснованность регионального перераспределения и рационального использования водных ресурсов, проявлять постоянную заботу об охране окружающей среды.

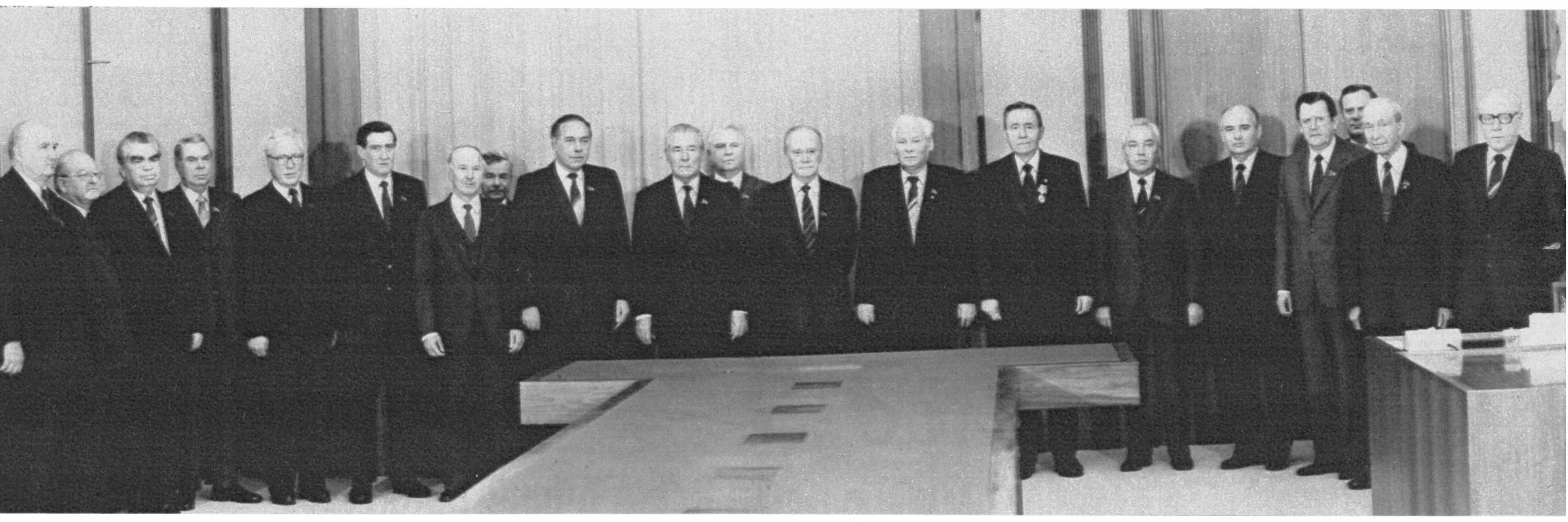
6. Госплану СССР, Госснабу СССР, министерствам машиностроительной, химической, энергетической и других отраслей промышленности обеспечить поставку машин, материалов и оборудования высокого качества и надежности в строгом соответствии с разработанной программой. Активизировать работы по созданию более совершенной, высокопроизводительной и экономичной землеройной и мелиоративной техники, приборов, средств автоматизации и телемеханизации водохозяйственных сооружений, машин и оборудования, специально предназначенных для ремонта и эксплуатации мелиоративных систем, ускорить освоение серийного их выпуска.

Партийным организациям промышленных предприятий держать под постоянным контролем выполнение установленных заданий по обеспечению колхозов, совхозов, водохозяйственных организаций техникой, средствами химизации, полимерными материалами, другими ресурсами, необходимыми для эффективного использования орошаемых и осушенных земель, проведения нового строительства, реконструкции, ремонта и эксплуатации мелиоративных систем. Нацеливать трудовые коллективы на изыскание дополнительных резервов и возможностей для перевыполнения этих заданий.

7. Пленум ЦК КПСС подчеркивает, что решение новых крупных задач в области мелиорации земель требует дальнейшего совершенствования стиля и методов партийного руководства. Необходимо всемерно развивать и поощрять инициативу и деловитость, укреплять дисциплину и порядок, повышать действенность контроля, активизировать социалистическое соревнование в трудовых коллективах, сосредоточивать их усилия на решении конкретных задач повышения эффективности использования капитальных вложений и созданного мелиорированного фонда. Проявлять больше заботы о широком внедрении хозрасчетного бригадного подряда, опыта передовых хозяйств, превысивших проектную урожайность на мелиорированных землях. В выполнении этих задач усилить роль партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, местных Советов.

Редакциям центральных, республиканских, местных газет, телевидения и радиовещания, Государственному комитету СССР по кинематографии широко освещать ход реализации планов дальнейшего развития мелиорации, достижений передовиков и новаторов производства, раскрывать роль и значение мелиорации в выполнении Продовольственной программы страны.

Пленум Центрального Комитета КПСС выражает твердую уверенность, что долговременная программа развития мелиорации земель будет воспринята коммунистами, всеми трудящимися как важнейшая хозяйственно-политическая задача, решение которой будет активно способствовать устойчивому развитию аграрного сектора экономики, дальнейшему повышению на этой основе благосостояния советских людей.

Во время вручения награды.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ А. А. ГРОМЫКО

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил 18 октября в Кремле орден Ленина члену Политбюро ЦК КПСС, первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, министру иностранных дел СССР А. А. Громыко.

При вручении награды тов. К. У. Черненко выступил с речью, в которой, в частности, сказал:

— Дорогой Андрей Андреевич! С чувством искреннего удовлетворения я выполняю порученную мне миссию — вручить Вам орден Ленина, которым Вы награждены за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с 75-летием.

В ответной речи А. А. Громыко сказал:

— Разрешите заверить вас, дорогие товарищи, и в вашем лице ЦК партии и Советское правительство в том, что работники внешнеполитического фронта всегда будут непреклонно отстаивать интересы своей Родины, решительно защищать интересы мира.

При вручении награды товарищу А. А. Громыко присутствовали члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, секретари ЦК КПСС М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Ватченко.

Члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС поздравили товарища А. А. Громыко с высокой наградой. Они пожелали ему крепкого здоровья, дальнейших успехов в его многогранной деятельности на благо Коммунистической партии и Советского государства, во имя укрепления мира.

В. В. Гришин выступает на встрече с политическим активом югославской столицы.

Фото В. Будана (ТАСС)

ВИЗИТ В БЕЛГРАД

17 октября в соответствии с приглашением в Белград отбыла делегация Московского городского комитета КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным, которая приняла участие в мероприятиях, посвященных 40-летию освобождения Белграда от фашистских захватчиков.

В тот же день состоялась беседа в горкоме Союза коммунистов Белграда. Во время беседы стороны обменялись опытом работы городских партийных организаций, рассмотрели вопросы, представляющие взаимный интерес.

Вечером 18 октября делегация встретилась с политическим активом югославской столицы. Участники встречи тепло приветствовали советских гостей. Перед собравшимися выступил В. В. Гришин.

Делегация МГК КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем Московского городского комитета партии В. В. Гришиным встретилась 19 октября с Председателем Президиума ЦК СКЮ А. Шукрия. Беседа, прошедшая в дружеской обстановке, касалась дальнейшего развития отношений между КПСС и СКЮ, СССР и СФРЮ. Были также затронуты другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

20 октября по случаю 40-й годовщины со дня освобождения Белграда от фашистских захватчиков состоялось торжественное собрание общественности столицы СФРЮ. В нем приняла участие делегация МГК КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем Московского городского комитета партии В. В. Гришиным.

21 октября делегация МГК КПСС возвратилась в Москву.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2989)

27 ОКТЯБРЯ 1984

ВОЛЯ ПЛАНЕТЫ — МИР

Дмитрий ВЕЛИКИЙ

Прошло почти четыре десятилетия с тех пор, как двадцать четвертого октября 1945 года вступил в силу Устав Организации Объединенных Наций, в преамбуле которого была отражена решимость народов объединить свои усилия для поддержания международного мира и безопасности, избавить грядущие поколения от бедствий войны. Теперь уже можно констатировать, что именно усилиями стран социалистического содружества, миролюбивых государств и народов, входящих в состав ООН, человечество было избавлено от глобальных военных конфликтов на 39 лет. Сейчас вопрос о мире и войне достиг максимальной актуальности и оформился в сознании людей в шекспировское «Быть или не быть?». И в том, что эти тождества: мир — значит жизнь, а война — уничтожение всего живого — справедливы, у человечества сомнений нет. Как нет сомнений и в том, что лишь конкретными мерами, лишь в борьбе можно достичь заветной мечты народов — стабильного мира и безопасности. Глубоко символично в этом контексте, что в годовщину вступления в силу Устава ООН на всей планете начинается традиционная Неделя действий за разоружение. В ней как в капле воды отражена воля народов не допустить ядерной катастрофы, уберечь планету от всеразрушающего пожара атомной войны.

Политике, проводимой Советским государством, близки интересы всеобщего мира и безопасности на планете. Последовательные политические шаги СССР на международной арене, по всеобщему признанию, в той же мере направлены на достижение этих целей, в какой служат интересам укрепления взаимопонимания между народами и климата доверия на планете его конструктивные мирные инициативы.

Очередным проявлением доброй воли со стороны Советского Союза стали инициативы, содержащиеся в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К. У. Черненко на вопросы газеты «Вашингтон пост». В них, как подчеркивает международная печать, Советский Союз, верный своей принципиальной политике мира, выступает за серьезные деловые переговоры по важнейшим международным проблемам, призывает США осуществить практические дела с целью достижения реального сдвига в советско-американских отношениях, в деле обуздания гонки вооружений, укрепления мира и безопасности народов.

«Выдвинутый К. У. Черненко масштабный комплекс подлинно конструктивных внешнеполитических инициатив созвучен стремлению большинства американского народа к сохранению мира, к улучшению советско-американских отношений» — таково мнение исполнительного директора Совета мира США М. Майерсона. При этом он подчеркнул: достойно сожаления, что «в то время, как СССР проявляет подлинную политическую волю к миру, администрация Рейгана упорно отказывается устранить препятствия для ведения в конструктивном духе переговоров, касающихся ядерного оружия». А между тем, как констатирует английская «Таймс», реализация четких и ясных предложений, с которыми выступил советский руководитель, привела бы к разрядке международной напряженности.

«Общественность планеты с возрастающим беспокойством следит за попытками рейгановской администрации скрыть за миролюбивой риторикой отсутствие конкретных планов прекращения гонки вооружений и улучшения международного климата», — отмечает индийская газета «Пэтриот».

Что ж, беспокойство это вполне оправданно. И доктрина Рейгана, еще раз изложенная им во время последних теледебатов с кандидатом на президентский пост Мондейлом, не может не вселить еще большую тревогу за судьбы человечества. Оказывается, путь к прекращению гонки вооружений и вообще к благополучию человечества лежит... через перенесение этой гонки в космос — вот суть его концепции. Рассуждая же на темы войны и мира, контроля над вооружениями, президент вообще обошел молчанием конкретные предложения, выдвинутые Советским Союзом и получившие самый широкий отклик и одобрение мировой, в том числе и американской, общественности.

Миротворческая риторика, столь же неискренняя, сколь и пустая, вновь пущена в ход хозяином Белого дома. Это та же самая вязкая жвачка демагогии, которой президент давно уже потчует американцев. Это та же самая псевдоготовность к диалогу, о которой К. У. Черненко сказал: «Слова о готовности американской администрации к переговорам мы слышали и раньше, но они ни разу не подтвердились реальными делами, которые свидетельствовали бы о действительном желании договориться на справедливой и взаимоприемлемой основе хотя бы по одному из существенных вопросов наших отношений — особенно в области ограничения вооружений и уменьшения военной опасности».

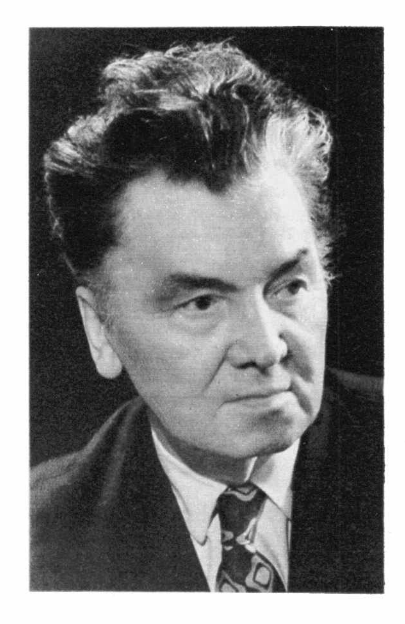
О том, к чему Вашингтон в действительности готовится, красноречиво свидетельствуют триста миллиардов долларов, которые Рейган потребовал у конгресса на вооружение на 1985 год. И трюки с превращением из ястреба в голубя мира, исполняемые им на предвыборной сцене, мало кого могут обмануть.

Об этом свидетельствует и новый подъем антивоенного движения в мире. Массовые демонстрации его участников проходят в США, странах Западной Европы, мощными волнами они прокатываются по всей планете, по всем континентам. Неделя действий за разоружение стала еще одной яркой страницей, вписанной в историю движения народов против войны.

Воля человечества — быть! Воля планеты — мир!

ЕМИЛИАН НЕСТОРОВИЧ БУКОВ

Советская многонациональная литература понесла тяжелую утрату. На 76-м году жизни после продолжительной болезни скончался один из основоположников молдавской советской литературы Герой Социалистического Труда, народный писатель республики, лауреат Государственной премии Молдавской ССР, член правления Союза писателей СССР Емилиан Несторович Буков.

Е. Н. Буков родился 8 августа 1909 года в г. Килии. Будучи членом Союза коммунистической молодежи, поэт активно участвовал в подпольной революционной борьбе против буржуазно-помещичьего режима, за освобождение Бессарабии и ее воссоединение с СССР. В те годы были опубликованы сборники его стихов «Труд кипит», «Речь солнца», рассказы, переводы произведений советских писателей.

С особой силой раскрылся многогранный талант Е. Н. Букова в годы Советской власти. Своим творчеством он внес значительный вклад в становление социалистического реализма в литературе Советской Молдавии.

Сборник стихов «Весна на Днестре», поэмы «Страна моя», «Песня молодости», «Сказание об Андриеше», роман «Растут этажи» и другие произведения писателя, насыщенные идеями советского патриотизма и социалистического интернационализма, воспевают жизнь нашего современника, нерушимую дружбу советских народов.

Книги Е. Н. Букова снискали широкое признание в нашей стране и за рубежом.

Е. Н. Буков вел большую государственную и общественную работу. Он был заместителем Председателя Совета Министров Молдавской ССР, возглавлял Союз писателей республики, избирался членом ЦК Компартии Молдавии, депутатом Верховного Совета СССР второго, третьего и десятого созывов.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили заслуги Емилиана Букова, присвоив ему высокое звание Героя Социалистического Труда. Он награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Имя писателя-коммуниста Емилиана Несторовича Букова, отдавшего весь свой талант делу партии и народа, будет жить в сердцах советских людей.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, С. К. Гроссу, А. А. Епишев, Б. И. Стукалин, Б. Н. Пастухов, В. Ф. Шауро, Г. М. Марков, В. М. Мишин, И. П. Калин, И. Г. Устиян, В. И. Смирнов, П. П. Петрик, Н. П. Кирияк, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Ю. Я. Барабаш, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, К. М. Долгов, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Л. М. Леонов, А. П. Лупан, Э. Б. Межелайтис, С. В. Михалков, Г. М. Мусрепов, Л. Н. Новиченко, К. Н. Яшен, В. М. Озеров, Р. И. Рождественский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), Ю. И. Суровцев, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров.

Новелла ИВАНОВА

Двадцать лет провел в застенках Южно-Африканской Республики коммунист Дэвид Китсон. В мае этого года он вышел на свободу. А спустя три месяца вместе с женой Нормой приехал в нашу страну, здесь, в Сочи, состоялась эта встреча.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В ЗАСТЕНКАХ

Он стоял на клубной сцене — невысокий пожилой человек в очках—и смущенно повторял по-русски: «Спасибо... спасибо». Высокая светловолосая девушка подошла к нему с подарком: «С днем рождения, дорогой Дэвид Китсон! Мы все от души желаем вам долгого счастья!» А потом на сцену поднялся темнокожий коммунист из Мартиники, поэт Жорж Фитт-Дюваль: «Прими и мое поздравление, друг! А в подарок — вот эти строки:

Ты — мой брат, хоть рожден
белокожим,
Ты — мой брат, и пути наши
схожи,
Ты, как я, ненавидишь
расизм,
Веришь так же, как я,
в коммунизм».

Он стоял с букетом цветов, улыбаясь, и было видно, как с трудом он удерживался от слез. Двадцать лет, целую жизнь мечтал он в заточении о том, как встретит свободу, но такое не могло ему пригрезиться: день рождения, свое шестидесятипятилетие, он празднует в стране Ленина, среди советских людей и зарубежных гостей! И вспомнилось ему, как студентом, в всемнадцать лет, впервые всем сердцем потянулся он к этой стране, а потом всю жизнь по крупицам собирал свое богатство — правду об СССР. Брошенный расистами в тюрьму, он, уже 45-летний, зрелый человек, отец двух детей, с усердием школьника почти год изучал русский язык. Тюремное начальство дознялось об уроках русского и запретило их: «Зря стараешься, Китсон. Будь уверен, тебе не придется беседовать с русскими!»

А вот ведь пришлось! Я была на одной встрече. Дэвид Китсон рассказывал о деятельности Африканского национального конгресса (АНК), членом верховного военного командования которого он был назначен в 1963 году, о борьбе Южно-Африканской коммунистической партии, созданной в 1921 году под влиянием Великого Октября, и о позоре ЮАР — «бандустанах», резервациях, куда насильно согнано коренное население — африканцы. При поддержке иностранного капитала, и прежде всего США, белое меньшинство — 4,7 миллиона человек — вершит в этой стране судьбу 25 миллионов африканцев, 2,8 миллиона «цветных» и около миллиона индийцев! Эти люди отстранены от участия в политической жизни, у них отняли плодородную землю, на которой жили их предки, им запретили жить в городах среди белых и даже выходить из собственного дома после одиннадцати вечера.

Семья Дэвида Китсона принадлежала к этому белому меньшинству. Его родители-англичане поселились здесь еще до первой мировой войны. Здесь, в Кейптауне, у них родился сын. В начале второй мировой войны он поступил на механический факультет в университет в городе Дурбан. Став инженером высокой квалификации, он мог жить до конца дней в благополучии и полном комфорте, созданном здесь только для белых. Но Дэвид Китсон избрал другую дорогу: он посвятил жизнь борьбе с апартеидом, расизмом и бесправием, а для таких, как он, в этой богатой стране построены специальные тюрьмы, и в тюрьмах для белых политических заключенных он провел двадцать лет.

— Что дало вам силу выстоять и не сломиться? — спросили у него во время этой встречи.

Его ответ я записала слово в слово.

— Я сам много раз задавал себе этот вопрос и твердо знаю, что моей опорой была борьба, которую я и мои товарищи по заключению все эти годы вели в тюрьме,— ответил он.— Я пытался представить, смог бы я выдержать все то, что выпало на мою долю, не будь рядом со мной мужественных, сильных духом товарищей, если бы мы не получали информацию о том, что наша судьба тревожит людей во многих странах, и честно скажу, нет, не смог бы!

...Он попал в тюрьму в декабре 1964 года, где было 25 белых политзаключенных. Люди, разные по возрасту (самому младшему исполнилось 21 год, а старшему 65 лет) и разные по политическим убеждениям (среди них был даже священник, а коммунистов только четверо), но всех их объединяла ненависть к апартеиду.

— Мы сидели в камерах-одиночках. В семь утра двери открывались, мы получали скудный завтрак и шли работать в мебельные мастерские. В двенадцать дня нас разводили по камерам, закрывали на ключ — охрана шла обедать. Потом нам приносили тюремную похлебку — и снова работа. В шесть вечера, после голодного ужина, выключался свет. Самым тяжким для нас было зимнее время: камеры не отапливались, мы зверски замерзали. Первые три года приходилось спать прямо на полу. Появление в камерах кроватей было первой серьезной победой нашего «комитета восстановления сил», я был избран товарищами руководителем этого подпольного комитета и теперь думал не о своей судьбе, а о том, как помочь другим. Мы мерзли, а в летний зной нам не давали воды для мытья, не давали ни читать, ни писать, нам разрешалось отправлять и получать лишь одно письмо в полгода и раз в полгода на полчаса одно свидание, а с кем — решало тюремное начальство. И наш комитет повел настойчивую борьбу за улучшение условий, в которых нас содержали.

Борьба стала целью нашей жизни в тюрьме. Изо дня в день, шаг за шагом мы настойчиво шли к этой цели. И мы добились разрешения получать некоторые газеты. Но даже из этих буржуазных изданий мы по крупицам добывали интересовавшую нас информацию о том, что происходит в СССР. Так мы узнали о рождении Иркутской ГЭС, о строительстве БАМа... Спустя десять лет мы добились разрешения пользоваться тюремной библиотекой. Спустя четырнадцать лет мы добились разрешения слушать радио, ежемесячно получать три письма и принимать в год трех посетителей! Так, было до 1979 года. В том году из нашей тюрьмы был совершен дерзкий побег, и многое из того, чего мы добились, отменили. Тюрьму начали перестраивать, а заключенных переведи кого куда. Я оказался в застенке, где содержались люди, приговоренные к смертной казни. Здесь ежегодно погибают на виселице сто человек, и только за последнюю неделю до моего освобождения было казнено тринадцать заключенных. Три года, проведенные в этой тюрьме,— самые тяжелые для меня. Но и здесь продолжалась борьба, и благодаря международной кампании, организованной в защиту троих моих друзей, осужденных к смерти, они были спасены и вышли на свободу.

...На следующий день после этой встречи я увидела супругов Китсон на пляже. Мы познакомились, и я попросила ответить на несколько вопросов «Огонька». Дэвиду наш журнал был известен, и он сказал, что будет рад встретиться с его читателями.

— Давайте сделаем так,— предложил он,— на ваши вопросы мы будем отвечать вместе с Нормой, ведь моя жена коммунист и долгие годы участвует в революционной борьбе.

— В таком случае первый вопрос: где, когда и как возникла ваша семья?

Дэвид. В 1955 году, в Лондоне. Мне было 36, а Норме 21 год. Но сначала, наверное, надо рассказать, как я там оказался. Еще в университете я стал членом Компартии Южной Африки, вел пропагандистскую работу среди рабочих порта в Дурбане. В 1947 году я уехал в Лондон для продолжения учебы на одном из факультетов университета в Оксфорде. Тут я однажды и встретился с Нормой. Помнится, шел с покупкой домой, когда меня окликнул старый знакомый по работе в профсоюзах...

Норма. Ты был бесподобен с этими брюками, висевшими на согнутой руке: я никого не знаю, кто бы носил покупки так, как ты, без всякой упаковки! Мы познакомились. Оказалось, что оба приехали из ЮАР и у нас много общих знакомых среди тех, кого апартеид числит в своих врагах... Потом я встретила Дэвида в подготовительном комитете Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который должен был состояться в Варшаве. Мы оба были его участниками, но для меня поездка в Польшу имела особое значение — ведь это страна, откуда родом моя мать. Я вернулась под большим впечатлением от социалистической Польши. И хотя в Лондоне мы жили счастливо — у нас был дом, работа и рос маленький сынишка,— все сильнее тянуло на родину, где разгоралось пламя национально-освободительной борьбы. В 1959 году с годовалым сыном на руках мы вернулись в ЮАР.

— А спустя пять лет Дэвид Китсон будет брошен в тюрьму... Каким остался в памяти тот страшный день?

Дэвид. В то время уже действовал так называемый «закон о подавлении коммунизма», согласно которому «коммунистом является всякий, кто пытается вызвать незаконными средствами политические, экономические или социальные перемены». В те дни компартия была уже запрещена, но вокруг нее сплотились все силы страны, которые ставили своей целью покончить с расизмом. Я устроился работать инженером, а Норма — секретарем-машинисткой в одну солидную контору. Под таким надежным прикрытием мы стали выполнять задания партии, готовили документы, разоблачающие расизм, прокламации, листовки. А вскоре в моей жизни наступил важный этап. День кровавой расправы, учиненной расистами в 1960 году в Шарпевиле, когда была расстреляна мирная демонстрация и погибло 69 человек, стал поворотным в борьбе против апартеида. Африканский национальный конгресс призвал к созданию вооруженной силы движения. В АНК создается «военное крыло», и меня направляют на эту работу. Чрезвычайное положение, введенное в стране, создало нам огромные трудности. Мы вели работу в глубоком подполье. Летом 1963 года было арестовано все руководство АНК. И вскоре начался так называемый «ривонийский процесс». Он длился восемь месяцев, и Нельсон Мандела, лидер АНК, блестящий адвокат по профессии, замечательно провел свою защиту. Однако приговор был жестоким — всех обвиняемых ждало пожизненное заключение. Но борцы с апартеидом не отступили. Было создано новое руководство АНК — я вошел в его состав. Мы продолжали борьбу, хотя понимали, что нам грозит тюрьма или даже смерть на виселице...

Норма. Когда Дэвида арестовали, сыну исполнилось 6 лет, а дочке 2 годика. Помню тот день, как сегодня... Я пришла с работы, а в нашем доме полно людей в штатской одежде, все перевернуто вверх тормашками, а Дэвид стоит у стола с побелевшим лицом. «Что случилось?» «Ничего особенного»,— сказал он и протянул мне доверенность на те небольшие деньги, которые мы держали в банке. Я поняла — слу-

чилось то, чего мы ожидали... Его увели из дома, не сказав куда. Я знала: в этой стране могли арестовать любого человека без всяких обвинений, просто если он покажется в чем-то подозрительным. Таких подозрительных обычно держат три месяца в тюрьме, применяя пытки, а потом могут и отпустить... Я терялась в догадках: провал? Провокация?

Дэвид. Меня увели из дома, и я знал, что предстоят тяжелые испытания. Из четырех членов верховного военного командования я единственный коммунист. Я был хорошо законспирирован и надеялся, что моя подлинная роль полиции неизвестна. Меня привезли в печально известный полицейский центр допросов. Здесь практиковался такой «метод»: допросы ведутся непрерывно с понедельника до среды, и подследственный обязан все трое суток день и ночь стоять. Ко мне применили этот метод. Когда я падал от слабости, меня окатывали холодной водой и снова пытали...

Норма. Я несколько дней ничего не знала о судьбе мужа. Металась по городу, искала его следы — безрезультатно. Наконец мне повезло, один из знакомых журналистов сказал, что случайно узнал, где держат Дэвида. Мне удалось выдать себя за жену следователя. Охранник сказал: «Идите, допросы идут на шестом этаже». Я поднялась на шестой этаж. Где, за какой дверью Дэвид? Открыла одну дверь и увидела окровавленного африканца. Быстро захлопнула дверь и в нерешительности открыла следующую — неужели это Дэвид? Боже, что они с ним сделали! Он едва стоял у стены в мокрой одежде...

Дэвид. Нужно было что-то говорить, отвечать моим мучителям, и я плел разные истории, надеясь, что отделаюсь полуправдой. Трех месяцев, чтобы разузнать обо мне истину, полицейским не хватило. Меня задержали еще на три месяца, продолжались допросы и пытки. В конце концов полиция все же докопалась, узнала мою роль в организации, а также имена еще трех товарищей. И тогда на 131 день меня посадили в камеру-одиночку. В полном неведении ждал я судебного процесса.

Норма. Через две недели после ареста Дэвида пришли и за мной, привезли туда же, где пытали мужа. Полицейский, сладко улыбаясь, спросил, знаю ли я, что меня ждет, если буду молчать. Я знала и думала только о своих малышах, и полицейский, угадав это, сказал, что дети мои будут отданы в сиротские дома...

Меня пытали три недели, а потом, продержав несколько дней в одиночной камере, отпустили. Власти готовились к громкому процессу — два белых и среди них Дэвид, два индийца и один черный предстали перед Верховным судом. Главными были обвинения в проведении подрывных акций и участие в нелегальной работе. Первым предстал перед судом африканец — его приговорили к пожизненному заключению в тюрьме. Вторым шел Дэвид, и ему, как все думали, грозила смертная казнь: Дэвиду предложили написать прощальную речь, а по традиции в ЮАР такую речь писали осужденные к смерти. Но сыграла большую роль поддержка из-за рубежа, солидарность английских рабочих, нанявших опытного адвоката, и его приговорили к 20 годам тюремного заключения. Что ожидало меня и детей? Не надо было об этом гадать — я оказалась под неусыпным полицейским надзором, а нашего сына в школе избивали и учителя-расисты и дети. Чтобы спасти детей, я выехала в Англию, не получив разрешения властей, и тем самым навсегда потеряла право гражданства в ЮАР...

— Когда же вы, Дэвид, снова увидели своих детей?

Дэвид. Стивену было разрешено приехать из Англии на свидание со мной, когда ему исполнилось тринадцать лет, а дочку я увидел уже девушкой. Я жил ожиданием этих встреч, видел, как они взрослеют, и был счастлив, что сын и дочь стали коммунистами: Стивен — инженер, Амандла учится в театральном институте. В последние годы каждый их приезд в ЮАР наполнял мое сердце тревогой. Стивена однажды арестовали и бросили в одиночную камеру. Но властям не удалось доказать его причастность к побегу из тюрьмы политических заключенных, его отпустили. Вскоре после того в Йоганнесбурге неизвестные лица убили сестру Нормы, которая заботилась обо мне. Я тревожился о детях, потому что, приезжая в ЮАР, они не отсиживались дома, а встречались с людьми, которые состояли под полицейским надзором.

...Норма Китсон показала мне цветную фотографию — худенькая белокурая девушка нежно обнимает немолодую африканку. «Это наша Амандла в гостях у Винни, жены Нельсона Манделы. Эту необыкновенную мужественную женщину расисты принудили жить в отдаленной провинции, но она все равно не одинока!»

— Это большое счастье, что дети стали вашими единомышленниками и, конечно, ваша жизнь стала для них примером. А как пришли в революционную борьбу вы сами?

Дэвид. Вы спросили, и я подумал, что все-таки корни моего неприятия расизма были заложены в семье, где к расизму относились отрицательно. Мой отец, служащий, и мать никогда не интересовались коммунистическими идеями. Лейбористы по своим политическим взглядам, они от коммунизма шарахались в испуге, и мое политическое просвещение началось в университете. Это были годы прихода в Европе к власти фашизма, роста безработицы, экономической депрессии, и все эти проблемы были темой наших обсуждений в кружке, в котором собирались те, кто интересовался марксизмом, Советской страной. Мы жадно искали книги и статьи об СССР. Помню книгу, которую мы изучали, по-моему, она называлась «Шестая часть мира — социализм». Потом кто-то из нас раздобыл «Историю ВКП(б)». Когда же началась вторая мировая война, мы, члены кружка, перешли от теории к практике и стали помогать распространять коммунистическую газету. Однажды нас, двоих студентов, поймал полицейский. Но ввиду нашей молодости отпустил нас, предварительно записав адреса. Явившись домой, я на следующее утро, собравшись с духом, сказал родителям за завтраком: «Если я не приду как-нибудь домой, не волнуйтесь, я буду в тюрьме!» И рассказал все, как было. Отец спокойно выслушал меня: «Вы что же, собираетесь организовать здесь пролетарскую революцию?» «Да!» — твердо ответил я, и отец понял — меня не переубедить. С той поры я больше не скрывался от родителей. Коммунистом я стал в 21 год. Моего товарища, коммуниста Макса Джофри, он был врачом, без суда и следствия бросили в тюрьму только за то, что он лечил африканцев. В ответ на это мы, трое его друзей, вступили в ряды партии.

Норма: Я родилась и выросла в очень богатой семье и до 14 лет воспитывалась в закрытом пансионе. Дальше моя жизнь должна была идти по плану родителей: меня прочили в жены одному богачу, и, когда мне исполнилось 16 лет, я взбунтовалась и тайком покинула дом. Началась самостоятельная жизнь, которая открыла мои глаза, и я увидела окружающий мир таким, каким он был. Мне удалось устроиться секретаршей на алмазный рудник в одной провинции. Моим соседом по дому оказался белый инженер, отъявленный расист. Все, что я услышала от этого человека и увидела на руднике, где африканцев содержали, словно скотину, наполнило мое сердце отвращением к расизму раз и навсегда. В Йоганнесбурге, куда я вернулась, я нашла работу в одной из организаций Африканского национального конгресса. Вместо того, чтобы бегать на танцульки, я оказалась рядом с такими умными, интересными людьми, как Нельсон Мандела, Уолтер Сисулу... Эти люди хорошо знали, для чего жить и во имя чего бороться. Вскоре я стала членом молодежной лиги АНК. В 1955 году состоялся конгресс АНК, на котором была принята Хартия свободы. Мы распространяли анкету с вопросом «В каком обществе ты хотел бы жить?». Я все больше убеждалась, что нельзя жить в стороне от борьбы с апартеидом, надо бороться за будущее, и это привело меня в ряды коммунистов.

— Вместо спокойной, обеспеченной жизни вы сознательно избрали нелегкий путь борьбы, и, конечно, за минувшие два десятилетия самым счастливым днем стал тот, когда Дэвид Китсон вышел наконец на свободу. Расскажите, пожалуйста, об этом дне!

Дэвид. За 5 месяцев до окончания срока заключения меня перевели в другую тюрьму, чтобы оборвать мои связи, и я понял, что освобождение уже близко. За несколько дней до этого события меня привели к начальнику тюрьмы. «Завтра с охраной поедешь в Преторию, чтобы купить костюм. Прежний, который хранится у нас 20 лет, кажется, уже вышел из моды»...— изволил он пошутить. Это был самый первый мой выход за ворота тюрьмы. Наконец, настал день, когда мне объявили — сегодня я выйду на свободу. Принесли одежду, я переоделся, и меня посадили в тюремную машину с двумя сержантами. Мы выехали за ворота. Это было 11 мая 1984 года, а арестован я был 22 июня 1964 года! Наш путь лежал в Йоганнесбург, это в 70 километрах от Претории. Но, как выяснилось, сопровождавшие меня сержанты понятия не имели о том, как туда добраться, и мы... заблудились. Тогда я купил в придорожном отеле карту и, ориентируясь по ней, привез мою охрану к дому моего друга в Йоганнесбурге. А там, едва я вошел, непрерывно звонил телефон — друзья и родные хотели слышать мой голос. Наконец прорвался Лондон. «Отец! Наконец, на свободе!!!» — кричал в трубку Стивен. Потом я говорил с Нормой и Амандлой. У дочери моего друга как раз был день рождения — ей исполнилось 12 лет, и в гости собралось много ее подружек, одетых, как марсианки, в блестящие комбинезоны. Девочки поставили меня в круг и принялись плясать, и я от души плясал с ними!

Норма. Однако, едва выйдя на свободу, Дэвид снова... угодил в зал суда, но уже в Лондоне. Дело в том, что перед зданием посольства ЮАР мы постоянно организуем демонстрации в защиту узников режима апартеида. 20 июля, когда Дэвид приехал в Лондон, должна была состояться такая демонстрация. В то время в Лондоне находился премьер-министр ЮАР П. Бота, и полицейские получили указание разогнать эту демонстрацию. Но она состоялась, и Дэвид Китсон был среди тех, кто нес транспарант «АНК победит! Свободу Нельсону Манделе!»

В тот день был арестован 161 человек. Среди них я, Амандла и наш Стивен... Нас продержали недолго, отпустили. Но 1 августа участников демонстрации вызвали в суд, хотя до сих пор никогда не было судебных разбирательств по такому поводу. Дэвид пришел в суд как свидетель, и надо сказать, что его убедительная речь о режиме апартеида сыграла большую роль: мы выиграли судебный процесс, который правительство затеяло для того, чтобы «подыграть» расистским властям в ЮАР.

Прощаясь, я спросила у Дэвида, что он собирается делать теперь, на свободе.

— Продолжать борьбу! — ответил он.— Я остаюсь бойцом АНК и убежден, что борьба будет расширяться и крепнуть, пока режим Претории не перестанет существовать. Это будет нелегко, но победа придет, я твердо в это верю. Так будет, потому что сегодня Африканский национальный конгресс стал гораздо сильнее, чем тогда, когда мы только начинали борьбу. Тюрьмы, виселицы не остановят стремления народа к свободе. В прошлом году были арестованы одиннадцать лидеров АНК — их приговорили к двадцати годам тюрьмы, но на их место встали новые борцы!

Выйдя на свободу, я увидел, что мир вплотную приблизился к страшной ядерной катастрофе. Я увидел также, что за минувшие годы антикоммунизм достиг апогея, бесстыдно выдавая ложь за действительность, и нет сегодня задачи важнее разоблачения антикоммунизма и борьбы за мир и разоружение.

Меня приглашают в Оксфорд на преподавательскую работу. Вернувшись с отдыха, я по предложению английских профсоюзов поеду по стране, чтобы рассказывать о том, как в ЮАР ведут борьбу с расизмом борцы за свободу, я расскажу обязательно о том, что увидел в СССР за этот месяц. А увидел я общество социальной справедливости, где превыше всего люди ценят мир, за который они заплатили 20 миллионами жертв! Сбылась моя заветная мечта — я в стране, которая для меня и моих товарищей долгие годы была и остается маяком надежды. Именно здесь я начал писать книгу обо всем пережитом в застенках ЮАР за двадцать лет. Я хочу, чтобы эта книга стала моим оружием в борьбе с апартеидом и расизмом, которую я продолжаю!

Детишки села Салме.

Для телят здесь все удобства.

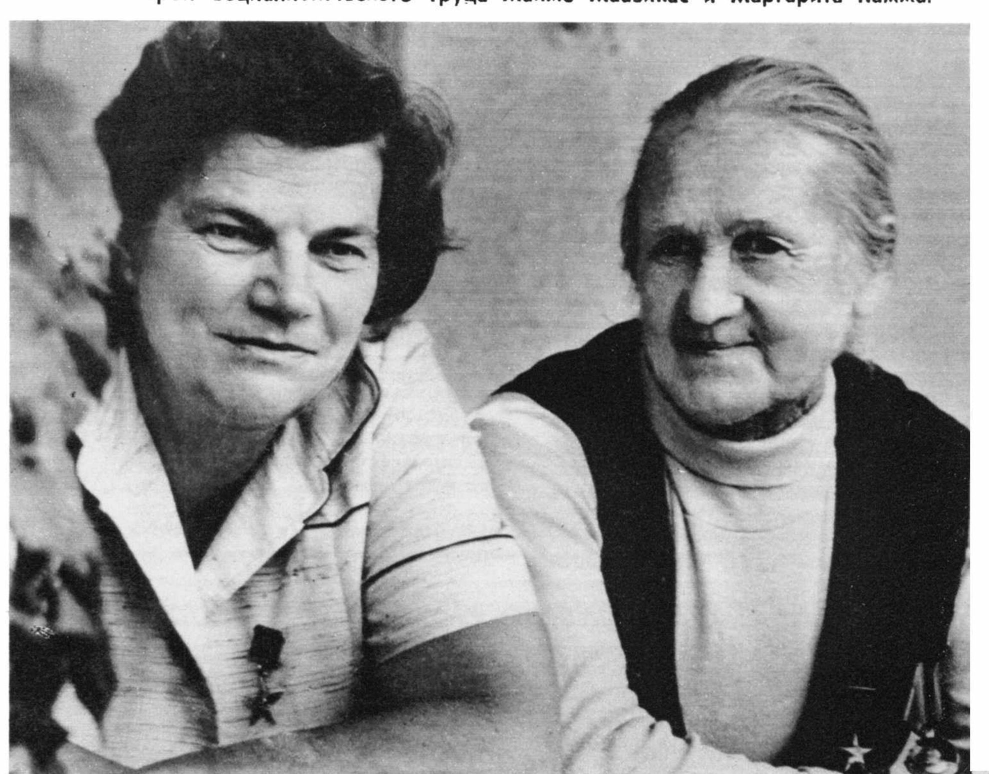
КАК ЖИВЕТЕ, АБХА

Привольно пасется колхозное стадо.

Герои Социалистического Труда Маймо Маазикас и Маргарита Камма.

Да здравствуют нерасторжимое интернациональное единство и братская дружба народов Советского Союза — животворный источник силы нашего общества!

Из Призывов ЦК КПСС к 67-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

Ия МЕСХИ, Нина ХРАБРОВА

Фото Анатолия БОЧИНИНА

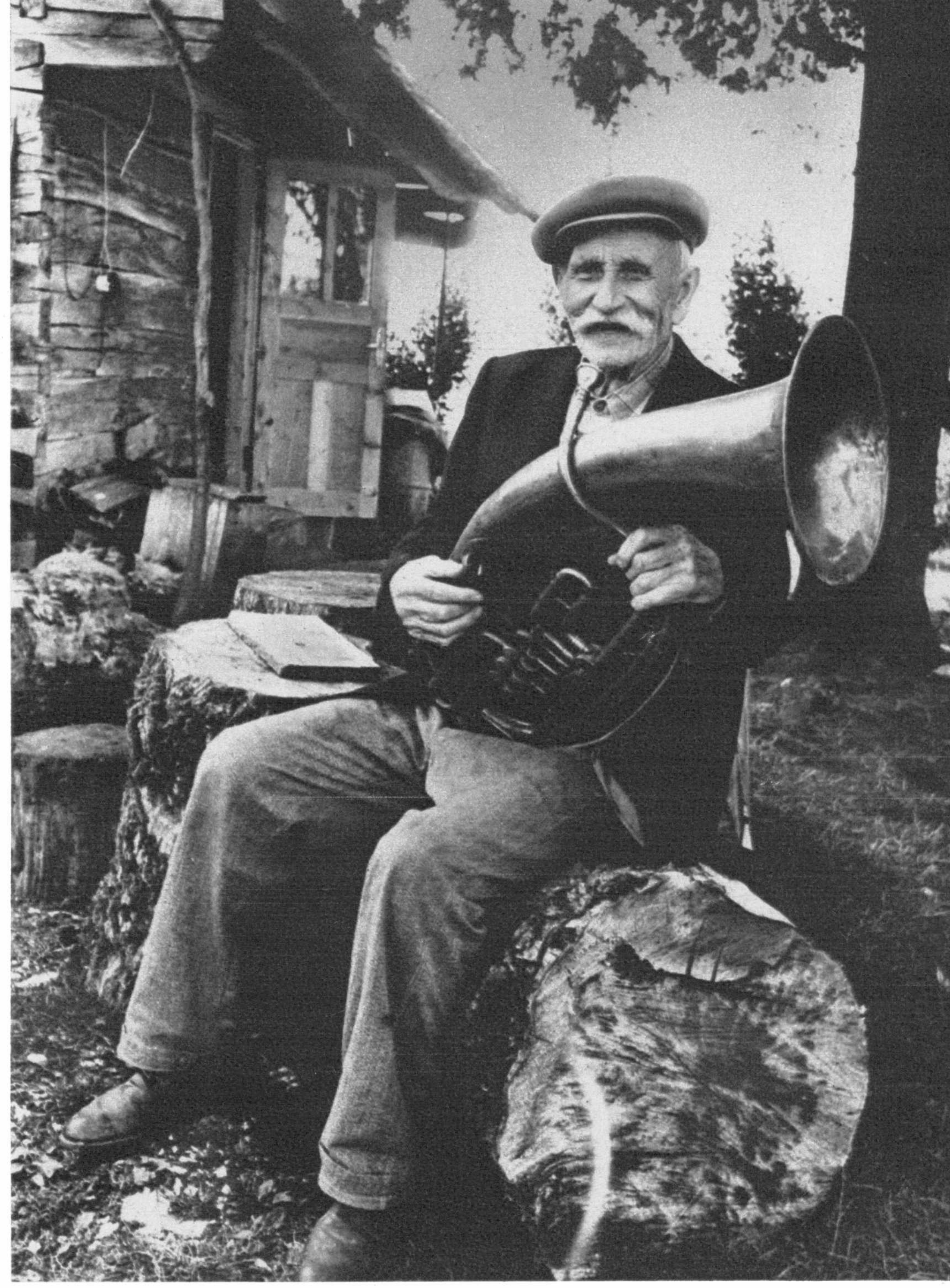
Итак, мы открыли Эстонскую Советскую Энциклопедию на букве «с» и прочли:

1. Салме — село в Кингисеппском районе ЭССР...

2. Салме (второе значение) — село в Гагрском районе Абхазской АССР Грузинской ССР...

Не будем лукавить, будто это привело нас в крайнее изумление. Известно, что в Абхазии, так же, как и на других землях нашей страны, вплоть до Дальнего Востока, давно живут переселенцы из прошлой, дореволюционной Эстонии. Но почему два Салме на берегу двух морей? И как все это произошло? Когда? Какие они, «абхазские эстонцы», сегодня? Эти и многие другие вопросы позвали нас в путь совместного (о нет, не научного, а всего лишь журналистского) исследования двух Салме.

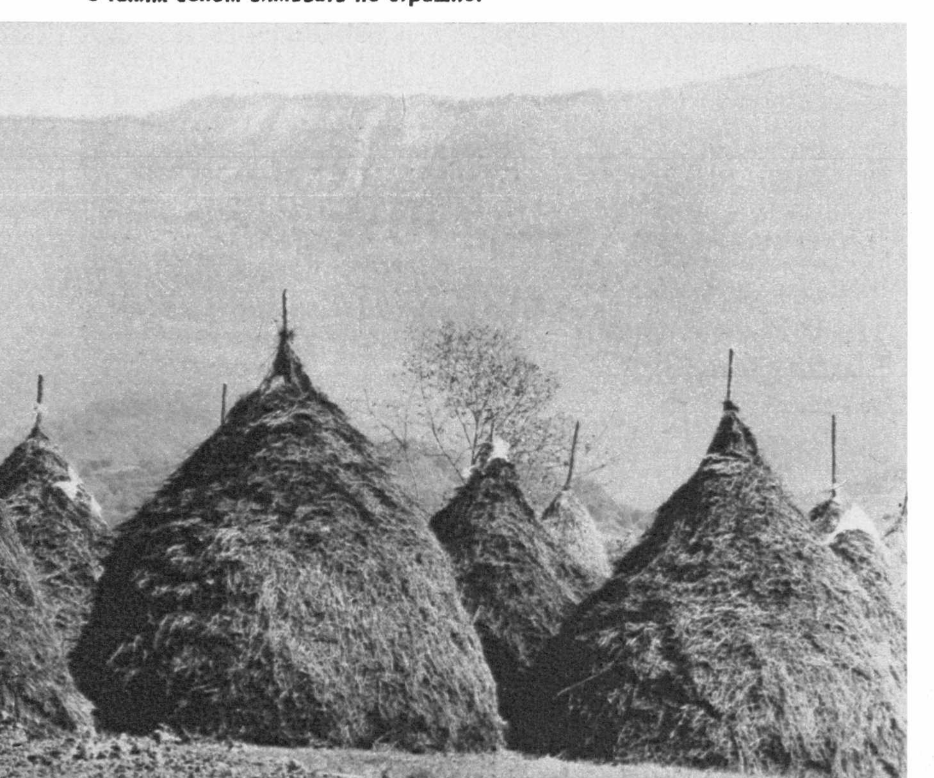
См. стр. 12.

Август Петрович Тиннерт приехал в Абхазию в 1891 году, когда ему было всего три года.

ЗСКИЕ ЭСТОНЦЫ?

С таким сеном зимовать не страшно.

В селе Сулево клуб был построен в 1929 году.

ШЕДЕВРЫ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Землянин через сотню лет. Давно уже, наверно, отпала надобность держать перо в руке: все немедля сделает, зафиксирует, отпечатает автомат. Компьютер. Сто́ит только произнести. Может, лишь задумать. Мы ведь еще не представляем границ всемогущества техники. Но значит ли это, что мы никогда уже не увидим юношу, зачарованно глядящего на белый лист? Мечтательно взирающего на звезды. И робко выводящего на бумаге первые, самые первые строки стихов к любимой. Никто, никто, пожалуй, не возьмется ответить на этот вопрос. Хотя есть уже ныне «мудрецы», сомневающиеся, останется ли человек человеком в нынешнем понимании этого высокого звания. Белая бумага и перо... А разве так далеко (в смысле примитивности орудия) ушли от них кисть, палитра? Столь же элементарные средства выражения психологических переживаний. Уже сегодня мы видим огромные фрески и иные монументальные формы, наносимые не кистью — мощными аэрографами, чуть ли не брандспойтами. Но значит ли это, что и через века далекий потомок, для которого воспроизвести механически образ природы или портрет будет столь же просто, как нажатие кнопки, откажется от счастья писать полюбившийся ему пейзаж или ребенка — кистью, пользуясь палитрой и красками? Трудно, очень трудно ответить и на эту загадку. Все зависит от того, захочет ли человек раствориться в машинерии или сбережет духовность, а значит, близость к природе, к собственному сердцу.

Но не будем вторгаться в область фантазии.

Все быстрее и быстрее, стремглав мчатся самолеты. Летят, скользя, космические ракеты. Динамичней мелькают кадры на экранах кино и телевизоров. С каждым днем все лихорадочней и судорожней становится темп жизни на Западе. Все это и многое другое привело к тому, что кому-то начинает мерещиться, что и земной шар стал шибче вращаться. Мол, время уплотнило сроки совершения оборотов планеты и Земля наша кружится чуть ли не вприпрыжку. Но это — глубокое заблуждение. Несмотря на людскую суету, так же размеренно и величаво плывет в необъятной бездне галактик Земля. Так же мерно и рассчитанно до секунд (ибо, к счастью, это пока не зависит от человека) совершает планета свои назначенные обороты. Ежедневно пылает восход. В определенный природой срок загорается вечерняя заря. Следом начинают мерцать звезды. Наступает ночь. И вечный Ромео подходит к вечной Джульетте. И бродит и бродит вечный доктор Фауст, мечтая о юности. Улыбается сегодняшняя Мадонна — Мария или Мэри, обнимая свое дитя. Тянется к свету, зреет колос. Гудит трудолюбивая пчела. Старец прижимает к сердцу внучонка. Великий круговорот жизни пока не остановлен и не убыстрен. Хотя бытие рода человеческого, как никогда, сложно.

Послушаем Чайковского: «Музыкальный материал, т. е. мелодия, гармония и ритм, безусловно неисчерпаем. Пройдут миллионы лет, и если музыка в нашем смысле будет еще существовать, то те семь основных тонов нашей гаммы, в их мелодических и гармонических комбинациях, оживляемые ритмом, будут все еще служить источником новых музыкальных мыслей».

Что касается живописи, то озабоченность поклонников абстракций и иных трюков опровергает миллиардноликий зритель, заполняющий чудесные музеи планеты и нашего Отечества, в жемчужинах собраний которых пленяет не модность, странность, непривычность, а, наоборот, надобность, более того, необходимость прекрасного, которого так не хватает порою в будничной круговерти. Самое важное, чтобы души людей (если не разжигать страсти, не пичкать миллионы порнографией, наркотиками, пропагандой жестокости и войны) остались людскими. Высокая задача истинного искусства,— музыки, поэзии, живописи, ваяния, зодчества, театра, телевидения, кино,— оставить человеку человеческое. Не раскручивать действительно стремительное движение, свойственное машинам. И не дай бог, если мы, постепенно пристраиваясь к ритму моторов, завертимся и станем либо роботами, либо...

Непередаваемое чувство охватывает тебя, когда видишь впервые новую, наиболее полную из бывших доныне экспозицию произведений, казалось, хрестоматийно известного художника. Ведь, думалось, бессчетно знакомился с его холстами. Слушал лекции выдающихся искусствоведов. Изучал десятки книг, монографий, альбомов. Но... Наступил миг — и ты внезапно встретился с почти «неизвестным» мастером. Удивленно зришь целиком лицо живописца. Кажется, осязаешь его портрет. Тебя будто посещает новый образ творца. Поражает бездна незнаемого. Вьется, как нить Ариадны, развитие дара художника. Становится яснее ранее недоступная логика взлетов, падений, застоя. Ведь ни один большой талант не избежал тяжких терний на своем пути. Но до посещения все было не так ощутимо. На стенах, как летопись,— судьба живописца. Каждое из полотен — роман, повесть или рассказ. Ни с чем не сравнима радость прочтения этого собрания сочинений. Проход по выставке может быть графически изображен как штурманская карта, на которой помечены и видны течения и противотечения в творческом пути. Успехи. Мгновения растерянности. Поиски. И снова — выход на фарватер, главную дорогу созидания. Пристальное разглядывание и изучение полотен — это прежде всего исследование внутреннего мира художника, его состояния. Ведь большой мастер от первой картины до последнего этюда в своем творчестве подобен симфоническому оркестру, в котором дирижером он сам. Живописец постоянно настраивает свой дар на работу. И одновременно прислушивается: не фальшивит, не отстает ли та или другая группа «инструментов» — рисунок, цвет, тон, композиция, колорит? Это не прекращающийся ни на миг тяжелейший и прекрасный процесс самоконтроля. И если внимательно вглядываться в холсты, экспонированные на десятках стен анфилады залов, то зримо убедишься, когда мастер справляется с этой сверхзадачей, а когда нет.

Запомнились навсегда юбилейные выставки Александра Иванова, Ореста Кипренского, Карла Брюллова, Павла Федотова, Василия Сурикова, Ильи Репина, Исаака Левитана, Михаила Врубеля, Валентина Серова, Бориса Кустодиева. Ведь такое счастье, когда собираются работы из всех музеев и галерей, частных коллекций, бывает очень редко. Один-два раза в жизни... Это — событие. В отличие от музыки, которую можно слушать по радио, телевидению, на концерте, в записях, и от литературы, когда любимые тобою книги стоят дома на полках,— живопись лучше видеть в оригиналах. Искусство, репродуцированное даже в самом дорогом издании, всегда теряет аромат подлинности. О нем только можно догадываться. Почти так же невозможно разобрать запах цветка, разглядывая самые лучшие цветные фото. Да, картину надо прочитывать в натуре. Тогда к тебе придет вдохновение, заложенное в полотно художником. Почувствуешь трепетную и твердую руку творца, почерк кисти, богатство палитры. Фактуру мазка. Патина — даже она дорога, потому что открывает бег времени. И кракелюры, трещинки на красочном слое, так же бесценны, как морщинки на лице любимой.

Картина. Вспомните партитуру, которую можно увидеть на пульте в антракте. Листы бумаги, испещренные нотными знаками. Не всем понятные. Но начнется действие, взлетит тонкая палочка, польются звуки оркестра, и чудесная музыка охватит ваше сердце. Заставит волноваться, переживать. Словом, вы окажетесь во власти гармонии, созданной композитором... Так же и станковое полотно, написанное большим художником. Оно «звучит» постепенно. Вглядываясь в сложный, не сразу всегда осязаемый и не до конца понятный мир красок, линий, объемов, жизненных ситуаций, человеческих характеров, зритель, наконец, через какое-то время, в конце концов поняв творение художника, запоминает его. Навсегда... И картина становится любимой, нужной, необходимой. Есть масса ценителей музыки, посещающих часто консерваторию или концертные залы. Есть и тысячи, тысячи людей, находящих свободную минутку, час-другой, чтобы прийти к своей картине, «побеседовать» с ней и уйти обогащенными.

Выдающийся русский живописец XIX века Василий Перов... Великолепная юбилейная выставка его творений открыта в Государственной Третьяковской галерее. Она посвящена 150-летию со дня рождения художника. Одиннадцать залов. Более 250 картин, эскизов, этюдов, акварелей, рисунков. Целый мир... Эпиграфом к выставке могли бы служить слова Гете: «...Давность, приблизившись, приобретает явность...» Ушедшее прошлое вдруг возникло выпукло, щемяще-остро. Искусство Василия Перова недаром вызвало тогда у зрителей, видавших Брюллова, Венецианова, Тропинина, Федотова, такой бурный резонанс. Взлет его славы казался на первых порах феноменальным. Ведь за какие-то пять-шесть лет Перов стал признанным лидером отечественной живописи, предвосхитив во многом успех таких великанов, как Суриков и Репин. А ведь его картины не поражали взор ни форматами, ни ракурсами, ни необыкновенными сюжетами.

Хотелось бы привести слова, сказанные через целый век с лишним после создания «Тройки», увенчавшей Перова лаврами академика. «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного,— писал Шолохов о Шукшине.— И он рассказал о простом, не героическом, близком, так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлет и тот широкий отклик нашло творчество... в сердцах многих тысяч людей». Могут удивиться: что общего между актером, писателем Шукшиным и живописцем Перовым? Жившими в столь разные эпохи.

Искусство правды... Как безгранично оно и тем более победно. От могучих гармонических ваяний Баха и Бетховена, бездонных по глубине философского мировидения, до бесхитростной неаполитанской песенки «О, мое солнце», исполняемой итальянским мальчиком Робертино Лоретти... От титанических фресок Микеланджело Буонарроти, в кото-

См. «Огонек» №№ 34, 39.

В. Перов. 1834—1882. ПОРТРЕТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. 1872.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Серов. 1865—1911. ПОРТРЕТ Г. Л. ГИРШМАН. 1907. Государственная Третьяковская галерея.

рых будто звучит сам голос рода человеческого, до славного «Оленя» Пиросмани, глядящего на вас открыто и весело. Ведь сочетаются строки Гомера, Данте, Гете с лирическими стихами Блока и Есенина. Вильям Шекспир и уморительный «Петрушка» — театр. «Война и мир» Льва Толстого ничуть не отрицает «Бравого солдата Швейка» Гашека. Искусство — это мир. Необъятный и непостижимый.

Какая дидактика, риторика, даже самая талантливая публицистика может заменить *живые образы*, достигающие души человека,— разительно выпукло, объемно. Поистине права народная мудрость: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...» Взгляните на картины Перова. Вмиг станет ясно, в какую невозвратную пропасть кануло прошлое. Голос совести, гражданское чувство художника сделали, казалось, невозможное. Пластически совершенно, остро раскрыты будни трудового люда. Судьбы детей, не знавших детства. Одна стена выставки во втором зале. Пятнадцать шагов. Несколько полотен. Не ждите в них страстей, эффектов. Все обыденно. Скупо. Правдиво. И эта истина куда ужаснее любой лжи. Почти во всех холстах царит тишина. Разве вой собаки да голос вьюги нарушают безмолвие. Оно куда пронзительнее шума и грохота, крика.

Широко известные, хрестоматийные, памятные с детства: «Тройка», «Проводы покойника», «Спящие дети»... Шедевры.

Вижу, как некто, наморщив нос, молвит вяло: «Литературность в живописи моветон. Эти иллюстрации рассчитаны на сентиментального зрителя...» Не вступая в споры, можно посоветовать прочитать высказывание известного пейзажиста А. А. Киселева, процитированное Репиным в «Далеком близком»: «Пусть новейшая художественная критика упрекает наших художников в идеях... называя эти идеи тенденциями. Мы не имеем причины стыдиться этих тенденций, завещанных нам такими писателями, которым как гениальным художникам поклоняется современная Европа (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Толстой). Тенденции эти не идут вразрез с идеалами нашего искусства. Напротив, они одухотворяют и возвышают его. Чистые от всяких корыстных и эгоистических побуждений, они-то и есть идеалы этого искусства, без которых оно не могло бы и существовать».

Мужественно. Четко звучат слова мастера-реалиста. И они полностью относятся к Перову-художнику, запечатлевшему забытое прошлое.

Перов не находил себе места. Бродил, бродил по старым кварталам Москвы. Посещал закопченные шумные мастерские. Взбирался на чердаки, заваленные рухлядью. Пугал обитателей своим пристальным взором. Спускался по стертым от времени, осклизлым ступеням в мрачные подвалы. Эти трущобы были заселены трудовым людом. Везде кишели дети. Оборванные, неухоженные. Художник искал в этих забытых богом местах героя будущего полотна. Мелькали дни. Картина ждала... Однажды он зашел в бойкую портняжную, где за гроши латала дыры беднота. Живописец внезапно услыхал сиплый бас: «Барин, чего забыли в наших краях, а?» Перов вздрогнул. Перед ним стоял вальяжный хозяин. Розовая косоворотка. Фуражка с лаковым козырьком, одетая набекрень. Жилетка с золотой цепочкой часов. Хромовые сапоги. Это был поистине «князь» сих мест. Василий Григорьевич смешался: что он мог сказать? Разве поймет этот ражий детина, как ему нужен «коренник» для «Тройки»? Символ угнетенности юной души... Наконец, судьба будто смилостивилась. Тверская застава... Густая толпа. Гам, крик. Шумиха. Торгуют всяческой снедью. Горячий сбитень. Ливер. Семечки. Пестрая карамель. Перова чуть не сбил с ног парнишка-рассыльный. Бедняга тащил, как гном, огромный тюк. Мастер вгляделся в его перекошенную, потную мордашку. Опять не он. Задержали на миг зеваки. Полупьяный мужик танцевал «барыню» с медведем. Собрался восвояси. Как вдруг перед ним возникла немолодая крестьянка.

Рядом понуро плелся белобрысый мальчонка... Это был точно «коренник»! Долго-долго пытался объяснить перепуганной женщине (а она видела в нем лишь богатого господина в шубе), что ему надо обязательно сделать набросок с ее сынишки. Не более. Наконец, сговорились.

Студия. Вскоре малыш оцепенело застыл в позе. Перов спешил, спешил окончить этюд. Мать сидела в креслах поодаль. Все кругом казалось ей странным и дивным. Особо пугала большая белая женщина из гипса. А со стен не спускали глаз десятки разных бородатых и безусых лиц. Набросок был окончен. Потом художник стал вписывать прямо в холст стоящий на мольберте образ юнца. Тогда уж материнское сердце не выдержало. Ее кровинушка возник на полотне как живой. Только зачем заставили тащить втроем эти санки с огромной бочкой?.. Ну, барину видней. И женщина вынула скомканный платок. Вытерла глаза.

Прошло несколько лет. «Тройка» давно-давно была завершена. Картина ошеломила всех... Перов получил звание академика. Жизнь, работа продолжались... Но художник не забывал того деревенского мальца, который помог ему окончить холст. «Какова его судьба? — думал Перов.— Что с ним?» — не раз томила мысль. И в одно из таких мгновений... раздался робкий, еле слышный стук. Почти шорох. Василий Григорьевич распахнул дверь. Перед живописцем возникла бедно одетая крестьянка. Черный платок. Темная душегрейка. Узелок в натруженных руках. Глаза. Глаза светлые, широко открытые. Полные слез. «Что с вами?» — воскликнул Перов. Он не узнал в постаревшем, осунувшемся лице знакомые черты матери «коренника». Но это была она.

Сбивчиво, кратко, трагично прозвучал рассказ. Страшная, неприкрытая правда предстала перед Перовым. Мальчик умер. Не вынес тяжкого труда. А особо тычков, обид от хозяина.

— Барин,— прошептала женщина.— Вот деньги. Продала все, что могла. Молю одно: отдай мне лик моего сынка родного. Век буду благодарна.

Напрасно Василий Григорьевич пытался объяснить ей, что картина уже давно не его собственность. Что сейчас она в Третьяковской галерее. Принадлежит Павлу Михайловичу Третьякову.

Мать была безутешна...

Тогда мастер нашел карандашный эскиз. Немедля повторил его. Подарил рисунок. Уговорил мать взять деньги на обратный путь.

Такова часть легенды.

Девизом благородной творческой деятельности Василия Перова могли бы служить сокровенные слова великого Мусоргского: «Прошло время писаний *на досуге*: всего себя подай людям — вот что теперь надо в искусстве».

И художник созидал... Ошеломляет его поразительная вулканическая работоспособность. Вернемся на выставку в Третьяковку. Задумайтесь: ведь все это создано за одну жизнь. За тридцать лет работы... Еще одно чувство неотступно преследует тебя, когда видишь метания, разыскания, бесконечные эскизы. В них осязаемы непрестанные горестные раздумья. Слышишь тревожное биение горячего сердца живописца-гражданина. «Истинным поэтом скорби» назвал своего любимого учителя Михаил Нестеров... И еще пророческие строки неотвязно слышатся в залах экспозиции Перова: «Чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать, страдать...» Это сказал Достоевский.

Река жизни неумолима. Ее поток беспощадно стирает и дробит даже твердые камни. И тогда они ложатся на дно русла как галька, а порою даже песок. Но дар особо целиковых, сильных, горных пород — устоять, не поддаться нивелирующему, сглаживающему движению воды. Тогда мы видим вдруг посреди бурного потока гордую скалу, утес с ломаными, резкими отрогами, оставшимися почти в первозданной красоте... Так и в искусстве. Надо обладать очень крупным характером, а если хотите — личностью, чтобы не раствориться, не растерять данных природой свойств. Нужно, любя и ценя свое время, свой народ, находить *свой* голос, свою тему. Так поступали классики мирового и отечественного искусства. Потому они и остались в памяти человечества... Но подвиг их жизни, как правило, суров. Легенды о счастливчиках, пропевших свою песнь, как птичка божья, без заботы и труда,— миф! Кровь и пот, страданье — за счастье творить. Вот плата за честь называться талантом. За радость, завоеванную в работе, невзгодах, спорах, наконец, борьбе. Вот правда судьбы любого из великих. Исключений здесь нет... Но не все выдерживают напор обстоятельств, стечения роковых эпизодов. Наконец, сам быт предъявляет многие привлекательные и расслабляющие творческий импульс обстоятельства. Непреложна аксиома — искусство требует всего художника. Полной отдачи. Тогда оно достигает миллионов сердец. Но главное, что никогда не надо забывать: творец принадлежит *своей эпохе*. Любой эгоцентризм дорого обойдется такому лукавцу. Его просто забудут.

«Тот, кто чувствует собственное человеческое достоинство,— поймет свои обязанности к другим людям и обществу... Тот, кто не живет для других, не живет для самого себя... Каждому своя обязанность — таково наше главное призвание, и для него мы живем в этом мире». Эти слова старого философа Монтеня прекрасны.

Хочется напомнить проникновенное высказывание Стасова о Перове: «Посмотришь единую секунду его картину, и русская история теснится тебе в душу». Как верны эти слова сегодня!

«Чтобы быть высоким художником...— пишет Перов в очерке «Наши учителя»,— нужно изучать жизнь, нужно воспитать ум и сердце... чтобы ни один предмет не пронесся мимо вас, не отразившись в вас, как в чистом и правильном зеркале. Художник должен быть как эолова арфа, поющая при малейшем движении ветра. Художник должен быть поэт, мечтатель, а самое главное — неусыпный труженик». Эти слова сказаны Перовым уже в пору работы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Реакционные преподаватели — а их было немало — предполагали в Перове губителя искусств и опасного революционера. Ученики боготворили руководителя, воспитавшего в них чувство любви к природе, к народу, к передовым веяниям времени...

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»,— восклицает В. Г. Белинский...

Поэтому так бесценны не только фундаментальные тома романов или огромные картины. Часто две строки, вроде нечаянно оброненные, вносят совершенно новый, неожиданный штрих в давно знакомое и, казалось, исчерпанное.

«Перов губитель искусства, опасный революционер...» Когда читаешь сегодня эти слова консерваторов и рутинеров, начинаешь понимать, как сложна была жизнь Василия Григорьевича.

В 1872 году создает свой величайший шедевр «Портрет писателя Федора Михайловича Достоевского».

Каждое утро перед сеансом начиналось весьма обыкновенно. Зима была снежная. Перов скидывал шубу. Вытирал платком мокрое лицо. Его встречала приветливая Анна Григорьевна. Всегда сдержанная. С яркими карими глазами. Выходил Достоевский. Перебрасывались двумя-тремя шутливыми фразами. Потом Федор Михайлович долго-долго усаживался. Мерцающий петербургский свет окутывал фигуру писателя. Устанавливалась тишина. И вот тут-то буквально начиналось чудо. Перов писал уже далеко не первый заказной портрет большого человека... Но... Может, сегодня кто-то назовет это «аурой», «биополем». Происходило нечто поразительное. Известнейший мастер, автор ряда прославленных жанровых полотен и портретов, Перов переживал некое таинственное превращение... Художнику порой мерещилось, что он будто находится рядом с загадочным великаном. Бродит, бродит по огромному, как земной шар, лбу, изрытому страданием и счастьем. Иногда Василию Перову казалось, будто он, невидимо малый, проникает через узкие прорези воспаленных от забот и труда век в темную пропасть зрачков. Замирает над пропастью. В этой никому не ведо-

мой тишине он ощущал непрестанное горькое, скрытое бурление души непокоренной... Тогда, вдруг словно очнувшись, он вновь ясно видел: выпуклое чело, гладко причесанные редкие русые волосы, впалые виски. Строгий прищур печальных глаз. Незрячих... Ушедших в себя, в свои думы. Вмиг становилось понятно, откуда эти овраги морщин. Промоины резких складок под глазами. Колко обозначенные желваки скул. Твердая линия рта, скрытая усами. Прочерки, бегущие вниз от хрящеватых, четко прочерченных ноздрей, туда, к главной смертной складке, тонущей в зарослях бороды. Живописец нутром ведал: эта морщина появилась там, на Семеновском плацу, в страшные минуты приготовления к казни... Во время долгого произнесения рескрипта о помиловании. Все, все можно было прочитать на бледном, казалось, неподвижном, почти застывшем лице. Перов не искал краски на палитре. Ему иногда представлялось, что он вовсе не писал портрет Достоевского... Привычная кисть сама проделывала свой давно затверженный путь от палитры до холста и обратно. Но, как бывает в забытьи, все выученное исчезло. Мастеру виделось, что он как бы лишь стенографирует свои смятенные чувства: медленно, трудно. Василий Григорьевич отчетливо слышал прерывистый, неуемный стук чужого и такого близкого сердца. И этот неумолимый метроном словно толкал его руку. И он работал, работал, работал. Так, изо дня в день, все чеканнее, скульптурнее, живее обозначались черты человека, прожившего две жизни.

Ранним утром, перед нынешним сеансом, он словно увидел картину целиком. Заметил, что две жизни Достоевского мало отражены. В холсте не звучит трагедия судьбы. И тогда он начал усердно и настойчиво пытаться связать выразительность двух пластических центров полотна — лица и рук. Их непреклонность и волю. Жестко, до боли сцеплены тонкие пальцы. Вздуты вены. Именно они, эти длани, носили кандалы. Пожимали нежные руки жен декабристов на пересыльном дворе в Тобольске. И снова после каторги взялись за перо. Создали непреходящий сонм характеров — неповторимых по своей небывалой жизненности. По тому неуловимому нерву, который составляет секрет души людской.

Перов за эти короткие дни понял все. Он знал уровень своего дара. Его сердце носило в себе идеалы, которые он не уступил бы никому. Но художник ощущал безумную разницу в масштабах миропонимания. Да, мастер ведал, что его картины пользовались успехом. Вызывали слезы восторга и умиления. Вспоминал шумные вернисажи, темпераментные лобзания друзей. Славных, верных людей.

Но... Тут заказ столкнул его с явлением совсем другого порядка. В нем, писателе-романисте, не было ничего внешнего. Иногда живописцу казалось, что он стоит перед бездной. До того был неохватен этот тихий, молчащий, странный человек. Но когда художник входил в эту скромную квартиру, вовсе не похожую на богатые апартаменты некоторых его знакомых, становился у мольберта, в сумеречном свете зимнего петербургского утра еще и еще вглядывался в черты лица писателя,— он убеждался с каждым днем все более и более: перед ним был человечище необыкновенный. Хилый и могущественный. Сдержанный и донельзя вспыльчивый. Сотканный, как и весь наш мир, из самых полярных противоречий. Одно казалось Перову невероятным: как все-таки объем постижения мира, который он ощущал в Достоевском, вовсе не отложил на его поведении ничего показного. Какой-нибудь позы. И ведь это не была хитрая мина смирения, прикрывавшая этот огнедышащий вулкан чувств. Ведь Везувий страстей иногда, очень редко мерцал в узких щелях глаз. Нет, артистической позы «уничижение паче гордости» не было.

Была суть. Выстраданная годами, нежная и гордая. Ранимая и неприступная. Любящая и ненавидящая душа писателя давала ему это почти олимпийское спокойствие. Порою Перов догадывался, что модель уставала. Что наступали мгновения, когда тишина, мнилось, должна, должна была взорваться... Но этого не случалось. Так же скованно, сжав руки, сидел Достоевский. Так же мирно читала книгу или вязала присутствующая на каждом сеансе Анна Григорьевна. Но Перов знал, что он как бы находится по воле случая в одной клетке с тигром. Нет, не потому, что он боялся романиста. Просто он не знал, что будет через секунду. А главное, он ощущал неотвратимую ответственность. Как достойнее, без аффектации оставить людям уникальный документ. Художник знал, что есть фотографии, дагерротипы. Но ведь это была лишь кожа Достоевского. Его костяк — не более. Писатель все время находился в еле заметном, но постоянном движении. Оно было почти необозначимо. Но чувствовалось: в этом пока плотно закрытом кратере кипит расплавленная магма. Готовая каждый миг прорваться и затопить все. Вот, вот почему его не отпускала постоянная напряженность... Но ничего не происходило. За окном глухо пришептывал заснеженный Петербург. Иногда где-то далеко призванивали куранты. Время шло. Живописец больше всего боялся не охватить, не исполнить заказ Павла Михайловича Третьякова. Не потому, что нуждался в деньгах. Хотя и это было. Нет. Другая, более высокая этическая задача с каждым днем все осязаемей и крупней вставала перед Василием Перовым. Надо оставить, передать навечно всем людям этот образ. И он, сотрясаемый сомнениями, забыв о всем ранее содеянном, писал. Не внешность. Может, впервые в жизни Перов писал обнаженную душу человека.

«Портрет Достоевского» работы Перова не просто шедевр. Хотя и это немало. Это полотно — один из лучших и глубочайших портретов Человека во всем мировом искусстве. Таких холстов наберется с десяток за всю историю живописи.

Хотелось бы увидеть полнометражный художественный фильм «Перов» с умным и деликатно построенным сценарием. Ведь сама ткань жизни художника, его картины, встречи с великими людьми той эпохи, особенно его ученики дают бесценную основу. Только слепой и глухой не поймет, сколько можно сказать широкому зрителю такого фильма или телефильма. Придет момент: выставку размонтируют, развезут по музеям, галереям, раздадут по частным коллекциям. Вполне было бы пристойно и весьма важно открыть в Москве филиал Третьяковки — Музей В. Г. Перова... Маленький домик, один из старых особняков, где должно быть уютно, приятно. Располагало к сокровенному разговору, общению со зрителем. Значение такого филиала Третьяковки трудно переоценить. Конечно, специалисты тут же воскликнут: как же может быть галерея без Перова, без его холстов!.. Согласен. Наверно, в филиале надо было бы экспонировать авторские повторения или копии наиболее знаменитых холстов. Но сама мысль о создании такого небольшого, но могучего по концентрации общественной мысли музея, мне кажется, была бы очень своевременна и полезна, тем более что Перов, несмотря на место рождения,— москвич, прожил здесь большую часть жизни... Либо, если это невозможно, хотелось бы максимально расширить его показ в будущей «большой» Третьяковской галерее. Это был бы очень нужный факт в воспитании и формировании духовных свойств нашей молодежи. А искусство Перова — художника большого гражданственного темперамента — способно рассказать не меньше и куда доходчивее, чем иная весьма ученая книга, грамотный пропагандист.

Кстати, о публике... Пришел я на днях в Третьяковку поглядеть еще раз на экспозицию. Проверить себя. Воскресенье. Октябрьский дождичек. Не ливень, но пронизывающий, с ветерком. Около галереи очередь. На фоне монотонного осеннего пейзажа, да еще подернутого дымкой дождя, особенно ярко смотрелись синтетические куртки, джинсы, зонтики, цветные ботики, кроссовки молодежи. Людей была тьма. После встретил этих юных зрителей в залах. Надо было видеть их милые и обычно смешливые лица в соседстве с картинами мастера, рисовавшими жизнь подростков старой России. Не поленитесь, понаблюдайте за глазами зрителей. Они молчат. Даже перестают разговаривать. Руки сжаты. Смотрят, смотрят на давно ушедшую, ставшую уже историей жизнь. Их лица становятся серьезнее. И если какой-либо отчаянный шутник скажет: «Вот чудаки, запряглись!» — то девушка, пришедшая с ним, так зыркнет на него своими светлыми, чистыми глазами, что он прикусит язык. Да, искусство приходит в сердца тысяч, тысяч людей. Большая живопись, как музыка, литература, кино, театр... формирует духовную жизнь народа. Это почетная обязанность. И недаром в последнее время так мудро и убедительно говорят об этом на самых высоких уровнях.

1864 год. Перов полон сил и надежд. Он начинает свое победное восхождение к славе. В этом же году он дважды рисует «Похороны Гоголя героями своих произведений». Мог ли он предполагать, что через восемнадцать лет повторит последний скорбный путь обожаемого писателя? По той же Серпуховке. Мимо Павловской больницы. В Данилов монастырь, где было кладбище...

Несли прах знаменитого художника на руках. Провожала его масса людей. Впереди шли ученики с венками. От натурного класса двое — Михаил Нестеров и Андрей Рябушкин... У могилы произнес прощальную речь Архип Куинджи от имени старых друзей покойного — передвижников... Выступали другие.

«Перова больше нет среди нас,— пишет Нестеров.— Осталось его искусство, а в нем его большое сердце. Вечная память учителю».

Через шестьдесят лет, в феврале 1941 года, уже убеленный сединами патриарх отечественной живописи Михаил Васильевич Нестеров пишет свое завещание «К молодежи»: «Обращаюсь к вам, советская молодежь, к тем из вас, кто учится искусству, кто хочет стать художником-живописцем, кто желает быть полезным Родине. Обращаюсь не как учитель: им я не был, а как старый, немало поработавший старший собрат ваш. Крепко желаю вам, чтобы вы полюбили природу и ее украшение — человека... Искусство не терпит фраз, неосмысленных слов, оно естественно, просто... Минуты «вдохновения» редки, фиксируйте их тотчас, в зародыше, в набросках, эскизах, чтобы не забыть главное, драгоценное... Всякую тему, как бы она ни была хороша, губит бездушное, холодное исполнение. Такое искусство недолговечно. От него со школьной скамьи до последних дней нашей жизни бережно охраняйте себя».

Нестеров остался верен своему любимому учителю Перову, который был особо велик в полотнах, где давал волю своему сердцу, неустанно и до конца искавшему правду жизни.

Сегодня творческий путь Василия Григорьевича Перова — лучший ответ на вопрос, каким должен быть художник-гражданин своей Отчизны. Его картины — поистине в е х и в истории нашей живописи. Они живут среди нас. Лучшие холсты Перова потрясают своей цельностью, доступностью. У произведений не может быть равнодушных... Они человечны, человеколюбивы. И это ощущение вечного, бьющегося пульса жизни есть во всех шедеврах Перова. Причем кажущаяся открытость и понятность сюжетов все же оставляет место для жгучего и пронзительного ощущения тайны во всем происходящем на полотне. Это — свойство темперамента художника, крайне восприимчивого, нервного и обладающего не всегда осознанными, но постоянно тревожащими его идеалами. Все эти качества придают особое очарование его холстам.

●

На этот раз мы рассказали об уникальной юбилейной выставке произведений Василия Григорьевича Перова. В следующих материалах мы продолжим рассказ о Третьяковской галерее и о тех замечательных мастерах, которые публикуются на цветных художественных вкладках журнала.

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ

Новой книгой «И высших нет для нас велений» критик и публицист Александр Гаврилов ведет глубокий и страстный разговор о коммунисте — герое советской литературы, о его многомерном духовном мире.

В книге три раздела. Первый — «В большом и малом быть, как Ленин». Ленин в жизни и Ленин в литературе — анализируя эту ответственную тему, А. Гаврилов пошел на сопоставление весьма обширного биографического и художественного материала. Воспоминания соратников создателя партии и Советского государства, скупые на эмоции документы и хроники и одновременно размышления о том, что накопила теперь уже обширнейшая Лениниана.

Причем раздел не замкнут сугубо литературоведческими рамками. Едва ли не сквозной мотив тут, как воспринимал и воспринимает советский человек образ и облик коммуниста-гения, созданный советской литературой. И здесь, кстати, критик становится публицистом: он использует и свои живые наблюдения и выразительные цифры, чтобы рассказать, как читаются в стране и в мире книги Ленина и книги о Ленине. Особую достоверность этим страницам придают высказывания ленинградского рабочего, смоленской учительницы, московского писателя о том, как повлияли на их судьбы слово Ленина и слово о Ленине. Такой ракурс познания Ленинианы подкреплен емкими строками Александра Твардовского:

И высших нет для нас велений —
Одно начертано огнем:
В большом и малом быть, как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нем.

Эта образная и вместе с тем строгая поэтическая формула переводит стрелку читательского внимания к следующему разделу — «В самом кипении борьбы», к аналитическому рассказу о тех произведениях, что художнически воплотили борьбу за революцию и социализм, за свободу Отечества, за души людские... Литература первых советских десятилетий, а затем военного и послевоенного времени щедро одарила культуру народа произведениями, в центре которых образы подлинных героев нашей социалистической эпохи. Но автор не ограничивает свой анализ уже накопленным, ибо «естествен и закономерен вопрос: а кого сегодня можно назвать в советской литературе наследниками и продолжателями?..».

В поисках ответа критик обращается и к уже получившим известность в последнее десятилетие романам и повестям, и к тем, что лишь начинают входить в читательский обиход. Чем подкупает передовой герой сегодняшней литературы, насколько он жизнен и достоверен, благодаря каким качествам и свойствам души становится нашим другом и советчиком? В первую очередь общественной и нравственной, душевной активностью во имя служения обществу и народу.

Характерна в этом смысле глава «Мужество высокой человечности». Известными словами М. Горького: «Превосходная должность быть на земле человеком» и Хосе Марти: «Быть человеком — самая трудная профессия» — обозначается контур актуальнейшей для нашего времени темы писательского предназначения. Одни литераторы, как подробно прослеживается в книге, отстаивают право и обязанность своих героев вести читателя на активные, передовые рубежи общественных и нравственных столкновений века, другие, как бы ни были профессионально даровиты, обрекают свои книги на отстраненность от таких забот.

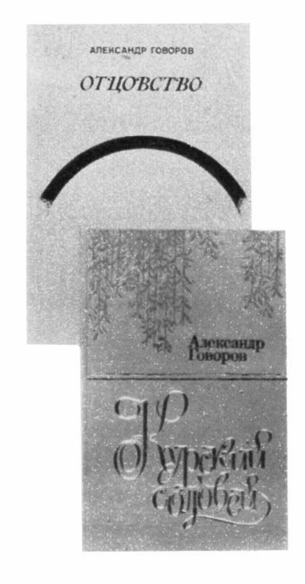
Заключительный раздел — литературные портреты. А. Гаврилов не случайно пишет эти очерки об известных писателях. Рассуждения о характере активного героя логично увязаны с раскрытием характеров их создателей, активных деятелей социалистического общества.

Год нынешний — год полувекового юбилея Союза писателей страны. Книга А. Гаврилова — доброе подтверждение высокой оценки, данной Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко на юбилейном пленуме правления СП СССР: «Помогая партии воспитывать людей в коммунистическом духе, формировать подлинно советский характер, наши литература, искусство многое сделали, чтобы раскрыть природу такого характера...»

Валентин ОСИПОВ

Александр Гаврилов. И высших нет для нас велений. Художественно-публицистические и литературно-критические статьи. М., «Современник», 1984. 447 с.

«ТАКОЙ ПРОСТОР В РОДНОЙ СТОРОНЕ...»

В Киеве на совещании армейских и флотских литераторов Максимом Фадеевичем Рыльским был замечен свежий и звонкий поэтический голос двадцатилетнего матроса Александра Говорова, и его по рекомендации академика направили на учебу в Литературный институт имени А. М. Горького.

С тех пор прошло немало лет, но голос А. Говорова все так же звонок и свеж.

«Июльский ливень» — так озаглавил он стихотворение, которое сразу же вводит нас в мир поэта.

От ярой молнии до грома
Невольно замирает дух.
И вот
Травинки и солома
С шуршаньем приподнялись вдруг,
И опустились,
И ослабли,
Пронесся вихорь,
И за ним
Вдруг первые большие капли,
Подернутые голубым,
С шипеньем закопались в пыль
И — взорвались.

И — грянул ливень!

Говорову присуще органическое ощущение природы, времен года, солнца и дождя, мороза и снега. Вот пример из стихотворения «Февраль»:

Я в пальцах сжал
Снежок слегка,
И вдруг пришлось мне ахнуть,
Когда почувствовал —
Снега
Подснежниками пахнут.

Два эти стихотворения — из двух недавно изданных сборников «Курский соловей» и «Отцовство». В них, кроме уже известных стихов, есть много новых, наглядно показывающих движение поэта.

Тематически эти книги весьма разнообразны, но первое, что следует выделить,— это любовь к отчему дому («О, как же сладок отчий дым, легки крыльца ступеньки!..»), чувство нераздельности с ним, где бы автор ни находился. В стихах соседствуют образ вполне конкретного дома, где живут родственники, встречи с которыми поэт рисует тепло и взволнованно, и образ дома — родной земли. О ней — постоянная мысль: «Только б цвела в покое».

Горячее стремление к сохранению покоя, мира, мирной жизни подкрепляется в творчестве Александра Говорова памятью о Великой Отечественной войне, заставшей его еще ребенком. Событиям военных лет посвящены поэмы «Комарики» и «Пляска». Из его книг встает русский человек, отважный воин и неутомимый труженик, то молчальник, из тех, кто «молча взглядом иногда побьет иль приголубит», то огневая натура, для которой «русская пляска — встряска души».

Поэт с полным правом может сказать о себе: «Лишь подыму только руку — в горсти песня уже...» В самом деле, песня его звучит свободно и легко, как птичья трель, она богата звукописью и далеко не бедна содержанием. Звучат в ней патриотические и гражданские ноты, чувство причастности к общим людским судьбам, желание быть уверенным, «что чем-то жизнию своею помог идущему за мной», внутренняя неудовлетворенность, стремление «дотянуться до себя».

Поэт пробует себя, испытывает свои возможности, пишет «Безглагольные стихи», и это отнюдь не формальный поиск, здесь есть действительно выразительные строфы: «Это все — лишь ты, не меньше, это все — лишь я, не больше...» Поэт пробует себя и в таком строгом жанре, как венок сонетов. Их два в сборнике «Отцовство», один из них дал название сборнику, а в другом — «Пришелец» — выявились лукавство и легкая ирония: в качестве «пришельца», «связующего звена», словно бы предполагается... пес.

Живой отклик на явления окружающего мира, близость к русскому фольклору, раскованность и напевность — эти черты творчества Александра Говорова в полной мере проявились в его новых поэтических книгах.

Л. ДАВЫДОВА

Александр Говоров. Курский соловей. М., «Советская Россия», 1983. 192 с.

Александр Говоров. Отцовство. М., «Советский писатель», 1984. 96 с.

См. стр. 6.

КАК ЖИВЕТЕ, АБХАЗСКИЕ ЭСТОНЦЫ?

САЛМЕ-1

Полчаса по воздуху из Таллина, и вот уже под крылом остров Сааремаа. Садимся. Столица острова — Кингисепп. А у острова есть, в свою очередь, полуостров, называемый Сырве. На нем-то и находится эстонское село Салме.

Штормит Балтийское море. Дождь. Ветер рвет из рук зонты, распрявляет Государственный флаг над крышей Салменского сельсовета. В здании пусто — попали в обеденный перерыв. Неожиданно перед нами появился плотно сбитый улыбчивый крепыш в красной рубахе:

— Ханс Варрис, председатель сельсовета. Что будем смотреть?

...Садимся за руль. В машине звучит эстонская речь, напоминающая перезвон колокольчика.

Мы едем в Салме, зная, что оно полностью было разрушено во время войны, а въезжаем в Салме сегодняшнее, такое современное и такое «модное». Поселок будто только что выбежал из рекламного, посвященного сельскому строительству в Эстонии проспекта. И остановился среди можжевельников и валунов.

— Я ребенком был,— рассказывает Ханс Варрис,— когда фашисты сожгли старое деревянное Салме и погнали нас в Германию. Как мама сохранила в голоде и холоде, в бомбежках и обстрелах нас, пятерых детей? Говорит, люди помогли. Вернулись в Салме на пожарище — опять люди помогли строиться. Построились. А тут сестры подросли и все замуж в Таллин повыходили, и мама с ними уехала...

А Ханс, упрямый и верный островитянин, остался. Семнадцать лет подряд коммунисты совхоза «Сырве» выбирали его парторгом. Слишком много сердца вложено в Салме. Да и попросту ему никогда и никуда не хотелось уезжать отсюда.

Колесим по полуострову, заглядывая в маленькие деревеньки вокруг Салме, останавливаемся у мемориалов в память о кровавых сражениях за эту землю, осматриваем обширные поля моркови и капусты, что выращиваются на семена для нужд всей республики. А главный-то вопрос к Варрису — насчет Салме «второго значения», того, которое в Абхазии.

Ханс, подумав, отвечает:

— Тут я не могу быть вам полезным.

— Как? Совсем не знаете ничего об этом одноименном селе?

— Знаю, что есть такое, и больше ничего.

— Но, может быть, кто-то из стариков?..

— Нет. Наше Салме названо именем девушки из эстонского эпоса «Калевипоэг»... Впрочем, с одной нашей женщиной, учительницей Ниной Салонг, вам следует поговорить...

И вот мы у Нины Яновны. В саду южная черешня, во дворе под пленкой — виноградные лозы «Изабеллы». Нет сомнений: здесь живет человек родом с Черноморского побережья Кавказа. И правда, родилась в абхазском Салме, училась в Ленинграде, преподавала в эстонской школе Салме абхазский и русский языки. А потом вышла замуж за островитянина Яона Салонга, который долечивался в Леселидзе после тяжелого ранения, и оттуда увез ее сюда, на Сырве.

Странная все-таки штука человеческое сердце! Живет Нина Салонг хорошо, муж хороший, и хозяйство хорошее...

— Это хозяйство и мешает мне почаще ездить домой!

— Куда домой?

— Да в Салме же, только к другому морю. Каждый год езжу туда к сестре.

— Скучаете?

— Так ведь родилась там. Кости здесь, а душа там... Но вообще-то наш род не отсюда, мы из Куусалу.

200 ПАЛОК МИККУ КИВИ

Из Куусалу? Только оттуда шли те эстонцы, которые двинулись в Абхазию, или из других мест тоже? Без ученых тут не разобраться. Есть в Таллине такие ученые: академик Виктор Маамяги, знаток истории переселенчества. Специализируется на черноморских переселенцах и кандидат наук Лембит Выйме. Встретились с ними в Академии наук Эстонии, оба снабдили нас своими трудами, оба в один голос посоветовали: «Поезжайте в Куусалу».

На другой день — неожиданный звонок в таллинском корпункте «Огонька».

— Прослышал, что вы интересуетесь эстонскими переселенцами в Абхазии. Я военный, Эдуард Михайлович Юрна, родом оттуда, но после войны живу и работаю в Таллине. Не могу ли чем-нибудь помочь? Хотите, поедем вместе в Куусалу?

Конечно, с Юрной полку нашего прибыло. В Куусалу мы разыскали местного краеведа Энделя Вахерма. Пенсионер, бывший директор Дома культуры, в котором мужскому хору уже исполнилось 117 лет, а духовой оркестр существует 114 лет. Сейчас Эндель пишет хронику культурной жизни района Куусалу. Порывшись в ящике, вынимает более чем скромную бумажную медаль с пятиконечной звездой, сделанную, видимо, руками школьников к 50-летию абхазского Салме. О первом Салме, кстати, упоминается в XIV веке в Хронике Генриха Латышского.

Вот предельно сжатое из того, что рассказал Вахерма, заглядывая в снятую с полки толстую старинную книгу.

История начинается с «птичьей свободы», которую Александр I дал прибалтийским крестьянам. Освободив их от крепостного права, не дал ни клочка земли — крестьянину негде было даже ногу поставить, разве что в небе летать.

Начались беспорядки. Во время крестьянских волнений 1857 года заводилой был Микк Киви из мызы Колга, что на земле Куусалу. За это ему всыпали 200 палочных ударов. Верная смерть. Но Киви — недаром его фамилия означает камень — выжил, и, как только поправился, сослали его в Сибирь. После этого решено было уносить ноги с мызы в Россию. Там хоть земля! На поиски земли отрядили портного Юхана Линдвеста, собрав для него по рублю двадцать копеек с семьи и дав в переводчики отставного солдата. Они долго отсутствовали, а вернувшись, сказали, что есть земля у Черного моря, но дикая, необработанная, трудная. Все равно первые 62 куусалские семьи двинулись в долгий путь на юг и сделали свой выбор у левого берега речки Псоу. И было это в 1884 году.

...Осталось осмотреть бывшую мызу Колгу, что стыла на холодном северном берегу, фасад в строительных лесах. Реставрация. Разумеется, весь этот комплекс — и громадное главное здание и многочисленные надворные постройки — представляет историческую и художественную ценность. Но нам казалось, что из конюшни раздаются удары палок по живому. Удар. Еще удар. Еще. 200 раз!.. Хотелось поскорее вырваться из этой крепости, вырулить из этих аллей, вдоль которых одичало мечутся на ветру ветви старых деревьев. Скорее на широкое асфальтовое шоссе, туда, где живет, трудится и спешит в завтрашний день Эстония 1984 года.

ФЕНОМЕН САЛМЕ-2

После войны, когда в Советской Эстонии началась коллективизация, существовали, естественно, трудности. Была и вражеская пропаганда, пугающая крестьян словом «колхоз». И вспомнили тогда эстонцы о своих переселенцах. Многие из них участвовали в революции и гражданской войне (в Салме, кстати, стоял в 1919 году главный штаб партизан, боровшихся против деникинского режима), в восстановлении народного хозяйства, боролись с кулаками, трудились на стройках пятилеток... Посмотреть бы своими глазами, как они там?

И снарядилась в 1947 году первая крестьянская делегация из Эстонии, 42 человека. Три недели погостили они в Абхазии.

Вернулись — стали выступать в газетах и по радио. В бесхитростных их рассказах — аромат истории и милое прямодушие тех лет...

Крестьянин Унт из Ярвама — о доме Бориса Камма:

«У Камма два аккордеона, один его, другой — сына. Квартира удобная и чистая. Над диваном ковер, на полу — ковер. На стенах картины в позолоченных рамах. Собирается купить дочери мотоцикл».

Крестьянка Вильма Кодумяги — о доме Михаила Томберга, где остановилось семь делегатов:

«Стол был накрыт, как на праздник. Булки, яичница со свининой, сыр, масло, мед, фрукты. И хозяева просили остаться у них до конца пребывания».

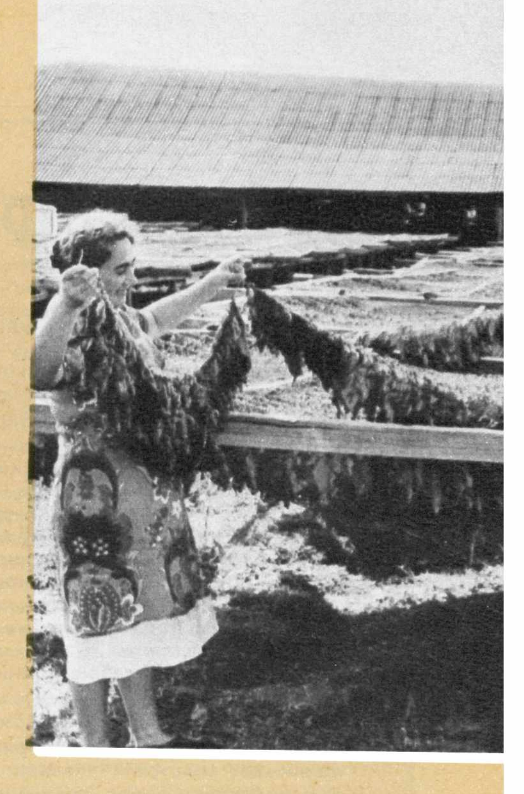
Крестьянка Юли Ныммик — о доме Артура Киви:

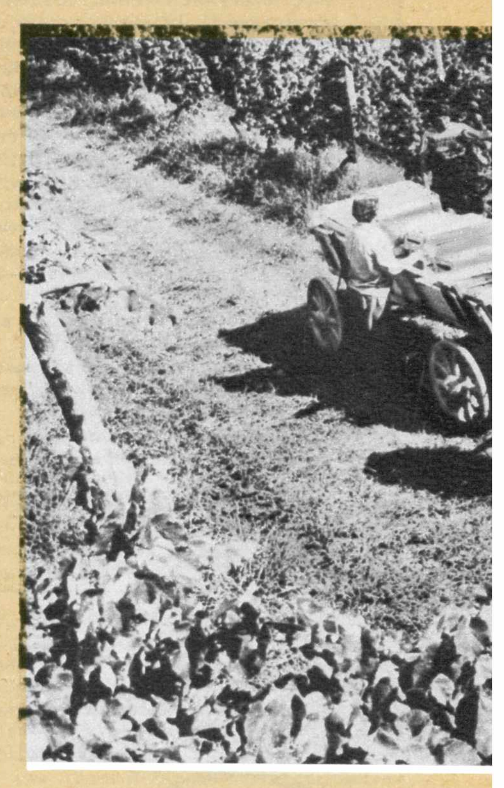
«Его жена Лейда утром пошла на работу, а я думала, что она в город собралась. Надела красивое маркизетовое платье в цветах, обула белые туфли и даже вколола цветок в прическу. Идут на работу как на праздник...»

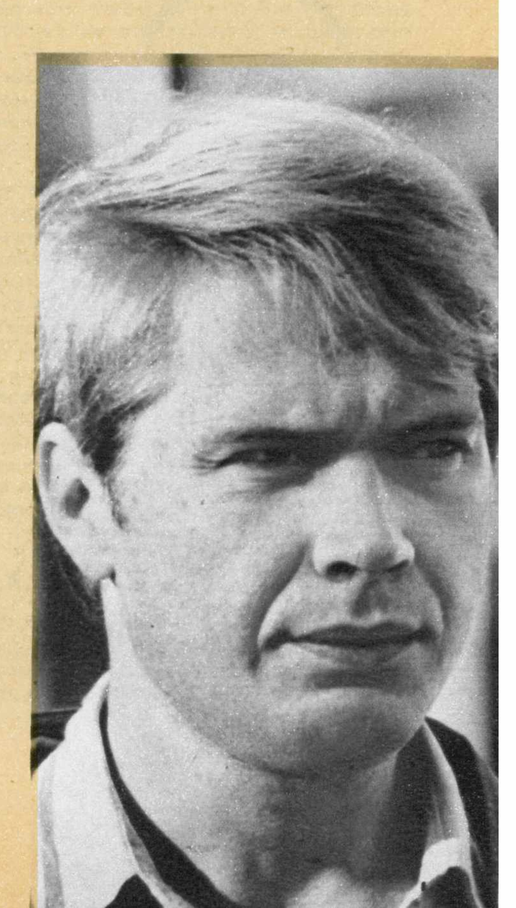
Крестьянин Юхан Соом с острова Сааремаа:

«В колхозе мне особенно понравилась конеферма. Ею руководит Александр Аарманн. Лошади числом 73 прекрасно упитаны. Особенно хороши торисской породы. Кроме лошадей, здесь 20 волов и 6 буйволов. Заведующий животноводческой фермой А. Танвель дал нам основательное объяснение о колхозном стаде, которое пасется наверху, в горах...»

Делегация осмотрела тогда не только Салме, но и расположенное чуть выше, на холмах, село Сулево — тогда там были два самостоятельных колхоза; познакомилась со школами и библиотека-

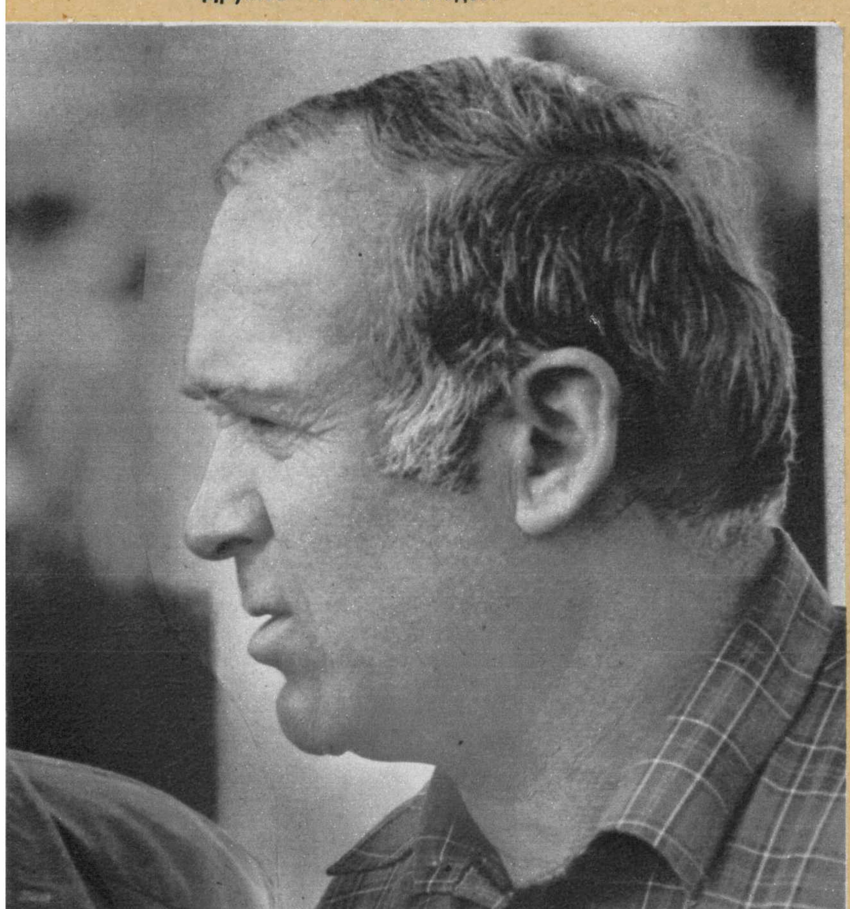

В абхазском селе Салме в колхозе «Дружба» сушат табак...

...И убирают виноград.

Секретарь парткома Э. Танвель и председатель колхоза «Дружба» О. П. Могеладзе.

Мине Юрьевне Вахтер исполнилось сто лет.

ми. В сельском клубе увидели эстонские пейзажи, портрет поэтессы Лидии Койдулы, иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»...

С того года завязалась между гостями и потомками переселенцев переписка, и вскоре эстонских крестьян облетела ошеломляющая весть: «абхазская эстонка» Маргарита Юлиусовна Камма, та самая улыбчивая, скромная Маргарита, которую они только что видели на колхозных кукурузных полях, удостоена звания Героя Социалистического Труда. Тогда ведь Героев было мало! А спустя еще один год, в 1949-м, Героем стала табаковод комсомолка Маймо Маазикас. То были самые первые в стране колхозницы-эстонки, заслужившие высочайшую награду за свой труд.

Герои труда со временем появились и в Эстонской ССР. А Салме продолжало выдавать рекорды. Кроме Маргариты и Маймо, золотые звезды стали носить Хильда Локк, Вольдемар Ромм, Ганс Северин, Михаил Конно. Шестеро на одно небольшое село. Ну, разве оно не феномен?

БЕРЕЗКИ РЯДОМ С ИНЖИРОМ

Наверно, нет нужды описывать сверкающий праздник, в который погружается в Абхазии человек, только что оторвавший свои глаза от пастельных тонов Прибалтики. Как капельки алой крови, цветы граната. Голубеют шары гортензий. Зеленые скаты близких гор с плантациями и садами, в кудрявости которых рассыпаны белые домики (жилища аборигенов!) и белые дворцы (пристанища курортников!).

Нечто совершенно противоположное предстало перед взорами людей в этих краях сто лет назад. Вспоминается вычитанное из книги академика Маамяги. Речь идет именно о Салме:

«Когда мужчины, выбиравшие места для будущего своего поселения, вернулись первый раз из леса, женщины, увидев их, заплакали: одежда на них была изорвана в клочья, смены же не имелось».

Но, наверно, это было не самым-самым. Самым-самым была малярия, доставлявшая невероятные страдания как жителям сильно поредевших абхазских сел, так и пришельцам из Эстонии. Кое-кто бежал в ближайшие города, но наиболее крепкие выстояли, уверовав в благодатную землю этого края.

У реки Псоу близ моря — поселок Леселидзе, центр сельского Совета, соединившего ныне Салме и Сулево в одно хозяйство, названное «Дружба». Конечно, дружба! Ведь сейчас здесь живут не только эстонцы, но и грузины, переселенные в плановом порядке из высокогорных бездорожных сел. Живут армяне, претерпевшие ад геноцида 1915 года. Подселились русские, украинские, абхазские семьи. Возникли межнациональные браки, перемешались национальные кухни, запестрела речь, словно у стен Вавилона...

Но мы все же — к эстонцам. Их судьба привела нас сюда. И снова, теперь уже у синего моря, звучит эстонская речь — колокольчик. Только столь же свободно и бойко переходит она и в русскую речь.

Узнаем, что часть «абхазских эстонцев» перебралась в Эстонию. Прежде всего такие, как наш гид по Куусалу Эдуард Юрна, служивший в войну в эстонском корпусе. Он нужен был молодой республике немедленно, в годы ее становления. Выехали некоторые юноши и девушки в таллинские высшие учебные заведения и остались в Прибалтике, как остался, скажем, Хуго Тисмус, ныне доктор технических наук, профессор Таллинского политехнического института. Подобно нашей островной знакомой Нине Тидо, кое-кто переехал в Эстонию, выйдя замуж. Ну и, кроме всего того, действовали всем известные процессы урбанизации, оттока из деревень в промышленные города. И все же любопытная справка леселидзевского сельсовета: сегодня на его территории проживает 201 эстонская семья. В 1947 году было 200.

Наверно, из особого интереса к истории клонило нас все больше к знакомству с пожилыми эстонками, помнящими годы Великой Отечественной... Здесь фашисты стояли близко, на перевалах. Мужчины ушли на фронт, а земля Салме и Сулево была перерыта траншеями, вскопана блиндажами. Все равно надо было ее такую, прифронтовую, пахать. В то время особо важна была стойкость матери семейства, хранительницы дома. Но разве не нужна и сегодня она?

Вот взобравшийся на холм, весь утопающий в цветах дом Аннеты Ангельшток, 1901 года рождения. Ее родители пришли сюда с той самой мрачной мызы Колга, где секли Киви. Аннета родилась уже здесь, вырастила пятерых детей, всю жизнь пахала, косила, выращивала табак. Сейчас дети разошлись по городам, один Арнольд, оставшись селянином, приходит помочь матери по хозяйству. А летом дом наполняется молодыми голосами: приезжают дети детей. Значит, есть для кого стеречь дом.

Другая судьба. Аврелия Теттер покидает большой город, престижную должность в проектной организации, где она была конструктором, и переезжает в Салме к своей уже немощной бабушке Юли и становится в колхозе «Дружба» старшим инженером по технике безопасности — ради близких, ради места, ради дома, в котором должна продолжаться жизнь. Ведь нет на земле ничего грустнее, чем покинутые человеком жилища...

В доме бывшей до пенсии учительницей эстонского языка и до сих пор первой певуньи Сулева Хильдегард Хийон листаем старый-престарый дневник Вильгельма Людвига, одного из переселенцев в Сулево. Заносим в свои блокноты последнюю его прекрасную запись 1919 года: «Я надеюсь, что сулевцы все будут свободны, а не рабами. Да здравствует труд, свобода, равенство и братство!..»

Дом Маргариты Камма, первой эстонской крестьянки, Героя Социалистического Труда, построен еще дедом ее, рыбаком Черняигиным, который шел сюда от Новороссийска на шлюпке и расчищал те самые заросли, что рвали одежды в клочья. Маргарите скоро 80, но у нее ясноглазое, светлое лицо, точная память и по-девичьи легкая походка. И дочь ее, Валентина, прожившая в Эстонии 17 лет, все же вернулась к матери в абхазское Салме.

Вторая героиня, Маймо Маазикас, уже на пенсии. Но ее дочь Эле довольно прицельно готовит себя в специалисты колхоза, учится в Сухуми в институте субтропического хозяйства.

В общем, «Дружба» держится в основном на среднем поколении. Какое же оно?

Мы в доме у Лилли Маазикас. Нет, сначала мы ищем ее на виноградниках, опаленных жгучим горным солнцем. После взаимного ауканья по междурядью проносится забавный белый чепчик — защита от солнца,— и разгоряченное приветливое лицо Лилли сразу же располагает к себе. Далее она категорически ведет нас за собой в дом, прокладывая дорогу в травах и срывая по пути с ветвей спелые черешни. А в доме все остальное (и разговоры и угощения) по законам эстонско-абхазско-грузинского гостеприимства. Почему эстонского — ясно. Почему абхазского — тоже ясно, только следует прибавить, что многие годы Лилли была депутатом Верховного Совета Абхазской автономной республики. И грузинского по той же причине — Лилли Маазикас сейчас депутат Верховного Совета Грузинской ССР. Просто так, за одни хорошие дела на винограднике не избирают рядовую колхозницу на столь высокий общественный пост. Видно, нрав у нее активный и интересы населения может защитить. И «пепел Клааса» стучит в сердце от далеких предков, высланных царем в Сибирь, от деда, погибшего за Советскую власть в отряде сибирских красных партизан.

Рассматриваем на фотографии молодое лицо ее сына, штурмана Александра Маазикаса, только что окончившего Ленинградское высшее военно-морское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола.

— Не знаю, где он будет плавать, но дом его все равно здесь,— отчеканивает Лилли.

Гид наш по Салме — Сулеву был рослый, плечистый, белоголовый Эдуард Танвель — секретарь партийной организации колхоза «Дружба». Ему от роду двадцать пять. «Молод,— сказали нам о нем в Гагрском райкоме партии,— но именно поэтому и надеемся на него».

— Хотите, поедем ко мне домой?— предлагает Эдуард.— Я вас со своей бабушкой познакомлю. В марте этого года ей исполнилось сто лет...

Признаться, мы мгновенно напряглись: сто лет поселению, сто лет человеку. Два таких юбилея!..

Бабушка Мина сидела на веранде, осененной ветвями большого инжирового дерева, и своими еще довольно крепкими руками проворно лущила кукурузу. Нет, она родилась не здесь, а на мызе Ваатла на берегу Ирбенского пролива, работала в юности прачкой. Едва обвенчавшись, бежала с мужем в Россию. Сначала на Вологодчине зарабатывали на жизнь заготовкой шпал, потом на Алтае батрачили у разбогатевших эстонцев, пока челн не прибил ее с семьей к этим берегам.

— Всю молодость по России моталась, а по-русски говорить так и не научилась...— вставил непочтительно внук.

Бабушка глянула поверх очков, хмыкнула и отпарировала:

— Благодаря чему ты от меня научился хорошо говорить по-эстонски!..

— Я нарочно,— тихо шепчет Эдуард.— Недаром зовут Миной: взрывается!

И все трое смеются: бабушка, внук и мать колхозного парторга, педагог-математик Эльфрида Яковлевна.

И кажется, все уже ясно нам, побывавшим у истоков «абхазского Салме», и все же срывается с губ вопрос к семье Танвель:

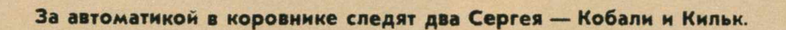
— Нет ли у вас здесь, под этим инжировым деревом — ведь три поколения Танвелей перед нами!— чувства чужбины?

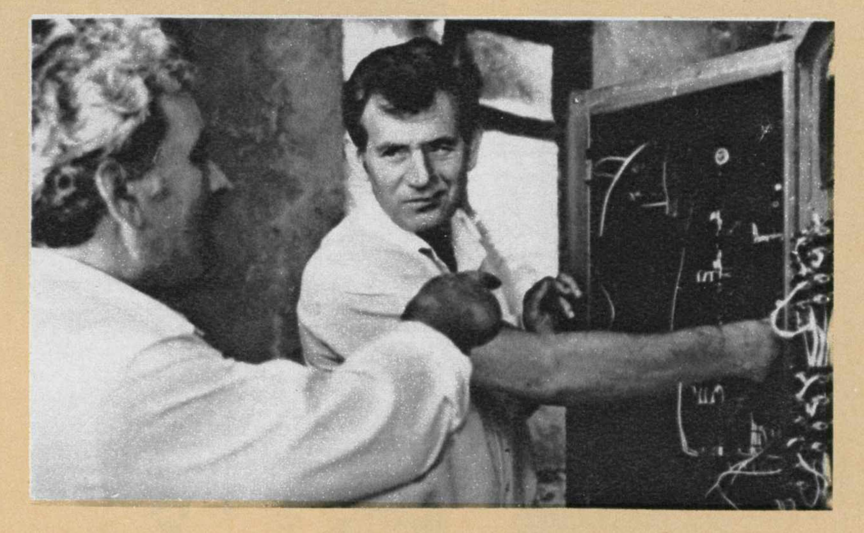
На что без промедления четкий ответ математика Эльфриды Яковлевны:

— С чего бы это? Здесь наш дом и земля, все наши интересы и переживания общие, с другими людьми, какой бы они национальности ни были. Соскучусь по Таллину, где у меня живет другой сын, моряк,— съезжу, повидаюсь...

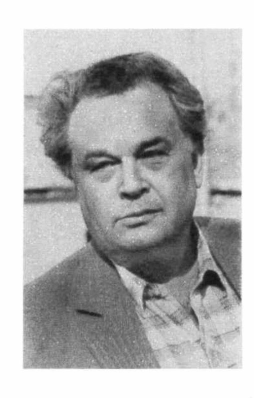
А таллинец Эдуард Юрна скучает по земле, где он провел свое детство и юность. И поэтому, наверно, вместе с другим «абхазским эстонцем», Яном Танвелем, ныне таллинским партийным работником, прислали они на берега Псоу саженцы северной прибалтийской березы. А Сергей Кильк, местный механизатор, рассадил их аллеями в Салме и Сулеве. Поливает каждое утро, каждый вечер, чтоб прижились. Тоже ведь переселенцы пока что!

И пусть селятся березки рядом с инжировым деревом, рядом с гранатом, персиком, чинарой...

За автоматикой в коровнике следят два Сергея — Кобали и Кильк.

НА ЧАШЕ ВЕСОВ

Олег **ШЕСТИНСКИЙ**

У ТЕБЯ ЖИВЕТ, РОССИЯ...

В Заонежье — то заснежье,
в Заонежье — то жара...
Тронулся, ходок нездешний,
я порою послевешней
от причального бугра
до крестьянского двора...
Шел я по земле отлогой,
где у ржи да над протокой
деревянные дома
хоть кого сведут с ума,
оттого сведут, что ныне,
а точнее — и доныне
трудятся в них, дышат, спят,
плачут в красные подушки
не убогие старушки —
матери былых солдат.
Там с хозяйкою-старухой
все сошлось
и все сдружилось,
избы пахнут не порухой,
не вымаливают милость,
печи там, как исполины,
а лежанки лебедины,
жаркий под для хлеба — трон,
тесто белолико, пышно,
в зев вошло, оттуда вышло
хрусткое со всех сторон.
Из углов —
один святейший,
там вовек не ставят вещи,
там портреты на стене,
каждый, как цветок в окне.
Там, губаты и чубаты
все — с двадцатого робяты,
с двадцать первого робяты
и с последующих,
беды ведающих...
Назовут тебя вдовою,
коль останешься живою,
скорбно мужа схоронив.
Нету в русской речи слова,
чтоб им мать назвать сурово,
сострадательно-сурово,
если сын ее не жив,
ибо в чувствах мать едина —
отрок сын или мужчина,
мертвый сын или живой,
за столом иль под травой, —
мальчик он лишь для нее.
От сыновьего погоста
мать воспринимает просто
жизнь его, как бытие.

У тебя живет, Россия,
бабушка Анастасия,
вырастила шесть сынов —
Клепикова Валентина,
Клепикова Михаила,
Клепикова Александра,
Клепикова Константина,
Клепикова Андриана,
Клепикова Митрофана, —
нет уже от них следов.
Плоть их нынче — в почве века,
не позвать их, не узнать...
Не дождались мать Онега
и родительница-мать.
До последней до слезинки
слезы выпали из глаз,
стали очи, словно льдинки,
не оттают ни на час.
А без слез старуха слепа,
черен мир ее и прост —
мертво поле, мертво небо,
мертва стежка на погост.
И со мной, как с гостем ейным,
сжившимся с ее тоской,
два наперсточка с портвейном
выпьет мать за упокой.

У тебя живет, Россия,
бабушка Анастасия,
все в ней выбито дотла —
детства праздничные взоры,
юной пляски переборы,
по душе летит зола.
Но не выбито в ней слово,
разум слова не затух,
ибо в слове есть основа —
негасимый русский дух.
О девичестве, что где-то
за гражданскою войной,
вдруг запела среди лета
под печалью избяной,
вдруг запела, не зашамкав,
о святых годах своих,
встрепенулись в белых рамках
шесть кормильцев горевых:
«Уродилась я во поле,
как былиночка,
лет с семнадцати
по людям ходила,
где качала я дитя,
где коров доила,
отдоивши коров,
молоко цедила,
отцедивши молоко,
я дитя кормила,
накормивши дитя,
в хоровод ходила,
в хороводе была я
девица красива,
и красива, и бела,
плохо я одета,
никто замуж не берет
девушку за это...»

Что мы все-таки за люди!
Смертный видится предел,
но ничьей душе в остуде
жить никто не повелел.

У тебя живет, Россия,
бабушка Анастасия,
а ведь первый вдовий крик,
первый плач и причитанье,
сердце рвущее стенанье
заметелились в тот миг.
Постояльцев, помнишь,
в сени —
с матерью двух малышей,
двух блокадных малышей, —
ты пустила в день осенний,
поднесла горшочек щей...
А за ними почтальонка
с письмами и — похоронка.
Шестеро, еще живые,
шлют приветы боевые,
а отец сынов, Кузьма,
зашатался-зашатался,
у чужой реки остался,
угнездилась в теле тьма.

О единственном, что где-то
за второю мировой,
вдруг запела среди лета
под печалью избяной:

«...Не в поле ветер свищет —
военный гром звенит.
Никто так не сражался,
как милый на войне,
сражался, не боялся
ни пушек, ни ядра,
пришло письмо печально,
сказали — друг убит,
убит, убит, не ранен,
он во поле лежит,
как были б легки крылья,
слетала б я туда,
собрала б кости вместе,
на родину снесла...»

Бабушка Анастасия,
нежны волосы седые,
зубы редкие во рту,
а такую в тебе вижу,
а такую в тебе слышу
колдовскую красоту.
Я пройду землей отлогой,
возле ржи да над протокой,
и так ясно различу:
там, где красная рябина,
Клепикова Валентина;
там, где рожь заколосилась,
Клепикова Михаила;
там, где вишни в гуще сада,
Клепикова Александра;
там, где скошена долина,
Клепикова Константина;
там, где облако тумана,
Клепикова Андриана;
там, где зорюшка багряна,
Клепикова Митрофана.
И среди природы той
мать слепая, мать живая
движется, переживая,
что детьми ее не будет
с болью обронено:
«Дело сделано,
отец с матерью похоронены».

ПАРТИЗАНСКИЙ ОБОЗ С ХЛЕБОМ ДЛЯ ЛЕНИНГРАДА

В ленинградских домах
горе, горе в глазах,
море, море заботы...
Хлеб везут на возах,
бьют фашистские доты.
Молодой ездовой
в снег упал головой,
чтоб досталась мне — позже —
горбушка.

И в жару медсестра
бредит в дровнях с утра...
А обоз провести еще нужно.
Жизнь на чашу весов
положу я без слов,
а на чашу другую —
хлеб, который в крови,
хлеб, который в любви...
Ем я хлеб и ликую.

●

Павлу Матеву.

Помню молодость в летней
Софии,
мне, парнишке, оказана честь...
Помню страшные позывные
и о смерти безжалостной
весть.

Мать скончалась... Мне некуда
деться...
Через сутки летит самолет...
И тогда я познал твое сердце,
и меня ты узнал в свой черед.

Словно плыл я в неистовой
буре,
с головой покрывал меня вал...
И, как свойственно русской
натуре,
я себя наисподь выдавал, —

все, чем жил, страсти все
и недоли,
все, что выплеснул сердцу,
уму,
и потерянное в чистом поле
и растраченное в терему.

Словно я, задыхаясь любовью,
солоно пригубляя беду,
через отчее средневековье
каликой перехожей бреду.

Ты со мной, будто с мальчиком
малым,
колесил по столичным кругам,
подплывая с добром
небывалым
сам к моим воспаленным
глазам.

Возмужал я за сутки и вырос.
Ты ж со мной, наливаясь
тоской,
вел беседу, как будто
навырост,
словно я некий воин седой;
вел беседу, а фразы кружили,
в них копились и нежность
и сталь,
ты хотел ведь, чтоб жили,
чтоб жили
те слова, улетя со мной вдаль.

...Когда душу ломают без
правил,
когда коршуном падает высь,
я зову тебя, Павел, мой Павел:
«Отзовись, подойди,
прикоснись...»

Ты вдали,
но далекие речи
мне подносит к глазам синева.
И смотрю — распрямляются
плечи.
И ценю соучастья слова.

●

Мне говорят:
— Пиши возвышенно,
и будет миром речь услышана.

Но об одном могу мечтать:
мне бы свои слова сказать
земно,
не улетая ввысь,
с той интонацией застенчивой,
с той интонацией доверчивой,
с какой будил я в детстве
мать:
«Мама, проснись...»

●

Принимали меня в давний час
в партию.
Был полон счастьем, верой,
Александр Прокофьев,
щуря глаз,
молвил:
— Принимаем офицера...

Хоть я в армии и не служил.
Что хотел сказать он этим
словом?
Молодой поэт, я просто жил
под надежным материнским
кровом.

Может, в умудренности своей,
в дальнозоркости своей
провидел,
как иду на штурм чужих идей,
как врываюсь в царство лжи,
воитель?

Я не знаю. Но когда себя
называю партии солдатом,
веря, ненавидя и любя,
выхожу на бой с врагом
треклятым, —

вижу ободряющий тот взгляд,
слышу фразу краткую,
простую
и иду сквозь жизнь
не наугад, —
размышляю, славлю,
протестую.

●

Как просто говорят:
— Живу...
Как будто бы жуют траву.

А я хочу, пока живу,
заставить видеть свет сову.

А я хочу, пока живу,
век новый встретить наяву.

А я хочу, пока живу,
поднять расстрелянных во рву.
Пока живу, хочу, хочу...
Пока хочу, живу, живу...

Зажигающие звезды

Михаил ЩУКИН, фото Сергея ПЕТРУХИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Самолет стремительно уходил вверх, в темное, южное небо, украшенное яркими звездами и полнощекой, как на картинке, луной. Внизу, под крылом, перемигивались огни большого города. Потом они исчезали за краем иллюминатора и на смену им появлялись другие, показывались неожиданно то в долинах, то на склонах гор. И хотя, кроме огоньков, в темноте больше ничего не было видно, я, вспоминая поездки по республике, представлял проплывающие сейчас под крылом самолета тщательно ухоженные поля и сады с богатым урожаем, новые города, утонувшие в зелени, современные заводы, поражающие мощью и размерами, и все они казались мне яркими звездами. А звезды земные в отличие от небесных зажигают люди...

1

Из-за гор, еще по-весеннему зеленых, не обжаренных летним солнцем, выползала белесая, лохматая голова градовой тучи.

Люди работали на полях. Застигнутые врасплох, они со страхом смотрели на приближающуюся тучу. Может, пронесет — мелькала слабая надежда. Но нет. Град рухнул с жуткой, опустошающей силой. На горные склоны, на долину, на ровные ряды виноградников, на зеленую уже лозу. Белая ледяная дробь, словно выпущенная из ружья, безжалостно хлестала по листьям, рвала стебли, смешивала с грязью тяжелый людской труд. И все это творилось на трех сотнях гектаров.

— Раис, а раис,— трогал кто-то за рукав Эгамберды Бабаджанова, директора садвинсовхоза имени Д. Расулова Ильичевского района Курган-Тюбинской области,— что же теперь будет? Что же это такое?

Он не отвечал. Только отворачивался и ладонью прикрывал лицо от больно бьющих градин. Да и не знал он, что сейчас ответить на тревожный вопрос. Град выбивал не только виноградники, но и надежды, которыми жил директор совхоза, перечеркивал планы на будущее. В тот момент Эгамберды Бабаджанов, наверное, не вспоминал прошлое — не до того было. А вспомнить он мог бы многое...

Садвинсовхоз имени Д. Расулова был создан в 1970 году на базе небольшого колхоза, в котором председательствовал Эгамберды Бабаджанов. Собственно, он и был одним из инициаторов реорганизации, потому что прекрасно понимал — чтобы идти вперед, надо менять профиль хозяйства. Животноводство из-за недостатка кормов не давало высокой продуктивности, зерновых с одного гектара собирали по восемь-девять центнеров. Прибыли мизерные. Нерентабельно в этих краях заниматься зерновыми и животноводством.

После страстных споров в колхозе, после долгих согласований в инстанциях идея председателя получила реальное воплощение — был организован садвинсовхоз, основная задача которого — выращивание винограда.

— Винограда! — недоумевали многие.— Какой может быть виноград в наших краях?!

На поле, в конторе люди не уставали спрашивать:

— Раис, ты что, решил разорить хозяйство? У нас же никто в кишлаке не занимался виноградом! Или забыл, может, ты, что за лето не выпадает ни одного дождя, а вода глубоко под землей и такая соленая, что ее не пьют даже ишаки?

Нет, Эгамберды Бабаджанов ничего не забыл. Но опирался, как профессиональный агроном, прежде всего на точный расчет. Расчет же был такой: при тщательном соблюдении специальной технологии виноград можно выращивать и на богарных, то есть неполивных, землях, выращивать именно здесь, где никогда не занимались этой культурой. Конечно, потребуется немало сил и времени, но труды окупятся. В это он твердо верил. И свою веру сумел передать многим.

Одним из первых поддержал Бабаджанова Хилват Холджонов, бывший ранее бригадиром зерноводческой бригады. Человек обстоятельный и немногословный, он согласился стать бригадиром виноградарей и, не теряя времени, взялся за работу.

И вот на первых пятидесяти восьми гектарах появились ровные ряды винограда. Принялся он хорошо. Но, чтобы окончательно разубедить сомневающихся, требовалось целых четыре года — столько времени отделяет посадку лозы от первого урожая. А когда урожай собрали, ахнули даже неверующие. И совхоз стал неуклонно расширять площади. Экономика хозяйства пошла в гору. Если раньше, когда сеяли зерновые, каждый гектар давал 90—100 рублей прибыли, то на виноградниках это число выросло до 3000—3500 рублей. Люди поверили в новое дело, оно стало для них родным. И вот тут это несчастье...

Град колотил землю около получаса. И лежал уже плотным слоем. Женщины, не таясь, плакали, глядя на изуродованное поле. Бабаджанов резко повернулся и пошел по полю. Град сухо шуршал под ногами. И все-таки кое-где лоза уцелела. Значит, эти остатки надо спасти. Отдав распоряжения, Бабаджанов отправился в контору и сел за письмо. А назавтра с письмом он уже был в Совете Министров республики. Нужна противоградовая станция, затраты на ее строительство окупятся в ближайшее время, нельзя, чтобы тяжелый труд людей зависел от каприза погоды — все это директор совхоза настойчиво доказывал с цифрами и фактами в руках. Он не любит назойливо просить, предпочитает убеждать. Его предложение поддержали.

В скором времени недалеко от кишлака, на холме, появилась противоградовая станция. И грянул мирный залп. Прижав уши, как ошалелые носились испуганные собаки, а люди на полях смеялись и облегченно вздыхали. Теперь-то град не страшен. «Урон» понесли только торговые работники — в сельском магазине, неподалеку от станции, от залпа вылетели стекла. Но с этим «разрушением» справились быстро.

— Накладно нам стало возить виноград на приемные пункты,— сетовал Бабаджанов.— Во-первых, далеко, во-вторых, больше двадцати машин занято на уборке урожая. Вот и решили недавно — нужен свой винзавод.

Корпуса завода мы видели недалеко от кишлака. Скоро он вступит в строй. Директор, дожидаясь этого события, уже заранее подготовился к нему. Раз будет завод, значит, нужны и специалисты. Звать со стороны? А зачем? Есть свои толковые ребята. Совхозные стипендиаты, будущие виноделы, заканчивают учебу в одесском институте.

Чем больше повышается благосостояние рабочих совхоза, тем острее необходимость думать о культуре, о строительстве соцкультбыта. В кабинете директора на большом листе ватмана мы увидели рисунок: красивое, воздушное здание.

— Такой будет наша новая чайхана,— пояснил Бабаджанов.

А на полях, как обычно, без перерывов идет работа. Сейчас уже одиннадцать бригад занимаются виноградарством. Выращивают в хозяйстве и рис, не так давно. развели первые сады. Яблоки уродились такие крупные, что каждое едва на ладони умещается.

Выросли в совхозе и свои мастера. В прошлом году за высокие урожаи винограда бригадиру Хилвату Холджонову присуждена Государственная премия СССР. В тот день, когда весть об этом пришла в совхоз, Хилват был на поле. Первым туда примчался поздравить его директор совхоза.

— Ну как, Хилват, может расти на наших землях виноград?

— Растет,— улыбнулся Холджонов.— Но кое-кто не верит, говорят, у нас трубы под землей проведены для полива.

— Надо было им сказать, что не трубы под землей, а люди на земле все решают. Так-то!

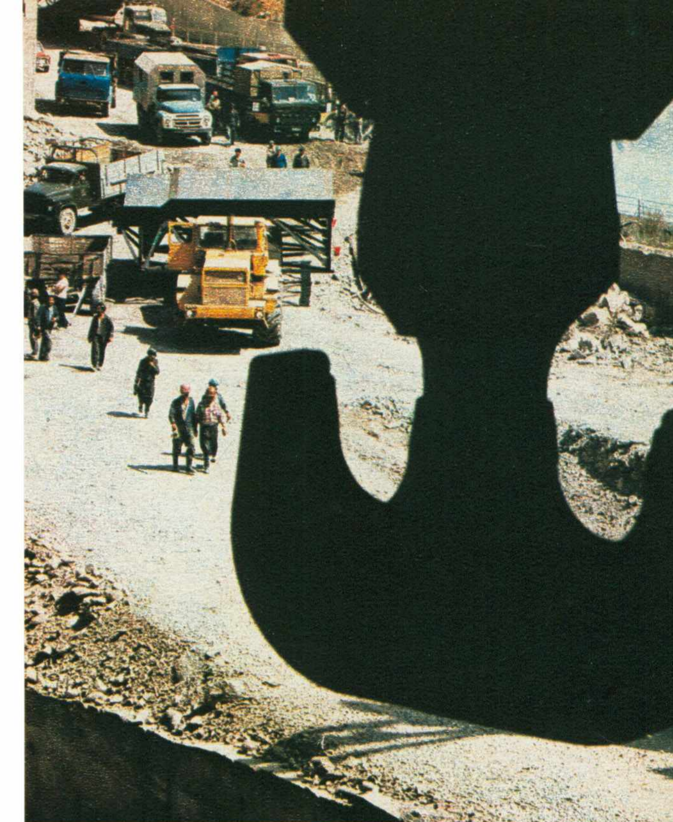
Прав директор совхоза. Мы объездили почти все поля хозяйства и видели эту землю. Серую, сухую, прокаленную солнцем. Едва ступишь, из-под ног брызгают струйки мелкой пыли. Еще бы — с мая в этих краях не было ни одного дождя... И невольно задумываешься: неужели здесь может что-то расти? Но вот они, виноградники. Каждая лоза покрыта тяжелыми, даже на вид, налитыми соком кистями...

2

Нурек в переводе на русский означает огонек. Так называли маленький кишлак, приютившийся неподалеку от стремительного Вахша, зажатый, как и река, между высоких горных громад. С внешним миром кишлак связывали только узенькие тропы. Жизнь

Сухроб Курбанов — председатель правления Союза художников Таджикской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола * Курган-Тюбинская область, Ильичевский район. Поля садвинсовхоза имени Д. Расулова * На строительстве Байпазинской ГЭС * Сельские ребята * Дом писателей в Душанбе. Бронзовые статуи — «Звезды поэзии».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Душанбе. Строится шестнадцатиэтажный дом * Таджикский алюминиевый завод. Комсомольско-молодежная смена. На первом плане — Сафарбек Раджабов.

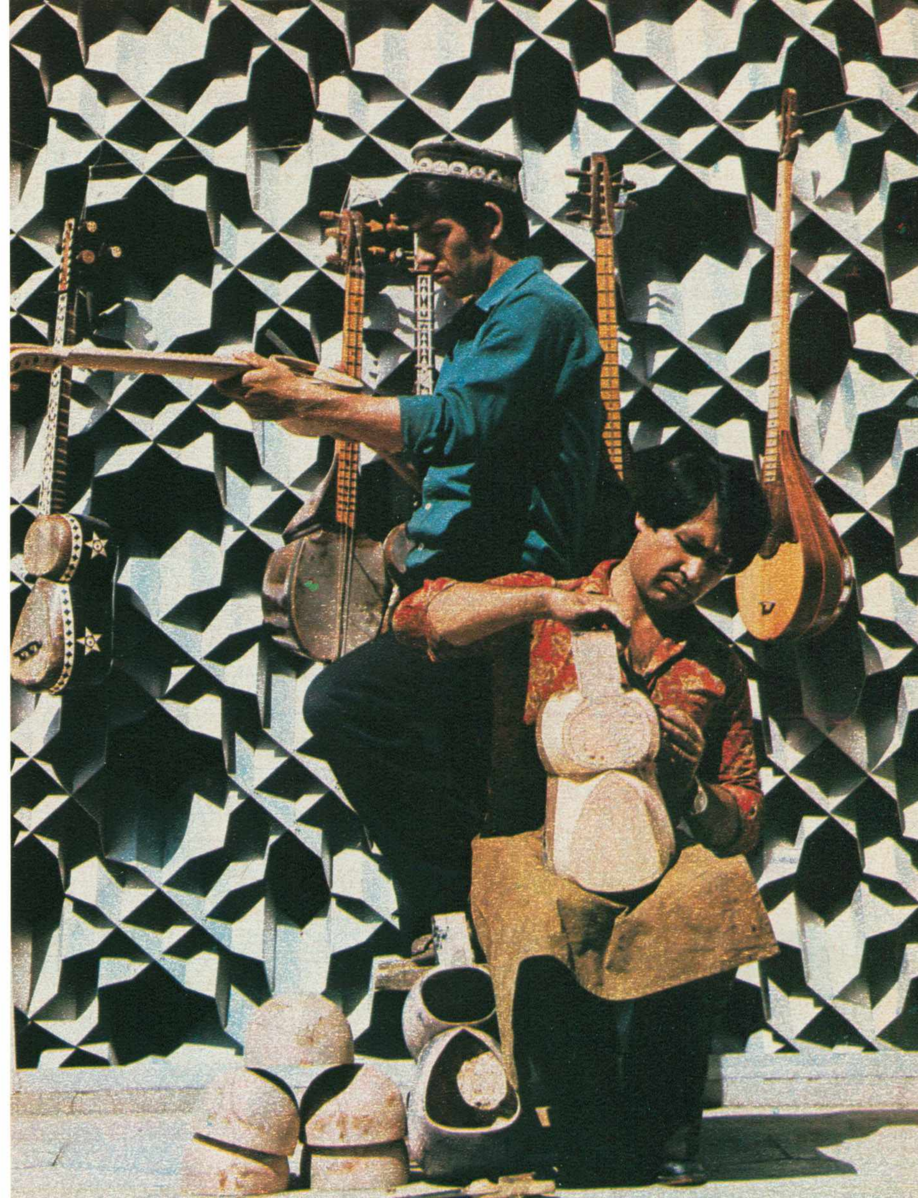

текла размеренно и неторопливо. Люди выращивали скот, хлопок и не предполагали, что им готовит грядущий день.

Не предполагал крутого поворота судьбы и Тодж Кадыров. У него тогда заканчивался срок армейской службы, и надо было всерьез думать о будущей жизни на «гражданке». Душа рвалась к большому, трудному делу, а в газетах столько пишут о больших стройках, о романтике нового. Поехать? На любой стройке бывшего солдата примут с распростертыми объятиями. Но не хотелось уезжать из родного дома... Так и маялся парень, словно на перепутье. А судьба-то ему уже улыбнулась.

Сидел он однажды в Ленинской комнате части, читал газеты и вдруг наткнулся на коротенькое сообщение: в Нуреке собираются строить ГЭС. Вот и решились все вопросы. После службы солдат приехал домой и, даже не сняв гимнастерки, пошел устраиваться на работу. Внешне Нурек после трех лет отсутствия Тоджа мало изменился: те же узенькие улочки, те же низенькие домики. Но уже чувствовался ритм иной жизни. Появились дощатые будки, возле которых сновал озабоченный народ, на одной из них краской было размашисто выведено: «Отдел кадров». Тодж Кадыров оказался в числе первых тридцати семи рабочих, принятых на строительство Нурекской ГЭС. Только сначала ему пришлось строить город. Вместе с товарищами возводил больницу, дома, вместе с товарищами постигал секреты профессии. Бетонщика, потом плотника, потом монтажника... Пятью профессиями владеет сегодня Тодж Кадыров.

Дома, с которых начиналась его биография строителя, и по сей день служат людям, украшают молодой, цветущий город Нурек. Построенный с учетом современных требований, город-огонек радует глаз планировкой, прекрасным расположением жилых домов, удачно вписанных в рельеф. Удивительное зрелище представляет аллея фонтанов, которая протянулась от центральной городской площади к берегу Вахша. Вечером, освещенная яркими огнями, она походит на аллею диковинных цветов.

Какой бы тяжелой ни выдалась смена, как бы ни устал Тодж, возвращаясь после работы, он всегда любуется Нуреком.

После того, как возвели первые дома для строителей, Кадырова перевели на ГЭС. Расторопного молодого рабочего сразу заметили, назначили сначала звеньевым, потом бригадиром. Когда Нурекская ГЭС вступила в строй, он вместе с товарищами перебрался на строительную площадку Байпазинской ГЭС — тоже на Вахше, недалеко от Нурека. Там мы и встретились с бригадиром. Сухощавый, подвижный, он быстро вел нас по стройке, ловко лавируя меж огромных стальных конструкций, причудливых переплетений арматуры. Мы с трудом поспевали за ним. С непривычки оглушал грохот механизмов, гул и треск, там и сям вспыхивали яркие огоньки электросварки, полз удушливый дым от электродов.

— Работа у нас, конечно, нелегкая,— на ходу рассказывал Кадыров.— Сейчас здесь уже «похолодало» — тридцать градусов, а вот когда за сорок — хоть лепешки на камнях пеки. Раньше таджики говорили: «Аллах, зачем ты создал ад, когда на свете есть Нурек!» А теперь видели Нурек? Рай! И здесь у нас такое же будет.

Сомневаться в словах бригадира не приходится. Такие люди могут все. Двадцать восемь человек в бригаде Кадырова, и каждый из них, как правило, владеет двумя-тремя профессиями. Опалубка, бетонирование, сварка — все умеют делать. И делают так, что самые строгие комиссии после тщательного осмотра только руками разводят — придраться не к чему. В бригаде Кадырова железная дисциплина. Ни прогулов, ни пьянок.

— Как это вам удалось?

Тодж какое-то время размышляет.

— Мы берем не каждого желающего работать в нашей бригаде.

— Значит, только классных специалистов?

— Нет! Тех, кто из армии приходит, учим на месте. А не берем тех, кто не умеет уважать коллектив.

Ребята у нас хорошие,— продолжал Тодж,— умелые, работящие. Профессию постигают, семьи заводят...— Тут он в шутку посетовал:— Правда, у меня теперь еще одна обязанность появилась — быть почетным гостем на свадьбах. А свадеб у нас по три-четыре в год.

Молодым пример с бригадира можно брать не только в работе, но и в семейной жизни. Семья у Кадырова большая и дружная — восемь детей. Двое старших сыновей пошли по отцовской дороге — выбрали профессию строителя. Первенца, Сангали, недавно приняли кандидатом в члены партии.

— А как же иначе,— рассуждает Кадыров,— если они с детства, как и я, живут делами стройки. И к «ночным тревогам» у нас в семье уже привыкли.

«Ночные тревоги», к сожалению, все еще случаются. И тогда в квартире Кадырова звонит телефон. Ответ всегда один: «Сейчас выезжаю. На месте разберемся». И приходится разбираться — с перебоями в поставке бетона, арматуры. Поставки — самый больной вопрос для бригадира да и для всех его подчиненных, вынужденных иногда сидеть без дела.

— Оправданий этому не может быть никаких,— резко, как отрезал, бригадир. И стало понятно, почему некоторые хозяйственники побаиваются его выступлений на собраниях.

— Но обязательства свои наша бригада выполнит, да и не только наша бригада — вся стройка. Приезжайте в конце года — будем пускать первый агрегат.

Мы уезжали со стройки, когда на глаза попался плакат: «Товарищи строители! ГЭС будет сдана «под ключ». Время поджимало, и толком узнать, что такое «под ключ», мы не успели. Но на следующий день встретились с управляющим трестом «Таджикгидроэнергострой» Сафаром Ниязовичем Ниязовым. Мы взяли у него короткое интервью.

— На Байпазинской ГЭС впервые в Советском Союзе проводится экономический эксперимент. Суть его в том, что мы, строители, одновременно являемся и заказчиками и подрядчиками. Проведя все работы — от нуля и до ключа, мы должны вручить этот самый ключ эксплуатационникам. В чем выгода? В том, что трест, начиная от управляющего и кончая рабочим, заинтересован в экономии материалов, удешевлении работ. Половину сэкономленных средств нам разрешается использовать на расширение собственного производства. Это с одной стороны. А с другой — отпадает необходимость в многочисленных согласованиях, взаимных претензиях и так далее. Конечно, выросла и наша ответственность, но это пошло только на пользу. Четче, деловитей стали действовать подразделения всего треста. Надеемся, что результаты эксперимента помогут другим строителям в дальнейшей работе, ну, а нам он уже помог — Байпазинская ГЭС войдет в строй вовремя.

3

Черная стрела асфальтовой дороги, рассекающей зеленую долину, что засеяна хлопчатником, сделала крутой поворот, и дорожный указатель известил, что мы въезжаем в город Турсунзаде. Главная гордость города и главная его забота — Таджикский алюминиевый завод, одно из крупнейших предприятий республики. На фоне далеких гор, затянутых голубоватой дымкой, мощно и величаво вознеслись в небо серебристые корпуса. Даже после строительной площадки Байпазинской ГЭС они поражают своими размерами и размахом.

По заводу мы ходили с секретарем комитета комсомола электролизного цеха Бахтиёром Бобоколоновым, который, кажется, знает здесь каждого человека. Бахтиёр еще так по-мальчишески подвижен, такой азартный и увлекающийся, что с трудом верится: делегат XIX съезда ВЛКСМ, член ЦК ВЛКСМ, член бюро ЦК комсомола Таджикистана, лауреат премии Ленинского комсомола — все это он, Бобоколонов. Вот какого почета в двадцать с небольшим лет сумел Бахтиёр добиться своим трудом. По пролету электролизного цеха он шел быстро, привычно, успевал пошутить:

— Запомните, наш цех — единственное место в Таджикистане, где носят валенки.

И показывал на добротные, до коленей, валенки, в которые обуты все электролизники,— так требуют правила техники безопасности, чтобы уберечься от брызг расплавленного металла.

Что и говорить, жарко в цехе. Горячая волна воздуха обдает лицо, кажется, будто прямо до тебя достают языки пламени, хотя до них несколько метров. Рабочие несуетливо, сноровисто делают свое дело, и, вглядываясь в их лица, замечаешь: большинство из них так же молоды, как и их комсомольский секретарь, как и их родной завод. Здесь все дышит юностью. И поэтому не удивляет цифра, которую назвал Бахтиёр,— только в одном электролизном цехе двенадцать комсомольско-молодежных коллективов.

У многих ребят удивительно схожи пока еще короткие трудовые биографии. Как и у нашего гида. На завод Бахтиёр пришел после десятилетки, определили его слесарем, а через несколько месяцев принесли повестку из военкомата, и поезд повез таджикского паренька на Тихий океан. Через три года вернулся домой. Бескозырку — на гвоздь, на память о флотской службе, и отправился в отдел кадров. Попросился туда, где потруднее. Определили его электролизником, точнее сказать, учеником электролизника.

В первый день, когда пришел в цех, растерялся: жара, грохот, огонь — не знаешь, куда сунуться. Потом привык. Через три месяца стал работать самостоятельно, получил в свое распоряжение электролизную ванну, или, как тут говорят, «ванночку». Старушку давно надо было в ремонт отправлять, да еще и характер капризный. Это не для красного словца, у каждой ванны действительно свой характер.

Год назад передовики производства избрали Бобоколонова освобожденным секретарем комитета комсомола электролизного цеха. И жизнь комсомольской организации сразу оживилась, стала интересней, боевитей. Да и могло ли быть иначе, если комсомольский секретарь знает здесь почти каждого человека, знает все проблемы и радости, которыми живет коллектив цеха!

— Только вот тянет иногда к огню,— признается Бахтиёр,— на старое место. Тоскую. Гляну на своих ребят, завидно становится.

Да, им, их умению можно позавидовать. Мы долго наблюдали за ребятами из комсомольско-молодежной смены производственного мастера Абдула Сулейманова. Спокойно, неторопливо распоряжались они у своих «ванночек», пышущих жаром и огнем. Но каждое движение у них точно выверено, словно у ювелиров.

Потом мы побывали на складе готовой продукции, где продолговатые, серебристые слитки алюминия уложены в аккуратные пакеты. И подумалось: вот этот самый металл, без которого в наши дни не обойтись, вскоре разойдется по всей стране, поднимется в небо, опустится под землю, на морское дно. Металл выплавлен на мощном, современном заводе с самой передовой технологией производства, в том крае, где еще шестьдесят лет назад практически не было промышленности.

Таджикский алюминиевый уже работает, дает продукцию, но в то же время еще и строится. Рядом с действующими корпусами находятся строительные площадки, опоры серо-каленого цвета упираются в небо, причудливые узоры арматуры похожи на орнамент ковра. А кран подает на верхотуру новые металлические плиты, и, прорываясь сквозь машинный гул, громко звучат голоса монтажников. У «Алюминьстроя», который возводит новые корпуса завода, свои задачи и свой ритм, такой же напряженный и жаркий, как и в цехах, где плавят металл.

* * *

Самолет поднимался выше и выше. От земли его отделяли уже километры, но ночное небо было чистым, и сквозь стекло иллюминатора по-прежнему хорошо были видны яркие земные звезды.

В Гиссарской астрономической обсерватории * Так выглядит мастерская народных инструментов * Ансамбль дутаристок.

Джеймс ОЛДРИДЖ:

«Моя главная идея — борьба за человеческое достоинство».

Этого замечательного писателя знают, любят и читают в нашей стране уже не один десяток лет. Его книги никогда не залеживаются на полках магазинов. Неоднократно произведения Олдриджа публиковались на страницах «Огонька», так же как и его публицистические выступления, интервью с ним. Недавно он принимал участие в работе юбилейного пленума Правления Союза писателей СССР. Накануне отъезда домой в Лондон он побывал в нашей редакции и ответил на некоторые вопросы.

— Естественно, прежде всего мне хотелось бы сказать несколько слов о пленуме правления Союза писателей, посвященном 50-летию со дня первого съезда этой организации,— говорит Дж. Олдридж.— Большое впечатление на меня произвела речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Константина Устиновича Черненко. Он охватил в своей речи важнейшие проблемы, волнующие сейчас всех людей на Земле, в том числе и жителей европейских стран. Когда я слушал эту речь, я еще раз осознал, какое большое место занимает литература в жизни вашего народа, это поистине один из краеугольных камней в фундаменте вашего общества. И что особенно важно — это то, что вы не замыкаетесь в самих себе, у вас поистине интернациональный подход ко всему.

Недавно в Англии была организована выставка книг, переведенных с английского языка на русский и языки других народов СССР. На ней было экспонировано более трех тысяч книг различных авторов, общий тираж которых превысил 300 миллионов экземпляров. Это просто невероятно. Я могу утверждать, что ваша страна — самая читающая страна в мире.

— Расскажите, пожалуйста, о жизни писателей в европейских странах Запада. Мы слышали, что на Западе в последние годы круг читающих людей значительно сузился и издательские фирмы испытывают значительные трудности в своей деятельности.

— Да, это действительно так. Прежде всего следует сказать, что у нас происходит монополизация издательского дела. Раньше было много независимых издательств, которые были заинтересованы в том, чтобы публиковать больше книг разных авторов. К сожалению, эти сравнительно мелкие издательства были поглощены более крупными компаниями, которые заинтересованы лишь в извлечении прибыли. Владельцев этих фирм и различного рода объединений интересует в первую очередь финансовая сторона дела. Если, по их расчетам, та или иная книга не принесет доходов или прибыль окажется недостаточной, то такая книга не будет опубликована.

У нас уже создался определенный стереотип таких книг, которые с финансовой точки зрения можно назвать доходными. В них обязательно должно быть изрядное количество сексуальных моментов, сцен насилия и копание в личных проблемах героев. Конечно, если писатель уже завоевал популярность, то он может позволить себе отойти от такого стереотипа, но это уже скорее исключение, а не правило.

Вот совсем недавно в газете «Санди-Таймс» была опубликована статья известной английской писательницы Доррис Лессинг. Это известный литератор, занимающийся литературным трудом уже многие годы. Она написала свою очередную книгу, но подписалась не своим обычным именем, а псевдонимом Джейн Сомерс. И первый же издатель, к которому она обратилась, а это было издательство, где ее постоянно публиковали, забраковал книгу. Ее отверг и ряд других издательских фирм. И лишь впоследствии выяснилось, кто скрывается под этим псевдонимом. Когда ее спросили, зачем она это сделала, она ответила, что хотела получить объективную оценку своей книги, написанной якобы новым писателем, и чтобы ее имя не довлело над рецензентами и издателями. Так что новым именам не так просто пробиться в большую литературу.

Хочу подчеркнуть еще одно обстоятельство: книги у нас очень дороги. Многие просто не могут позволить себе такую роскошь. Кстати, наши молодые писатели все чаще пишут для телевидения. Это для них прибыльнее. Характерно и то, что многие пьесы и сценарии имеют явно антивоенную, антиядерную направленность.

— Мы знаем, Джеймс, что вы не просто писатель, но и активный общественный деятель, интересующийся и мировыми проблемами и проблемами своей страны. Уже длительное время мы читаем на страницах нашей прессы о героической борьбе английских горняков за свои права, о солидарности английских рабочих и рабочих других стран с шахтерами Великобритании. Нам хотелось бы знать, как вы оцениваете эту схватку труда и капитала, чем все это может кончиться.

— Вы знаете, в Англии традиции стачечной борьбы имеют давнюю историю. Но то, что происходит сейчас,— это качественно новое явление. Я могу сказать, что вопрос стоит о судьбе самих профсоюзов, об их праве бороться за лучшие условия жизни, за какое-то ограничение власти монополий против роста дороговизны. Сейчас английские горняки получают поддержку подавляющего большинства наших профсоюзов. Именно потому, что все профсоюзное движение оказалось под угрозой фактического запрета. Нынешнее консервативное правительство прилагает огромные усилия в этом направлении. Достаточно сказать, что по новым законам шахтеры не могут назвать свою забастовку политической: тогда она будет объявлена властями незаконной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но ведь, по сути дела, это политическая забастовка, затрагивающая целую отрасль промышленности, которая была в свое время национализирована,— угледобывающую промышленность. Консерваторы хотят сузить рамки национализированного сектора. С этой целью происходит закрытие шахт под тем предлогом, что они не приносят прибыли и требуют дотаций. Если эти

В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. НУРПЕИСОВА

В одной из своих статей, посвященных творческому труду, Абдижамил Нурпеисов высказал принципиально важное для понимания и того лучшего, что создано им за почти сорок лет работы в советской литературе: «Чтобы создавать значительные произведения, недостаточно, конечно, успокоиться находкой оригинального характера, а надобно еще художнику уметь видеть *социальную значимость* этого характера». Высказанное явилось прежде всего итогом раздумий над собственным творчеством и одновременно основным принципом его художественного исследования жизни народа в свете истории.

Абдижамил Каримович Нурпеисов принадлежит к тому поколению писателей, которое мы называем сегодня фронтовым. Он родился 22 октября 1924 года в рыбацком поселке на берегу Аральского моря в семье кочевника, занимавшегося также охотой и рыболовством. Вскоре после начала Великой Отечественной стал ее солдатом, прошел долгий путь по фронтовым дорогам, в 1944 году был принят боевыми товарищами в ряды ленинской партии. И в литературу он входил, как скажет позднее, вместе с «совсем еще зеленой, безусой молодежью в пропахших пороховым дымом, потертых шинелях».

Пройденный с боями путь, высокая мера постижения человеческого и фронтового братства снабдили духовный мир А. Нурпеисова глубоким пониманием причастности личности к истории, заставили новыми глазами посмотреть на жизнь народную в свете уже собственного опыта. И ему захотелось поведать об истоках того мужества, той стойкости, верности идеалам революции, какие он вынес из жизни своего поселка, своих земляков, которые помогли ему и тысячам его однополчан не дрогнуть в боях, выдержать испытание огнем. Душа была полна эпических замыслов. Но взяться за исполнение их он пока не мог. Недоставало писательского опыта. К тому же не давало покоя испытанное, изведанное, пережитое на фронте.

И потому первым его крупным произведением явился роман «Курляндия» (1950), рассказывающий об освобождении Прибалтики. В 1958 году писатель вновь вернулся к нему. Переработанный и названный «Долгожданный день», роман обрел как бы второе рождение. Высоко был оценен читателями и критикой.

В этом первом произведении о собственном фронтовом опыте, вбирающем опыт поколения, А. Нурпеисов как бы делал первый шаг на пути к истории. Он показывал своих героев носителями тех нравственных обретений, с которыми они вышли не просто в жизнь, а на рубеж великой битвы за идеалы нового социального мира, утвержденного в жестокой борьбе их отцами и дедами. Его герои в основе своей — люди долга, люди мужества и веры в несокрушимость Советской власти, государства трудовых людей.

Роман «Долгожданный день» оказался в одном ряду с такими известными произведениями, как «Грозные дни» Т. Ахтанова, «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, и другими.

Не могу быть категоричным, но думаю, что обращение к работе над новым вариантом романа «Курляндия» было для писателя своеобразным творческим разбегом к

планы консерваторов будут осуществлены, то около 100 тысяч шахтеров потеряют работу.

Профсоюзы горняков считают, что закрытие шахт и увольнение трудящихся — близорукая политика, рассчитанная на извлечение сиюминутных выгод, в том числе и политических. Действительно, многие шахты у нас плохо оснащены и нуждаются в реконструкции, в частности в Уэльсе. Следует отметить, что там всегда были сильны профсоюзы и традиции стачечной борьбы. Вместе с тем в некоторых других угледобывающих районах в свое время были построены шахты с современным оборудованием, рассчитанным на длительное существование. Однако в этих районах профсоюзное движение было развито слабо. И именно эти-то шахты консерваторы хотят сохранить. Правительство хочет расколоть профсоюзное движение горняков изнутри, сталкивая их между собой.

Закрывать же так называемые «нерентабельные» шахты горняки считают неразумным потому, что наступит время, когда нефтяные ресурсы шельфа Северного моря, за счет чего удовлетворяется сейчас значительная часть энергетических потребностей страны, будут исчерпаны. Вновь возникнет проблема энергетического голода. Если же закрыть сейчас эти шахты вместо того, чтобы их модернизировать, то они будут закрыты навсегда. Проблема, конечно, сложная, и возникла она не сегодня — где-то в конце сороковых годов, и все предыдущие правительства несут ответственность за то, что у нас сейчас происходит. Но борьба идет упорная и, я бы сказал, яростная.

На вопрос о том, чем эта борьба может закончиться, ответить мне трудно. Все будет зависеть от того, насколько сплоченным будет оставаться наш рабочий класс, насколько крепко будут стоять остальные профсоюзы, как поведет себя руководство правого крыла нашего профсоюзного движения. Сейчас горняки имеют такую поддержку — и финансами, и продовольствием, и даже одеждой. Присылают пожертвования различные люди и из различных стран, в том числе из СССР.

— Большое внимание общественности во всем мире приковано к борьбе женщин Англии против ядерной опасности.

— Это тоже одно из самых удивительных явлений, говорящих о новых процессах, происходящих в гуще населения страны. Вначале все были уверены, что они долго не продержатся, с ними быстро расправятся и они исчезнут. Но они не исчезли. Они отказались исчезнуть, и этот лагерь у ворот американской базы, где размещены ядерные ракеты, продолжает существовать вот уже около двух лет. Появление такой формы протеста и на протяжении столь длительного времени — знаменательный симптом. Практически выросло новое поколение, которое искренне обеспокоено судьбами мира. Нельзя сказать, что все они политически очень сознательны. Но они знают, чего хотят, вернее, чего не хотят. Они не хотят американских ядерных ракет на территории Англии.

Движение за сохранение мира, безусловно, растет и набирает силы. Люди начинают сейчас тревожиться за судьбы человечества, судьбы мира. Ведь опасность нависла огромная. Вспышки протестов против этой опасности, очаги движения за мир возникают подчас совершенно спонтанно даже в маленьких захолустных деревнях и селах Англии.

Конечно, у движения за мир есть много проблем. Не все считают, например, что Советский Союз и США совершенно по-разному относятся к проблеме ликвидации ядерной угрозы. Многие люди просто не понимают сути вопроса и считают, что обе сверхдержавы несут одинаковую ответственность за все, что происходит сейчас на планете. Опасное заблуждение!

— Скажите, пожалуйста, а как в Англии относятся к тому «крестовому походу», который президент США Рональд Рейган объявил против Советского Союза?

— Я уверен, что подавляющая часть англичан не хочет иметь ничего общего с этим «крестовым походом». Дело в том, что они не доверяют Рейгану, боятся его самого и его политики. Могу сказать, что даже среди консерваторов много таких, кто не хочет плестись в хвосте рейгановской политики. Люди очень напуганы. В известной степени это обстоятельство способствует и тому всплеску движения против ядерной угрозы, которое охватило не только Англию, но и другие страны Западной Европы.

— И последний вопрос. Ваши произведения, написанные во время войны и вскоре после нее, такие, как «Дело чести», «Морской орел», «Охотник», были посвящены героям активным, людям действия. В последнее время героями ваших книг выступают дети, женщины, и нравственная сторона отношений между людьми занимает, пожалуй, доминирующее место. Но появляются какие-то новые явления в современной жизни, на арену выходят люди новой формации — волевые, активные. Нет ли у вас желания попробовать разобраться в этой новой ситуации?

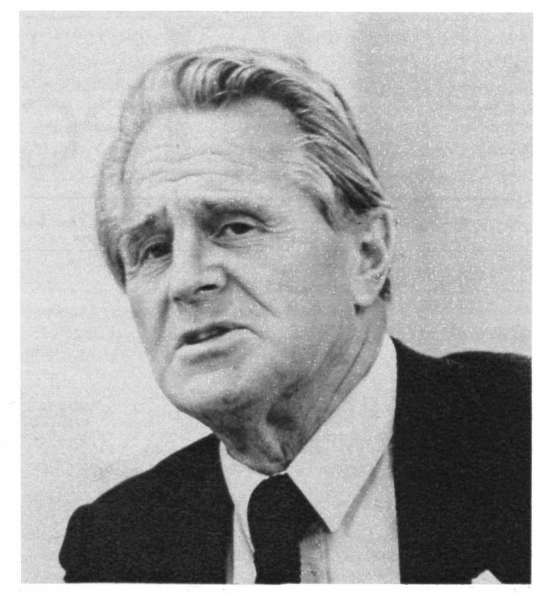

Фото Д. Дебабова.

— В общем где-то вы правы. Писателю трудно дать выход тому, что носишь в себе многие годы. Это, мне кажется, проблема для любого писателя. Я написал 20 книг об Австралии, стране, где прошло мое детство и юность. Сейчас я написал еще одну книгу, где действие происходит на австралийской земле. Думаю, что эта книга будет последней в этом австралийском ряду. Кстати, ее рукопись я отдал в ваш журнал и надеюсь, она будет опубликована. Если говорить о некотором изменении в тематике моих книг, о том, что героями их стали женщины и дети, то это книги о моральной борьбе, которую ведут сейчас люди на Западе, это книги о желании выжить, я бы сказал, морально, остаться человеком в сложной обстановке, которая сложилась в западных странах. Мне хочется спасти гуманизм от тех нападок, которым он в последнее время подвергается. Моя главная идея — борьба за человеческое достоинство.

Беседу вели
Д. ИВАНОВ, Б. ЛЕОНОВ, Ю. ПОПОВ.

долгому труду над ранее замысленной эпопеей о судьбе народной. К ее созданию он приступил после окончания Литературного института имени А. М. Горького в 1956 году. А завершил почти пятнадцать лет спустя, хотя хронология вряд ли вправе передать точный срок душевной работы художника над эпическим полотном трилогии «Кровь и пот», за которую он в 1974 году был удостоен Государственной премии СССР. Вехами в работе были годы: 1961-й, когда на казахском языке появилась первая книга — роман «Сумерки», 1964-й — вторая книга — роман «Мытарство», и в 1970-м появилась третья книга «Крушение», которую превосходно перевел на русский язык талантливый художник слова Юрий Павлович Казаков. Трилогия «Кровь и пот» А. Нурпеисова стала одним из примечательных произведений казахской романистики, занявшей свое достойное место в едином ряду с эпопеей М. Ауэзова «Путь Абая». Вслед за М. Ауэзовым А. Нурпеисов продолжал расширять аналитические возможности прозы в изображении казахского народа на том узловом этапе его исторического пути, когда феодально-патриархальный уклад жизни уходил в прошлое, уступая место новому социальному укладу, рожденному Великим Октябрем. Временные рамки повествования в трилогии определяются 1914—1920 годами. История находит свое воплощение в сложных проблемах национальной жизни казахов, в судьбе каждого действующего лица, наделенного самобытным характером.

Главное внимание автор уделил сложному и трудному процессу переустройства внутреннего мира центрального героя эпопеи — Еламана. Нелегкая жизнь выпала на долю этого человека-труженика, с детства испытавшего все тягости каторжного труда, непосильного гнета мира имущих. Беспросветная нужда и лишения, непонимание социальных корней несправедливости в жизни трудового народа, наконец, личная трагедия — все это приводит Еламана к тому, что он станет, как скажет автор, «одиноким и яростным». Долго «душа Еламана мытарствовала, ища верный свой путь», путь к обретению социальной истины, к переходу от стихийного индивидуального бунта к сознательной классовой борьбе. Наделенный крепким нравственным потенциалом, основанным на глубинных связях с народом, Еламан сумел выдержать уготованные ему испытания, нашел дорогу к новой жизни не только сам, но и стал вожаком масс в их борьбе против социального, экономического гнета.

Образ Еламана — одно из заметных художественных открытий советской прозы последних лет. Это человек активного поведения в самых трудных случаях жизни, в отношениях с друзьями и врагами, в личных делах, и прежде всего в отношениях с первой женой, Акбалой, обрученной с ним с детских лет, но так и не полюбившей его.

Следуя классическим традициям, автор раскрывает сложность натуры Еламана путем сопоставления его с другими персонажами, в частности с Досом, вышедшим из той же, что и Еламан, социальной среды, но занявшим стороннюю позицию по отношению к народному революционному движению. По всему видно, что Дос стал жертвой веками насаждавшейся в народе идеи пассивности и повиновения перед власть имущими.

Показателен в интересующем нас плане и образ солдата Петра Мюлгаузена, бывшего однополчанина Еламана, ставшего впоследствии ярко выраженным бунтарем-анархистом.

Запоминаются убедительно выведенные фигуры врагов революции. Таковы купец Темиркет, волостной Кудайменде, русский генерал Чернов... Наиболее заметен в этом ряду Мурза Танирберген — коварный и умный враг. Ему было суждено социально прозреть, чтобы убедиться в исторической обреченности всего того, чему он так верно служил.

Трилогия «Кровь и пот» являет собой достижение в художественном освоении историко-революционной темы. Справедливо и закономерно принято ставить трилогию в один ряд с такими многоплановыми и крупномасштабными произведениями конца 60-х — начала 70-х годов, как «Потерянный кров» Й. Авижюса, «Соленая Падь» С. Залыгина, «Вечный зов» А. Иванова, «Сибирь» Г. Маркова, «Полесская хроника» И. Мележа. Именно с этими книгами было связано новое качественное явление советской романистики той поры, когда она приобретала новую объемность, широко осмысляла прошлое и настоящее в жизни великого многонационального советского народа.

Главной в творчестве А. Нурпеисова была и остается тема истории своего народа в органичной связи с жизнью нынешней, советской. В своей «Думе о человеке, о Земле и хлебе», вошедшей в сборник статей «Раздумья» (1972), писатель образно сказал: «Человек неизменно устремляется все дальше, все выше, туда, на орлиный простор, чтобы на себя и на дело рук своих взглянуть с высоты, только с высоты всеобщих и всенародных интересов». Таков в своем творчестве и сам художник.

В. А. ЛАЗАРЕВ,
доктор филологических наук,
профессор

Песня для жизни

Геннадий ВОХМЯНИН

●

Люди, знающие Валентина Сергеевича не один десяток лет, затрудняются ответить на вопрос, чего же все-таки в Левашове больше, кто он: композитор, художественный руководитель, хормейстер и режиссер, телекомментатор, знаток и ценитель песенного и музыкального русского фольклора, талантливый пропагандист народной музыки, поэт и исполнитель?.. И, конечно, неутомимый общественный деятель. А все-таки есть в нем главное начало всех начал: русский советский патриотизм. Как и все истинные патриоты, правда, он никогда его не подчеркивает, доказывает любовь к отчему краю делом, без лишних слов.

— С народной песней,— рассказывает композитор,— судьба свела меня в раннем детстве. Отец был кадровым военным, жизнь мы вели кочевую, жили в отдаленных гарнизонах Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока. Старинные народные песни звучали в деревнях и селах в первозданном виде, а уж красоты какой были! Если бы мне сейчас сказали, что вновь смогу их услышать, не одну бы сотню километров пешком отмахал, чтобы записать. А тогда, мальчишкой, просто наслаждался деревенским пением, хороводами, плясками, не предполагая, что это культура уходящая, что надо беречь это сокровище.

Возрождению русской песни Левашов посвятил себя. Его вклад в это дело огромен.

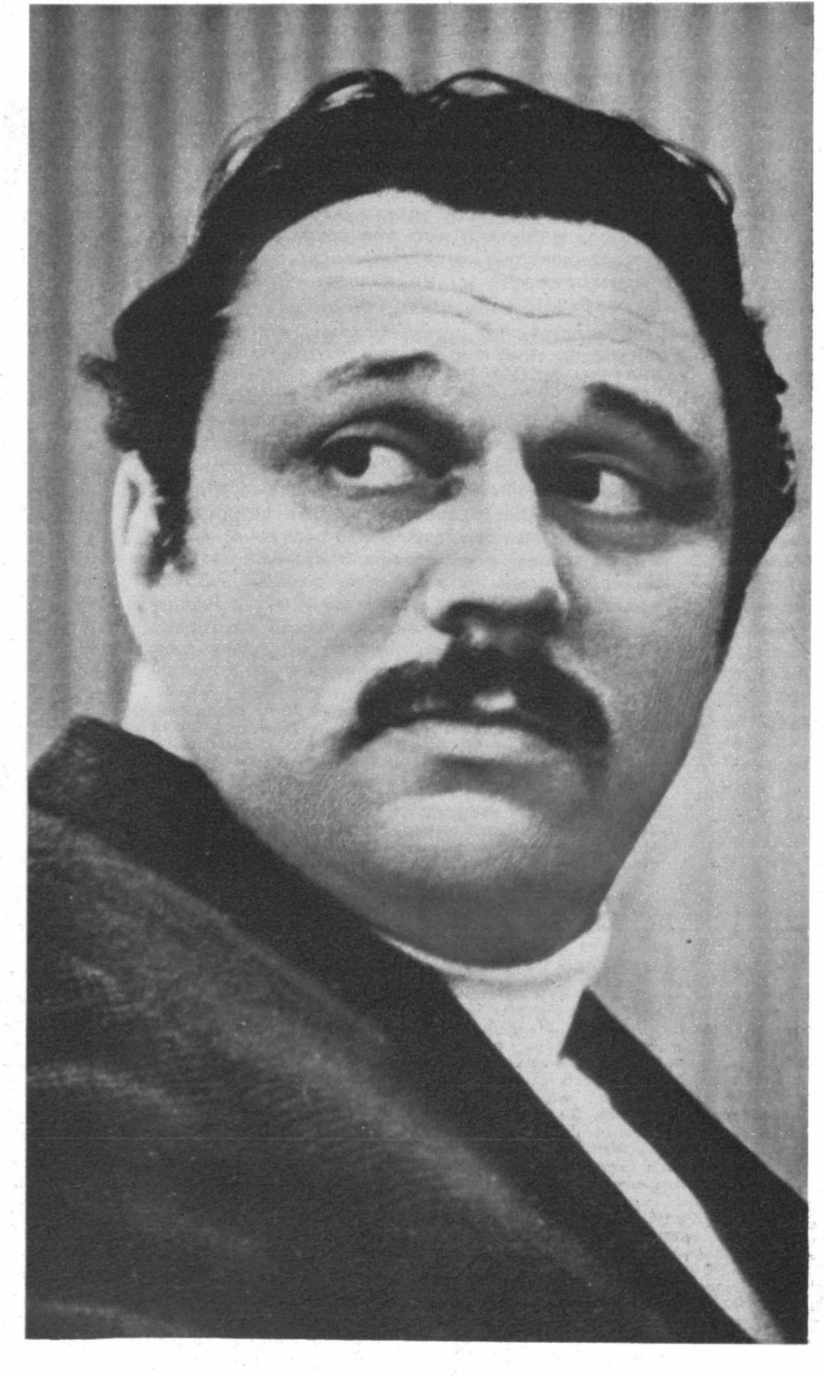
Больше сорока лет жизни отдал он хоровым коллективам: руководил флотским ансамблем на Дальнем Востоке, поднял Сибирский народный хор; почти четверть века возглавляет Государственный академический русский народный хор имени М. Е. Пятницкого; к деятельному сотрудничеству с хором привлек А. Новикова, В. Мурадели, В. Соловьева-Седого, А. Пахмутову, Э. Колмановского, Е. Жарковского, С. Туликова и других композиторов. Он ищет песню в экспедициях, в сибирских деревеньках, удаленных от ближайшего жилья на десятки верст.

Многие ахали, узнав, какими жемчужинами сразу красился репертуар: «Сронила колечко», «Вот кто-то с горочки спустился...» Недолго звучат песни, а им предшествовали трудные поиски, пешие хождения с тяжелой звукозаписывающей техникой, непредвиденное «купанье» в осенних водах, порой опасные встречи с таежным зверем. Но все это не пугало, все было несущественным, лишь был бы результат, открылась бы тайна долговечности народной песни, возникла бы в ответ и своя, желанная мелодия...

Есть у Левашова родниковой чистоты и напевности песня «Скажите, лебеди». Лучше всех, на мой взгляд, удалась она Валентине Толкуновой. И, возможно, именно тогда, во времена таежных скитаний, он уже предчувствовал песню эту, хотя создана она много позже. Думается, не будь тех хождений, не появилось бы многое...

И не любит, не выносит Левашов такие слова, как «глухомань», «медвежий угол». Да и «глубинка» немногим лучше.

Когда человек живет «в глубинке» и думает, что здешнее его пребывание уже само по себе подвиг,— он здесь временщик. Чужак. Народ живет там, где живет, и показухи не приемлет. В этом — ключи и к Левашову. Сославшись на нехватку времени, он может отказаться от концерта перед «престижным» зрителем, но поедет по любой погоде в сельский клуб, на ферму, где и зрителей-то — раз-два и обчелся. Особенно же любит поездки в отдаленные гарнизоны, на погранзаставы. Администраторы филармоний, устроители гастролей эти особенности характера используют на полную катушку, предлагая ему маршруты самые трудные, изнурительные. А Левашов возвращается с огромным творческим запалом: «С какими людьми встретился! Словно живой воды испил!»

Любовь к зрителю взаимная. Поездки, встречи — живая вода вдохновения. Гастроль на «стройку века», на газопровод Уренгой—Помары — Ужгород, привела к созданию цикла «Огни магистрали» на стихи поэта Сергея Гребенникова. По распоряжению министра Бориса Евдокимовича Щербины тогда были выпущены кассеты с записями, пластинки; пожалуй, в досрочном завершении стройки есть в какой-то мере и песенный вклад...

Почему именно Левашова пригласили стать во главе хора Пятницкого, когда коллектив переживал трудные времена? Титаны нашей музыкальной культуры А. И. Хачатурян и Д. Д. Шостакович видели в нем достойного преемника и продолжателя традиций Захарова — основателя хора. И они не ошиблись. Доброта сочетается в Левашове с требовательностью и взыскательностью: пока он не выносит, не отшлифует новую песню или новую программу хора, до тех пор не вынесет ее на суд слушателей. Но и потом отделка продолжается. На репетициях обычно находятся все новые и новые краски, ибо предела совершенству нет. Тут он находит полное взаимопонимание и с коллективом и с главным балетмейстером хора народной артисткой СССР Татьяной Алексеевной Устиновой.

Левашов везет хор за границу, ведомый отнюдь не желанием «мир поглядеть и себя показать»: хор едет как страстный пропагандист советского образа жизни. Одной из тяжелых стала поездка в Италию, страну с богатыми певческими и музыкальными традициями, где и сапожник, и пекарь, и таксист почти профессионально разбираются в том, настоящее ли искусство на сцене или подделка. Можно гастролировать по всему свету с успешной концертной деятельностью, но она не в счет, если не пройден «контрольно-пропускной пункт»— итальянская публика.

И вот — Италия... Расписание гастролей знали: Милан, потом другие города. Впрочем, Левашову сказали достаточно определенно:

— В Милане будет ясно, увидите ли вы другие города. По плану в Милане пять концертов. Но можно ограничиться и одним.

Стало быть, пан или пропал.

Первое отделение идет блистательно. Во время антракта импре-

сарио ловит Валентина Сергеевича:

— Маэстро Левашов! Мне только что позвонили синоптики: приближается гроза. Нельзя ли сократить антракт? Иначе я разорен, придется возвращать публике деньги!

Антракт сократили. Начали второе отделение. Тут и разразился ливень, о которых говорят, что льет как из ведра. Снова подбегает счастливый импресарио:

— Маэстро Левашов! Можно заканчивать! Деньги у меня целы!

Да какое там «заканчивать»: ни один зритель с места не тронулся, люди ждут продолжения... Артисты, насквозь мокрые, решили «перепеть» и «переплясать» погоду.

Под проливным дождем и прозвучала «Белла чао». Перед вставшим залом она звучит на «бис», потом снова на «бис»... И много раз, все под тем же дождем, который никак не мог справиться с русскими, выходили артисты кланяться. Импресарио кричал на ухо Левашову:

— Милан открывает вам двери во все страны мира!

Левашов не был бы Левашовым, если бы не оставил последнее слово за собой:

— А разве у вас были сомневающиеся?

Но ведь итальянец не был бы итальянцем, если бы не ответил патетически:

— Маэстро Левашов! Отныне вы в числе маэстро маэстрорум!

Левашов улыбнулся.

— Пойду к своему хору хорорум...

Итальянец заулыбался.

— О, вы меня опередили: ваши певцы — это действительно хор хорорум!

Во время недавней поездки в ФРГ на праздник газеты «Унзере цайт» артисты давали по три-четыре концерта в день, на летних эстрадах, порой в дождь. Выступали так зажигательно, что зрители вставали с мест, скандировали: «Дружба!»

Зарубежные поездки (а хор Пятницкого при Левашове побывал почти в тридцати странах) обостряли до предела чувство Родины, способствуя созданию таких шедевров композитора, как «Мне без Родины не прожить», «Люблю тебя, моя Россия», да и многих других прекрасных песен.

Левашов зло высмеивает модную нынче смесь «французского с нижегородским»:

— Показали мне афишку недавно скончавшегося мюзикла. Уже по названию видно было, что за развесистая клюквина исполнялась: «Рок-скоморошина Садко-83»! Каково!..

Претит Левашову подлаживаться «под заграницу».

Незадолго до начала одного из концертов хора имени Пятницкого для иностранных туристов уточнялись все детали. Юная переводчица, пробежав глазами программу, категорично заметила:

— «Красное знамя». Конечно, не пойдет! В зале же англичане с американцами, бизнесмены.

— А «Наша сила в деле правом»? — металлическим голосом спросил Левашов.

— Нет, нет! Не пойдет... Вот годятся хороводы, «Вниз по матушке по Волге», «Трава моя, травушка» и, конечно, «Калинка». — Девица щебетала, польщенная вниманием: с ней, похоже, советуются как со специалистом.

— Так, а теперь слушайте меня. Пойдет только то, что, по-вашему, «не пойдет»! И еще добавим! Из того же ряда!..

Не в традициях хора — ломать программу перед самым выступлением, но случай тут был особый. И концерт прошел, что называется, «на ура». После концерта Левашов подошел к переводчице.

— Будем считать, что наши с вами переговоры прошли в атмосфере полного взаимного непонимания. Советской гражданкой надо быть не только по паспорту, но и по сути своей.

Единственное, в чем Левашов уступил,— исполнили на том концерте «Калинку». Были на то свои причины.

Любит ли Левашов «Калинку»? Вопрос странноватый, поскольку «Калинка» в обработке Левашова входит в репертуар коллектива, поскольку является одной из песенных жемчужин народа.

И все-таки вопрос существует, ибо речь — о разных «Калинках». Одна из них стала «шлягером», где разнузданность выдается за молодцеватость, скоропалительный темп — за бурное проявление эмоций, громкость — за открытость в проявлении чувств, танцевальные па — за плясовую русскую удаль. Налицо подделка в стиле «а-ля рюс»!

А когда хор выступает перед иностранцами с «Калинкой», им движет особого рода забота: донести песню в ее первозданной свежести, очистив от псевдорусских поделок...

Споров о народной музыке ныне много. Сбиваются на подмену одного другим. Путают два совершенно разных понятия —«народность» и «этнографичность»... И все это имеет идейную подоплеку. Ревнители этнографичности — хотят они того или нет — обрывают историю русского народного песенного искусства семнадцатым годом, ограничиваются рамками музейности. Левашов с этим категорически не согласен. Он своим творчеством развивает и продолжает русские народные песенные традиции.

У нас стало неписаным правилом, что в начале концерта исполняются произведения патриотические, гражданственные. А поскольку эта тема — основа основ творчества Левашова, то обычно Валентин Сергеевич задает тон всему концерту, не гоняясь за «шлягерами», за шумом в децибельном исчислении. Он не создает «шлягеров». Его песни не из тех, что звучат в любое время суток. Они, как и все, что сокровенно, для души; они берутся человеческой душой на вооружение. Формалистическими вывертами Левашов брезгует,— палитра у него богатая, а в то же время экономная, ничего лишнего. На «рыбьи» тексты песен у него нет: он и в этом, так сказать, старомоден, — идет в русле своего большого друга В. Соловьева-Седого.

На потребу, на ресторан, на гонорар он ничего не создает. Относится к подобным твореньицам брезгливо. У него нет ни одной песни из тех, что он считает песенными мотыльками. Слава у него поэтому не шумная, но устойчивая, прочная.

ПОРАДЕТЬ РОДНОМУ ЧЕЛОВЕЧКУ...

Новая пьеса С. Михалкова «Все могут короли», поставленная в Московском театре имени М. Н. Ермоловой, рассказывает о некоем научном работнике, приводящем в движение рычаги и механизмы общества, которое вынуждено уступить наглому натиску соискателя и даже выдать ему премию за строительство некоего сооружения, рухнувшего парадоксальным образом почти в день торжества новоиспеченного лауреата.

Как ни покажется странным читателю, но С. Михалкова в новой пьесе интересуют не характеры. Автор не настаивает на тех или иных частностях: ему совершенно неважно — толст или тонок его главный герой, холерик он или сангвиник, глуп он или умен. Авторский взгляд, обычно столь зоркий и точный к подробностям обстановки и приметам характера, на этот раз устремлен поверх «очертания пуговиц» и «цвета глаз» персонажей. Автора интересует конструкция сложившихся отношений между людьми. И здесь, в обрисовке этой схемы, С. Михалков — поэт и художник; ему ведомы и тончайшие, скрытые пружины и общие очертания ситуации, атмосфера и тон.

Художник М. Карташов и режиссер-постановщик Г. Косюков чутко уловили стиль пьесы. На сцене — несколько белых шаров. Это шары-кресла, шары-столы, шары-кровати... Шары катаются по сцене азартно и искусно.

Игра, бильярд, шары — все это мотивы соревнования, соперничества, расчета. Они подхвачены и развиты актерами, исполнителями ролей. Каждый из них появляется на сцене, словно собираясь сыграть психологически тонкую роль, показать характер сложный, особенный, значительный. Но затем все они — ироничные и простоватые, седовласые, одетые элегантно или облаченные в супермодное платье, задумчивые и легковесные — через два-три мгновения оказываются на удивление похожими друг на друга. Академик и молодой инженер, манекенщица и редактор журнала: все, как клавиши — черненькие, беленькие, издают назначенный им звук в мелодии под рукой искусного музыканта. И так же, как шары — исполненные самоуважения, кажущейся устойчивости, но готовые тронуться с места,— они сталкиваются и разлетаются с глухим и тупым звуком. Один из таких людей-шаров в момент охватившего его экстаза взревет: «Вся наша жизнь — игра-а-а!» Или «Труд, честность — сказки для бабья!..» Заревет громко, во весь голос от ощущения победительности и безнаказанности всеобщего бесстыдного братства, существующего под девизом «ты — мне, я тебе!».

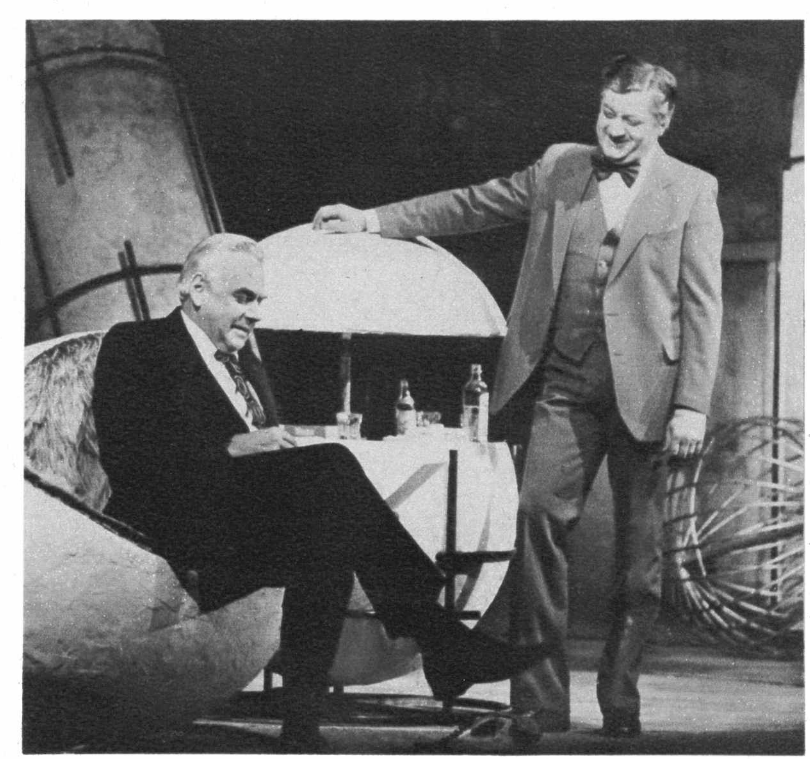
Не скрывая своего презрения к героям комедии, С. Михалков тем не менее далек от мысли бичевать пороки конкретного человека. Обвинить или оправдать конкретную человеческую судьбу не входит в его задачу.

Спору нет — страшна, зловеща фигура беспардонного карьериста Чинзанова в исполнении В. Еремичева. Но по-настоящему страшен не он. Страшно молчаливое согласие с ним людей, которые его окружают. Милых, в сущности, людей, лишь чуть-чуть доверчивых, уставших быть принципиальными, не видящих греха в том, чтобы «порадеть родному человечку».

Спектакль ведет прицельный огонь по нравам людей, связанных круговой порукой. Автор пьесы изобразил их в комедии нравов, но вывел на суд зрителей как нравы порочные, разрушающие человека.

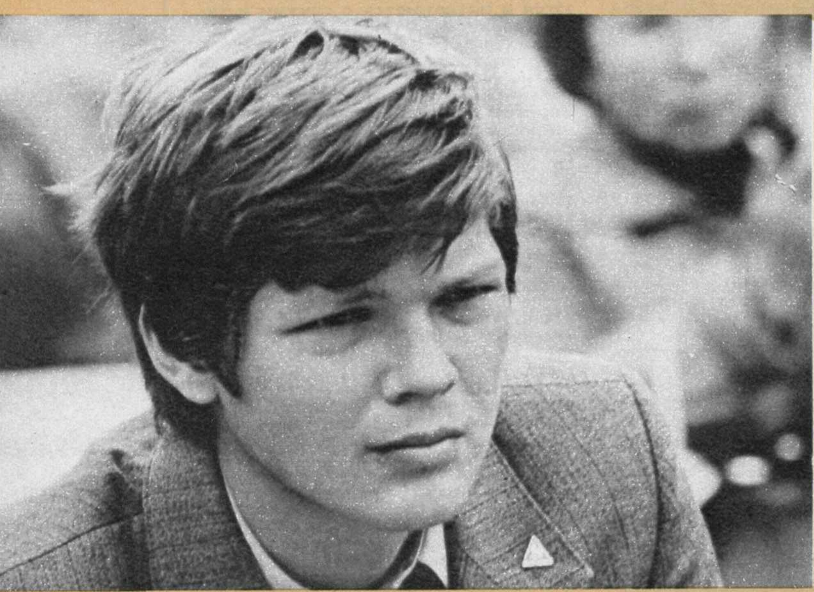
Г. БИРЮКОВ

Сцена из спектакля. Фото С. Герасимова

Молодость, военную молодость вспомнила Валентина Александровна Любива.

Хотим слушать духовые оркестры чаще!

Целиком захватила музыка Диму Докторова и его друзей.

Взгрустнулось...

Фото Г. КОПОСОВА

ГРЕМИТ

Марш-парад.

МУЗЫКА ПОЛКОВАЯ!

Наталья БУМАГИНА

— Пришла сюда случайно. Редко выбираешься погулять — заботы, внуки. А сегодня как будто кто-то подтолкнул меня — надо идти. И вот успела — и марш-парад посмотрела, а теперь концертом наслаждаюсь. Вы знаете, духовая музыка так волнует, часто и слез не могу сдержать.

Валентина Александровна Любива достает платочек, руки дрожат. Мы познакомились с ней только что, на празднике военно-патриотической музыки в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Сегодня здесь всюду звучит бодрая и грустно щемящая музыка духовых оркестров. Что нас так волнует в ней?

— Молодость вспоминаю, свою военную молодость,— продолжает Валентина Александровна.— Я была связисткой на Ленинградском фронте, там и с мужем моим будущим встретилась. Вот и связано у меня с этой музыкой и светлое и горькое.

Полина Владимировна Носкова пришла на праздник специально, узнала о нем из газеты «Досуг в Москве».

— Отложила все дела; как же можно такое пропустить? Теперь ведь редко звучат духовые, а я очень их люблю, вот и внук занимается при Доме культуры в духовом оркестре. Жалко, не смог он сюда прийти. Сегодня у них спортивные соревнования. Дети, подростки должны чаще слышать такую музыку. Она объединяет, дает почувствовать, что ты частичка большой, могучей Родины.

Детей, молодежи было много в тот день в парке.

У Димы Докторова папа — дирижер образцового оркестра Военно-Морского Флота. Дима притащил сюда чуть не весь свой пятый «б» 299-й школы. Ребята завороженны были четкостью строя, слаженностью игры. Их так же, как и всех, покорил хор ветеранов Великой Отечественной войны, и у них так же, как у всех, сжалось сердце, когда объявлена была минута молчания. И только один трубач вскинул серебряную трубу, и взлетела в небо мелодия песни Я. Френкеля «Журавли»...

Всколыхнули воспоминания у людей немолодых песни «Синий платочек», «Землянка». А «День Победы» исполнили все: все оркестры и хор, да и зрители не могли удержаться — пели.

Военными оркестрами руководил начальник военно-оркестровой службы Министерства обороны СССР, заслуженный артист РСФСР генерал-майор Н. М. Михайлов. В своем вступительном слове Николай Михайлович напомнил слова Суворова о том, что музыка удваивает, утраивает армию.

— Это уж точно,— слышу я рядом с собой слова. Произносит их немолодой кряжистый человек. Оказалось, полковник в отставке И. Я. Гребенюк.

— Как она нужна в трудном походе! Кажется, нет уже сил идти, лица солдат посерели, ноги неверно ступают. Но вот грянет музыка — и куда девается усталость! Шаг становится четким, лица светлеют. Да и в минуты отдыха музыка нас выручала. Жаль, что теперь все реже и реже ее слышишь.

К словам Ивана Яковлевича, старого солдата, ветерана, присоединились все, с кем довелось говорить на том празднике. Чаще должна звучать медь оркестров. Ведь ей не нужны специальные помещения: парк, площадь — идеальные площадки для нее.

Татьяна Алексеевна Макарова:

— Воевать мне не пришлось — молода была, работала в тыловом госпитале. И как ни уставали девчонки, но по вечерам, когда объявляли в нашем парке танцы под духовой оркестр, бежали мы на крохотную площадку, «пятачок». Танцевали больше, конечно, друг с другом. Но уж если вдруг пригласит тебя солдатик подлеченный или молоденький офицер — как приятно, как радостно было!..

— А я вспоминаю недавнюю службу,— говорит Глеб Левитин.— Готовились мы к параду. Как нас гоняли! Но вот все четче становился строй, мы сливались в одно целое, казалось, и дыхание у нас общее (и все под маршевую музыку). И уж на параде — только восторг и легкость! Почему из быта подростков, парней-допризывников исчезла такая музыка? Не годится это.

Мои собеседники отмечали, что праздник удался — хорошо продуманный, четко организованный. Спасибо его устроителям! Спасибо автору сценария и режиссеру Олегу Балбекову.

Ранний осенний вечер опустился над парком, взметнулся фонтан в небо. А на огромной площади начались танцы. Кто танцевал? Да все! И молодежь, конечно, но вот мелькнули и лица моих новых знакомых; забыв о возрасте, они кружились в вальсе.

Будет музыка... при любой погоде.

товар – прилавок – покупатель

БРЕЕТ БЫСТРО, БРЕЕТ ЧИСТО...

Эти качества отличают новинку ленинградского объединения «Спутник» — кассетный бритвенный аппарат.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Нынче утром я вышел на улицу небритым. И все же дорогой я с завистью поглядывал на изредка встречавшихся бородачей. В предстоящем эксперименте их мохнатые аргументы выглядели бы убедительнее.

А эксперимент должен был проходить в лаборатории-парикмахерской четвертого филиала ленинградского машиностроительного объединения «Спутник». Осмелюсь предположить, что большинству мужчин название этой фирмы известно лучше, нежели самый простенький комплекс упражнений гимнастики. Ибо гимнастику мы, увы, делаем далеко не всегда, а вот без лезвий «Спутника» мужчинам трудно обойтись.

Погрешу против истины, если скажу, что лезвия эти всегда доставляли нам радость. Поколения тех, кто мужал, оттачивая свою волю на бритвах «Балтика» и «Нева», не дадут мне соврать. Затем появились хорошие лезвия «Ленинград» и московские — «Восход». И шрамы на мужских подбородках, а также воспоминания о пережитом стали потихоньку зарубцовываться. А если что еще и докучало, так это тихая зависть к тем, кто исхитрился раздобыть кассетный бритвенный аппарат-новинку, лезвие в котором под строго определенным, оптимальным углом запрессовано в пластмассовую кассету. Служит такая кассета заметно дольше обычных лезвий, легко заменяется буквально за доли секунды.

В общем, все хорошо, кроме одного,— ехать за нею надо было за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесятое государство. До нынешней весны, когда ленинградский «Спутник» выдал первую партию отечественных аппаратов. Увидел я их в магазине и, признаться, был приятно удивлен прежде всего дизайном — изделие выглядит безупречно.

Вот я и решил проверить на собственном опыте: насколько внутреннее содержание соответствует нарядной внешности; для того и отправился после небольшой домашней подготовки в упомянутую выше лабораторию. Кстати, открыта она для всех. Единственное условие, которое выдвигает контролер-лаборант Л. Н. Петрова,— ходить в гости почаще, пользоваться одной и той же бритвой и точно фиксировать, сколько дней выбранное вами лезвие сохраняет свою работоспособность, качество. Один пользовался однолезвийной кассетой 26 дней, другой даже установил не превзойденный пока рекорд для двухлезвийных кассет — 45 дней! В среднем же новинка не теряет своих качеств в течение двух-трех недель.

Людмила Николаевна продемонстрировала мне солидную пачку отзывов, все единодушны — это именно то, что надо мужчинам: удобно, комфортно. Две минуты, в течение которых я расстался со своей щетиной, утвердили меня в том, что здесь хорошо известно,— «Спутник» сделал мужчинам отличный подарок. Только в нынешнем году ленинградцы обязались выпустить не менее полумиллиона бритвенных аппаратов и пятьдесят миллионов кассет к ним.

Главный инженер филиала И. Б. Вернослов рассказал:

— Установленные автоматы для сборки, упаковки новинки представляют собой завершение имеющихся линий по изготовлению уже известных лезвий с нашей маркой. Мы получили возможность полнее использовать мощности действующего оборудования. Хотелось бы отметить, что монтировать автоматы пришлось в весьма сжатые сроки, выпавшие к тому же на зимние месяцы. Однако все наши работники, понимая неизбежность временных сложностей, успешно справились и с текущими планами и с освоением кассетных аппаратов. Особенно отличились наладчики В. А. Гаврилов, В. Н. Мирнов, В. И. Пусь и другие. Сейчас они и работают и учат молодых операторов.

Многое можно было бы рассказать о том, как устроено и как действует сложное, точное оборудование, занимающее несколько этажей. Однако куда более примечательным показалось другое — цветы, царящая вокруг чистота, аккуратные халаты, в общем, все то, что мы не без основания считаем одной из важных составных частей культуры производства. С этого начинается высокое качество.

Недавно я снова встретился с ней в «Гостином дворе». Покупатель нес в туго набитой сетке штук двадцать голубых коробочек со знаменитым адмиралтейским корабликом — фирменной эмблемой «Спутника».

...Но вот о чем подумалось: ленинградцы, конечно, молодцы, однако, даже выйдя в дальнейшем на проектную мощность (миллион аппаратов в год и сто миллионов кассет к ним), «Спутник» вряд ли удовлетворит покупательский спрос. Ведь, по некоторым подсчетам, примерно 60 миллионов мужчин (не считая тех, кто предпочитает электробритвы или, продолжая играть с огнем, пользуется опасной бритвой) спрашивают в магазинах непременно хорошие лезвия. Вот и прикиньте сами, как скоро большинство из них получит долгожданный «кассетник».

Как скоро? Вопрос не риторический. И мы адресуем его в Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов.

Ленинград.

А. Архипов. 1862—1930. КРЕСТЬЯНКА В ЗЕЛЕНОМ ФАРТУКЕ. 1927.

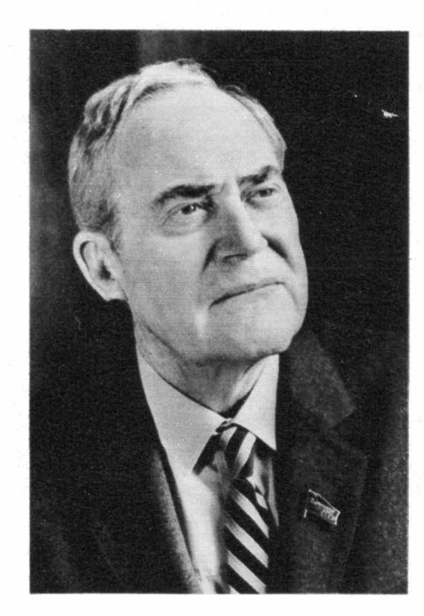
Государственная Третьяковская галерея.

В. Поленов. 1844—1927. МОСКОВСКИЙ ДВОРИК. 1878.

Государственная Третьяковская галерея.

ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Многонациональная советская литература понесла тяжелую утрату. 20 октября 1984 года на 76-м году жизни после тяжелой болезни скончался видный советский писатель и общественный деятель, член КПСС, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР, секретарь правлений союзов писателей СССР и РСФСР, главный редактор журнала «Знамя» Вадим Михайлович Кожевников.

Вся жизнь и творчество В. М. Кожевникова были отданы беззаветному служению советскому народу, делу коммунизма.

Вадим Михайлович Кожевников родился 22 апреля 1909 года в г. Нарыме Томской области. Еще во время учебы в Московском редакционно-издательском институте он начал свою журналистскую и писательскую деятельность. В годы Великой Отечественной войны писатель находился в действующей армии в качестве корреспондента фронтовой газеты «Красноармейская правда» и военного корреспондента газеты «Правда». На фронте в 1943 г. он был принят в ряды Коммунистической партии.

После окончания войны В. Кожевников работал заведующим отделом литературы, членом редколлегии газеты «Правда». С 1949 года до последних дней своей жизни В. М. Кожевников стоял во главе журнала «Знамя».

В художественных произведениях В. Кожевникова ярко и вдохновенно нарисованы героические образы советских патриотов — строителей и защитников нового мира. Широкую популярность получили произведения В. Кожевникова «Март-апрель», «Заре навстречу», «Знакомьтесь, Балуев», «Щит и меч», «Особое подразделение», «Петр Рябинкин», «В полдень на солнечной стороне», «Корни и крона».

Тема рабочего класса была ведущей в его творчестве. Партийность, художественная убедительность, публицистическая страстность — все это по праву принесло Вадиму Кожевникову любовь и внимание широких читательских кругов.

В. М. Кожевников избирался делегатом XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС, депутатом Верховного Совета СССР VII—XI созывов, членом ВЦСПС, являлся заместителем председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР.

Литературная и общественная деятельность В. Кожевникова высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и другими наградами. Ему была присуждена Государственная премия СССР.

Имя Вадима Михайловича Кожевникова, писателя-коммуниста, пламенного патриота-интернационалиста, будет жить в сердцах советских людей.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, Г. М. Марков, В. М. Мишин, С. А. Шалаев, А. М. Роганов, Т. Н. Ментешашвили, Ф. Т. Ермаш, Г. Г. Абашидзе, С. А. Азимов, Ч. Т. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, С. А. Баруздин, Ю. В. Бондарев, Г. А. Боровик, П. П. Боцу, Ю. Я. Барабаш, А. А. Беляев, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, К. М. Долгов, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, М. Каноатов, В. В. Карпов, А. П. Кешоков, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, Э. Б. Межелайтис, А. М. Мирзагитов, С. В. Михалков, Г. М. Мусрепов, К. Н. Яшен, А. Д. Дементьев, Л. А. Землянникова, В. В. Катинов, Н. И. Макеев, В. М. Озеров, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, П. Л. Проскурин, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), Ю. И. Суровцев, Н. Т. Федоренко, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров.

ПАМЯТИ ДРУГА

Даже трудно представить, что Вадима Кожевникова нет уже рядом с нами, нет этого кристально чистого человека, прямого и честного, талантливейшего писателя и просто хорошего друга. Мы всегда перелистываем в памяти встречи с теми, кто нам был и остается близок до последнего вздоха, с теми, с кем пройдены суровые жизненные пути-дороги войны, дороги послевоенного мира.

Сейчас, когда пришла эта скорбная весть о кончине Вадима Михайловича Кожевникова, конечно же, первая мысль была о первых месяцах и первом годе Великой Отечественной войны, когда мы с ним встретились на Западном фронте: он в качестве корреспондента фронтовой газеты «Красноармейская правда», а я — писателя армейской газеты 19-й армии. Он был очень пытлив, оказавшись в нашей армии в районе ее действий под Смоленском. Он был тогда для меня и для всех нас, журналистов, фронтовым корреспондентом, но самое главное, что было в нем,— это пытливость, пытливость, пытливость.

Сейчас как-то по-другому видится и воспринимается то, как он разговаривал с офицерами и солдатами нашего фронта в ходе боевых действий, и во время коротких передышек в прифронтовой полосе, и где-то под Вязьмой, и где-то близко к Москве.

Война кончилась... И вот здесь уже, я бы сказал, состоялось рождение писателя Вадима Кожевникова, писателя широкого, глубоко эмоционального, тронувшего в суровом 1942 году сердца читателей рассказом «Март-апрель». Этот рассказ как бы открыл писателю Вадиму Кожевникову дорогу в большую литературу. В наше время бывают в литературе разные ответвления: кто-то беспредельно категоричен в оценке героев, кто-то привык прощать их всяческие слабые стороны и ошибки. Да, на то она и литература, чтобы не быть одинаковой и чтобы один писатель не был похож на другого.

Посмотрим, какая же широкая палитра, какое разнообразие тематики у писателя Вадима Кожевникова. И «Заре навстречу», и «Знакомьтесь, Балуев», «Щит и меч», «Особое подразделение», «Петр Рябинкин», «В полдень на солнечной стороне», «Корни и крона». Снова и снова проходила в нем любимая его тема, тема жизни рабочего класса.

Вадим Михайлович не признавал компромисса. Его отличительной чертой была верность. И в дружбе, и в деле, и в политике, а попросту он был верен себе, не жалея себя даже физически в нелегкий период, когда уже пошаливало здоровье. Мы это знаем. Он отправлялся куда-нибудь в Сибирь, на Урал. Приезжал вдохновленным и бесконечно рассказывал о тех встречах, о тех людях, с которыми уже повидался, часто употребляя слова: «Ты понимаешь, какие это люди, какие это характеры!»

Смею сказать в этих прощальных словах, что и сам Вадим Кожевников был примечательным человеком, с прочным мужским характером. Меня лично много раз сводила судьба с ним. Мы вместе работали в Союзе писателей СССР. Помнится, как уже очень давно, три с половиной десятилетия назад, я уговаривал его идти на пост главного редактора «Знамени», сменив такого замечательного писателя, каким был Всеволод Вишневский и здоровье которого уже тяжело отражалось на его редакторской работе. Помню и напутствие Александра Александровича Фадеева, которое он давал Вадиму Кожевникову: «Журнал «Знамя» — это журнал прочной позиции, журнал, в котором тема обороны нашей Родины, тема Советской Армии, тема мужества наших советских людей должна быть главной».

И она была такой в журнале «Знамя», возглавляемом мужественным, твердым и целеустремленным писателем — Вадимом Кожевниковым.

Прощай, дорогой друг. Никогда не забудутся наши встречи. Никогда не забудется твой образ. Навсегда будут жить твои книги, все, что ты сделал своей богатой, насыщенной творчеством жизнью.

Анатолий СОФРОНОВ

Василий ЧИЧКОВ

Схватка

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Небольшой рабочий поселок Коэльо просыпается рано. Но сегодня воскресенье. Жители поселка появились на улицах позже обычного. Мужчины чисто выбриты, в белых гуайяверах. На женщинах яркие, праздничные платья. Они вели за руки ребятишек, которые были аккуратно подстрижены, одеты в самые лучшие костюмчики и платья. Ребятишки шли чинно, держась за руки матерей, и с любопытством поглядывали по сторонам.

Жители поселка собирались на небольшой площади около новой школы, построенной советскими людьми. Справа от входа была укреплена мраморная доска, которую сейчас закрывало красное полотно.

Уличные торговцы знали, что сегодня открытие школы, и прикатили сюда свои тележки. На одних установлены жаровни, под которыми полыхают угли, на других тележках — большие котлы, в которых варится кукуруза.

Но детвора тянула родителей к тележкам с сахарной ватой. Торговец нажимал ногой на педаль, и на тележке крутились палочки, на которые наматывались разноцветные волокна. Получался большой круглый сахарный шар. Мальчишки впивались зубами в мягкую сладость и с наслаждением жевали, закрывая от счастья глаза.

Уличные музыканты со скрипками и блестящими трубами стояли группками по нескольку человек. Они готовы сыграть все, что их попросят.

Когда на площади появился Рамирес, праздничная разноголосица несколько стихла. Вместе с Рамиресом пришли советские строители, одетые сегодня тоже по-праздничному.

Передовик строительной бригады Саша Хромов — главный заводила и на работе и на отдыхе — принес баян.

Рамирес поднялся на ступени перед входом в школу. Рядом с ним встала Марина. В отличие от местных женщин, платья которых пестрели яркими цветами, на Марине было однотонное платье оливкового цвета. Длинные светлые волосы резко выделяли ее среди местных жителей, которые были смуглолицы и черноволосы.

Рамирес поднял руку, и на площади перед школой стало тихо.

— Друзья!— громко сказал он.— Сегодня в нашем поселке праздник.

Марина перевела его слова на русский.

— Детвора получает прекрасную школу. О такой мы и мечтать не могли. Мы и раньше знали, что русские рабочие всегда приходят на помощь народам других стран. Но теперь убедились в этом сами. Школа, которую вы построили и назвали дорогим всем нам именем Юрия Гагарина, является настоящим памятником братской солидарности. Она будет вечно напоминать нашим детям и внукам о добром и великодушном народе, который живет далеко от нас, но который в трудную минуту всегда рядом с простыми людьми всех стран. Да здравствует Советский Союз!

Собравшиеся на площади восторженно встретили слова Рамиреса. Все что-то кричали, но нельзя было понять ни единого слова.

— Мраморную доску на школе,— снова послышался голос Рамиреса,— мы попросим открыть Александра Найденова. Он не только передовой строитель, он наш брат по крови...

Толпа снова взорвалась криками. Ну, кто из собравшихся не знал этого молодого рабочего? О нем не раз писали в местных газетах. Даже печатали бюллетени о состоянии его здоровья.

Саша подошел к мраморной доске, потянул за веревочку — и красное полотно упало. Взору присутствующих открылась большая мраморная плита, на которой золотом написано: «Школа имени Юрия Гагарина, построенная советскими рабочими».

И снова прогремел взрыв радости. Мальчишки и девчонки, будущие ученики этой школы, подбежали к советским рабочим и вручили им цветы.

Музыканты, поначалу стоявшие маленькими группками, объединились в один большой оркестр. После короткого спора о том, что играть, грянули веселую куэку. Рамирес протянул руку Марине.

— Я не умею куэку.

— Научим!— весело бросил Рамирес.

Сегодня для Рамиреса был настоящий праздник, какого никогда в жизни не было. Вообще в его жизни праздников было мало. С детских лет он начал работать на угольных шахтах. В душном подземелье катал тележки с углем. Потом ему доверили отбойный молоток.

Рамирес был парнем честным и смелым. Никогда не юлил и не шел на компромиссы. Наверное, поэтому рабочие избрали его главой профсоюза.

Пять лет назад, еще во времена диктатуры, он организовал забастовку с требованием повысить заработную плату шахтерам и построить школу для их детей. Хозяева угольных шахт не выполнили требования рабочих и сумели упрятать за решетку руководителей забастовки, в том числе и Рамиреса. Рамирес вышел из тюрьмы лишь после того, как свергли диктатора.

В маленьком шахтерском поселке люди все знают друг о друге, и поэтому многие, глядя на Рамиреса, говорили: «Святая дева Гваделупе, ну почему хороших людей так часто радость и удача обходят стороной?» У Рамиреса была невеста Эльза. Когда власти упрятали его в тюрьму, Эльза вышла замуж за сына бакалейщика. Теперь она стала важной, толстой дамой. Нет, она не пришла на этот праздник. Ее дети учатся в платном колледже. А жаль, что Эльза не пришла. Она увидела бы счастливое лицо своего бывшего жениха. Согласитесь, когда судьба не балует человека, увидеть его счастливое лицо — это немалого стоит.

Рамирес был сегодня счастлив. Сколько он мечтал о том, чтобы в поселке была школа. И вот она! Он видел благодарность в глазах людей, собравшихся здесь.

Рамирес покрепче взял Марину за руку и вывел в круг. Девушка никогда не танцевала куэку, но не раз видела этот танец. Каким-то особым женским чутьем сейчас она угадывала движения Рамиреса.

— Вот я приеду в Москву,— с улыбкой говорил Рамирес,— вы научите меня танцевать барыню или казачок.

— Да вы что!— воскликнула Марина.— Я не умею казачок.

Рамирес посмотрел на нее с укором.

— Честное слово, не умею.— Марина улыбнулась.— Это же бабушкины танцы.

— Может, вы не хотите, чтобы я приехал в Москву?— спросил Рамирес.

— Хочу,— быстро откликнулась Марина.— Мы вас встретим в Москве с Алексеем.

— А я мечтал встретиться наедине!— то ли в шутку, то ли всерьез бросил Рамирес.

Он встал на колено и, высоко подняв руку, обвел вокруг себя Марину. С каждой минутой она все увереннее чувствовала себя в этом танце и замечала, как люди — и местные жители и советские специалисты — одобрительно поглядывали на них.

— Марина!— вдруг окликнул ее Голубцов, дежурный в конторе.

Она хотела отмахнуться, но, взглянув на него, вдруг почувствовала тревогу и спросила:

— Что-нибудь случилось?

— На минутку!— с нескрываемым волнением позвал ее Голубцов.

Марина, прервав танец с Рамиресом, подошла к дежурному.

— По радио сообщили, что научно-поисковый корабль «Пролетарий» налетел на рифы.

— Не может быть!— вырвалось у нее.

— Я по-испански, сама знаешь, плохо понимаю. Через пятое на десятое...— говорил, как бы оправдываясь, Голубцов.— Но скоро будут повторять известия. Пошли в контору, успеем...

— Извините,— сказала Марина Рамиресу и побежала вместе с Голубцовым.

Вбежав в комнату, она включила приемник и стала торопливо крутить ручки. Слышна была разноголосица эфира. Под ритмичные звуки чья-то шейка кто-то рекламировал зубную пасту «Кольгатэ», от которой зубы становятся похожими на жемчуг. Кто-то кричал, что мыло «Пальмолив» самое душистое в мире. Потом послышались церковные песнопения. И от этих протяжных, заунывных звуков до боли сжималось сердце. Марина еще повернула ручку приемника и услышала стук часов и голос диктора:

«Радиочасы» сообщают последние новости. Сегодня ночью советский корабль «Пролетарий» разбился о скалы в районе мыса Караумилья».

Марина опустилась на кровать, уткнулась лицом в подушку и лежала так некоторое время, отгоняя от себя страшные мысли о судьбе Алексея. Потом вдруг встала и решила немедленно ехать в город, чтобы там узнать о случившемся.

Адмирал обычно завтракал в маленькой столовой, которая находилась рядом с кухней. Жена сидела напротив и неторопливо пила кофе. В последнее время она, как правило, была по утрам не в духе. И каждый день за завтраком царило гнетущее молчание. Чтобы как-то разрядить тяжелую атмосферу, адмирал сказал:

— Почему до сих пор нет газет?

— Это тебе лучше спросить у служанки,— ответила жена, не поднимая глаз.

— Железная логика!— воскликнул адмирал и молча продолжал завтрак.

Он спросил о газетах еще и потому, что знал: минувшей ночью советский корабль налетел на рифы. Адмиралу хотелось поскорее увидеть сообщение об этом.

Когда служанка принесла газеты, адмирал торопливо раскрыл первую попавшуюся под руку и увидел крупный заголовок: «Русский корабль «Пролетарий» налетел на рифы, пытаясь подойти к берегу и выгрузить оружие для коммунистов».

Жена недовольно взглянула на мужа. Она не любила эти утренние чтения за столом.

— Ты посмотри, какие заголовки!— воскликнул адмирал, показывая газету.

— Бумага все стерпит...

Адмирал опустил газету и поверх очков посмотрел на жену. Он ничего не сказал, но про себя подумал: «Старая брюзга. А ведь когда-то была первой красавицей в этом городе». Красота ее и сейчас еще не совсем увяла. Большие черные глаза, высокий лоб. Черные, с легкой проседью волосы гладко расчесаны на прямой пробор и затянуты в тугой пучок.

— У тебя выработался рефлекс противоречия,— сказал адмирал.— Все, что исходит от меня, воспринимается в штыки.

— От тебя уже давно ничего не исходит,— едко бросила жена.

Адмирал снова закрылся газетой. «Старая брюзга»,— повторил он про себя, хотя жена была моложе его лет на десять. Но когда женщине за пятьдесят, она выходит в тираж — адмирал был твердо уверен в этом.

Чтобы унять неприятное чувство, возникшее после разговора с женой, он старался думать о сегодняшнем вечере. Друзья при-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42, 43.

гласили его в ночной клуб «Конэхо», где выступит недавно приехавшая из Канады актриса. Газеты величают ее «белокурая звезда». Этот маленький ночной клуб — для избранных, и здесь актриса, конечно, покажет все, на что она способна. Друзья шепнули адмиралу, что ожидается не только изящный стриптиз, но и какой-то еще особый номер.

Вошла служанка, розовощекая девица в белом крахмальном переднике.

— Машина пришла, сеньор,— сказала служанка и направилась на кухню.

— О'кэй,— ответил адмирал и бросил взгляд на ее стройные ноги.

Он положил салфетку на стол, поцеловал жену в лоб и мягко сказал:

— Я, может быть, сегодня задержусь, дорогая!

— Я уже привыкла к этому, мой дорогой,— в тон мужу ответила жена, не поднимая головы.

Под утро измученную команду советских моряков привезли в портовый отель. Служащие его уже знали о происшедшем и с любопытством поглядывали на моряков.

Капитан Артамонов вошел в свой номер, сбросил намокшую одежду и лег, положив руки под голову. Но вдруг встал, порылся в карманах намокших брюк, вынул пачку сигарет. Сигареты были влажные. Как ни пытался Артамонов закурить, сигарета гасла.

Он снова лег, но долго лежать не смог. Горькие и тревожные мысли одолевали его. Он стал ходить по комнате, но легче не становилось.

«Как надо было поступить?— уже в сотый раз спрашивал себя Артамонов.— Оставаться в штурманской рубке? Зачем? Там был опытный штурман. Оставить со штурманом старпома?»

Артамонову стало казаться, что именно это и могло предотвратить беду. Старпом подстраховал бы Медведева. И оттого, что был найден спасительный вариант, еще обиднее, больнее стало...

Артамонов никогда не пытался переложить свою вину на других и тем облегчить свои страдания. Пожалуй, чаще было наоборот. Он мучился потому, что пытался найти свою вину даже в том, в чем можно было ее не искать. И сейчас мысль о том, что он не оставил старпома вместе с Медведевым, вдруг больно врезалась в его сознание.

Для Артамонова это был первый сильный удар судьбы. Вернее, был еще один, правда, давно, когда погиб его отец в начале сорок пятого. Но в то далекое время Дмитрий был слишком мал, чтобы осознать всю величину несчастья, обрушившегося на семью. Тяжесть испытаний целиком легла на плечи матери, которая выплакала много слез и постарела раньше времени. Все, что осталось в ее жизни, был сын. Она молила судьбу, чтобы та послала ему удачу.

Сначала Дмитрию везло на экзаменах в институте. Ему почти всегда попадались билеты, которые он знал. Повезло и с распределением: направили туда, куда хотелось. Очень скоро он стал помощником капитана, а потом старпомом. И, наконец, ему доверили корабль.

Он не мог предъявить жизни какой-либо счет. Удачлив! Удачлив! Как часто он слышал эти слова в свой адрес от других. Удачлив! И не только в работе, но и в личной жизни.

Артамонову было двадцать восемь лет, когда он встретил Ольгу. Красота ее была истинно русской, не зазывной, не броской. Черты лица тонкие, волосы светлые, большие глаза... Когда небо ясное, голубое — глаза казались синими. Но, пожалуй, самое удивительное, чем природа одарила Ольгу,— это улыбка. Какое-то притягательное таинство было в ней. И когда Артамонов находился рядом с Ольгой, ему всегда хотелось увидеть ее улыбку.

Очень быстро Ольга стала не просто женой, но родным по духу человеком. Радости Артамонова были и ее радостями, заботы мужа были и ее заботами. Родилась дочка. Она была так похожа на Ольгу, что Артамонов, приходя домой, радовался своей семейной жизни вдвойне.

И вот жестокий удар судьбы!

Артамонов по-прежнему стоял у окна и смотрел на горы. Солнце поднялось высоко и по-новому осветило вечные снега на вершинах гор. Но капитан, перебирая в памяти свою жизнь, не видел этой удивительной панорамы. Ему казалось, что все сразу же рухнуло. Отчаяние охватывало его, лишало надежды не только на будущий успех в работе, но и в семейной жизни. Он пытался представить сейчас улыбку Ольги и не мог. Хотя прежде, будучи вдали от дома, он так ясно видел ее улыбающееся лицо, и одно это воспоминание вызывало у него ответную улыбку. Сейчас он никак не мог вспомнить ее лицо.

В дверь комнаты резко постучали, Артамонов еще не успел сказать «войдите», как дверь распахнулась, и на пороге появился консул. Он сел на стул и закурил.

— Позвольте мне сигарету,— попросил Артамонов, который давно испытывал острое желание закурить.— Мои сигареты намокли.

Консул дал сигарету и щелкнул зажигалкой. Он заметил, с какой жадностью Артамонов затянулся.

— В нелегкое положение вы нас поставили, Дмитрий Сергеевич,— сказал консул и посмотрел на Артамонова долгим, тяжелым взглядом.

— Понимаю!— глухо ответил Артамонов.

— Вы же опытный капитан!— В голосе консула прозвучало обвинение.

— Они штурмана усыпили сигаретой,— начал Артамонов.— У них с маяками связь была. Маяк Караумилья погас.

— Штурман не малое дитя! Какого черта ему понадобилась сигарета?! Я бы на вашем месте, капитан, не искал оправданий.— Консул встал, зашагал по комнате.— Приходит из Советского Союза научно-поисковый корабль, новенький. Стоит он ни много ни мало — восемь миллионов рублей. На этом корабле опытные моряки. Их, как мальчишек, обводит вокруг пальца лейтенант из контрразведки.

— Там не было лейтенанта,— возразил Артамонов.

— Был. Тот самый Ортеба. Вас сделали участниками большой игры, капитан.

— Теперь я понимаю, почему спасательное судно не пришло к месту аварии,— сказал Артамонов.— Нас подобрал греческий торго-

вый корабль, проходивший неподалеку. Если бы пришло спасательное судно, мы попробовали бы стащить «Пролетарий» с рифов и отбуксировать в порт.

— Если бы!— сказал консул и, резко поднявшись, прошелся по комнате.— Какое это теперь имеет значение. Вы видели сегодняшние газеты?— спросил консул и вынул из кармана пухлую газету, еще пахнущую краской. Он развернул ее и ткнул пальцем в крупный, почти на всю полосу заголовок и перевел: «Русские привезли оружие!» «В ночь на 25 сентября русские пытались выгрузить оружие в районе мыса Караумилья и напоролись на рифы. Как известно, неподалеку от этого места находится шахтерский поселок Коэльо, который называют красным, потому что коммунисты возглавляют там муниципалитет. Отряд русских специалистов строит там школу, ясли и детский сад».

Консул положил газету на стол и посмотрел на Артамонова.

— Чушь собачья!— сказал Артамонов.— На нашем корабле были их представители, в том числе и этот лейтенант. Они нам курсы прокладывали.

— Это вы мне можете объяснить,— недовольно буркнул консул.— А что вы скажете сотням тысяч читателей? Телевидение сегодня начало свою работу с выступлений двух видных членов парламента... «Коммунисты хотят захватить власть и установить красную диктатуру!— кричали они.— Для этого им не хватает оружия. Советы обеспечат их этим». Так что, Дмитрий Сергеевич, это не чушь собачья, а большой скандал!

Консул говорил резко, не в силах скрыть своего раздражения. Он мысленно охватывал всю картину, весь план тех, кто решил нажить капитал на этой истории. И многолетний опыт дипломатической работы подсказывал ему, что это только начало игры. Консул понимал, что разведка тщательно готовила операцию и, наверное, были разработаны несколько вариантов. «И все же капитан — шляпа! Он даже не смог предположить, какую с ним сыграют злую шутку».

— Значит, так,— сказал консул.— Через полчаса у причала будут стоять два катера. Я пригласил журналистов и корреспондентов телевидения. Там, у мыса Караумилья, все расскажете им. Не забудьте! Ортеба — лейтенант из управления безопасности. Вам он был представлен как сотрудник института рыбного хозяйства. Расскажите о сигарете, о работе маяков. И потребуйте встречи с Ортебой и Санчесом.

Артамонов согласно кивал.

— Возьмите с собой из экипажа тех, кто вам нужен. Остальных отправьте на траулер «Сибиряк». Пусть ваши моряки лучше там будут. В тесноте — не в обиде. А тут, в отеле, всякое может случиться.

— Понял!— коротко ответил Артамонов, который сполна осознал всю сложность ситуации.— Возьму с собой Старикова и Панова.

Каждое утро адмиралу Ледуку референты готовили сводку наиболее важных сообщений, напечатанных в утренних газетах. Эта сводка занимала всего несколько страничек, и адмирал внимательно прочитывал ее, подчеркивая наиболее важные места красным карандашом.

Сегодня почти вся сводка была посвящена ночным событиям у мыса Караумилья... Об этом сообщили не только местные газеты, но и «Нью-Йорк таймс».

Адмирал взял дымящуюся сигару из пепельницы и откинулся на спинку кресла.

— Да-а, господа коммунисты.— Адмирал выпустил дым колечком и, улыбнувшись, подумал о том, что сегодня в парламенте представители правых партий призовут к ответу депутатов-коммунистов.

Размышления адмирала прервал адъютант. Он вошел в кабинет и четко доложил:

— Сейчас начинается телевизионная передача с мыса Караумилья. Включить телевизор?

Адмирал Ледук кивнул и, положив сигару в пепельницу, повернулся лицом к телевизору.

Продолжение следует.

ДО ЗВОНКА ИЗ СЕНЕГАЛА!

Интервью с президентом Всемирной шашечной федерации Вадимом БАЙРАМОВЫМ.

Недавно на заседании руководящего комитета Всемирной шашечной федерации (ФМЖД) был избран новый ее президент. Им впервые стал представитель нашей страны председатель Федерации шашек СССР Вадим Михайлович Байрамов, преподаватель Московского государственного университета. За этим фактом стоят многочисленные победы советских шашистов на самых крупных международных соревнованиях, в том числе и на чемпионатах мира, широкое распространение шашек в нашей стране.

Наш корреспондент Виктор ПРОНИН обратился к президенту ФМЖД с вопросами.

— Вадим Михайлович, позвольте прежде всего поздравить вас с избранием на столь высокий и ответственный пост.

— Спасибо. Но должен сказать, что за всей высотой и ответственностью этого поста стоит достаточно хлопотная работа. Есть вопросы, проблемы, и решать их приходится постоянно. Хочется надеяться, что международное признание советских шашистов, их мастерство будут способствовать развитию шашек в мире, устранению недоразумений, которые могут возникнуть.

— Вы говорите о недоразумениях... В двух словах, в чем они заключаются?

— Как известно, наши шашисты не участвовали в чемпионате мира в Бразилии в 1982 году, ибо не были вовремя получены въездные визы. Несмотря на протест советской федерации, Генеральная ассамблея решила признать бразильский турнир официальным чемпионатом, а его победителя, голландского гроссмейстера Янеса Ван дер Вала, провозгласила чемпионом мира. В результате советские шашисты фактически исключались из борьбы за шашечную корону на два года, а кроме того, теряли два персональных места в следующем чемпионате мира, то есть получали бы только три места участников вместо пяти, как должно было быть в 1982 году.

— Простите, Вадим Михайлович, но на чемпионате, который сейчас проходит в Сенегале, за звание чемпиона мира борются пять наших спортсменов?

— Совершенно верно. Пять. Однако, чтобы прийти к этому, понадобились многие усилия нашей федерации и, разумеется, других национальных федераций. Согласитесь, любой чемпионат мира по шашкам, любое крупное международное соревнование без советских спортсменов теряет свой смысл, обесценивается. Что же произошло?.. Руководящий комитет Всемирной шашечной федерации, желая сохранить единство и повысить значимость высшего титула, в порядке исключения по предложению советской федерации решил провести внеочередное соревнование на звание абсолютного чемпиона мира — турнир восьми участников в два круга. По итогам этого турнира, состоявшегося в прошлом году в Амстердаме, Харм Вирсма вернул себе звание чемпиона мира, а харьковчанин Вадим Вирный, завоевав второе место, получил право вызвать чемпиона на матч.

— Таким образом, позиции советских спортсменов на международной арене были восстановлены?

— Казалось бы... Но голландская федерация восприняла эти решения отрицательно. Против них, против тогдашнего президента В. Юрга была развязана целая кампания. Наши настойчивые усилия за осуществление решений руководящего комитета федерации позволили весной этого года провести матч в Москве и Нидерландах на звание чемпиона мира между Хармом Вирсмой и Вадимом Вирным. Молодому советскому спортсмену не удалось победить в этом матче, он закончился вничью, и Вирсма сохранил звание чемпиона мира.

— Вадим Михайлович, что можно сказать о недавней встрече наших и голландских спортсменов?

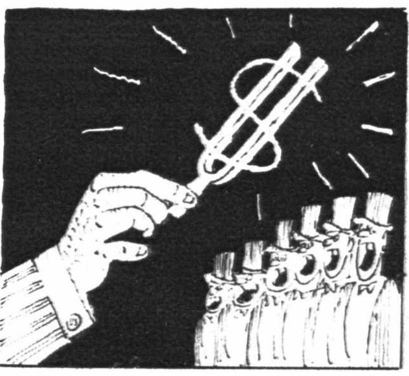
— Эти встречи стали традиционными, они всегда привлекают большое внимание международной общественности, и хотя мне как президенту Всемирной шашечной федерации положено сохранять нейтралитет, тем не менее могу сказать, что советские спортсмены победили голландскую команду. Особенно хочу отметить прекрасную игру Александра Балякина и Алексея Чижова — чемпиона мира среди юниоров,— именно их успехами нашей команде удалось одержать общую победу. Балякин на своей доске вообще достиг почти предельного результата: он набрал три с половиной очка из четырех.

— Какие шашечные новости ожидают нас в ближайшем будущем?

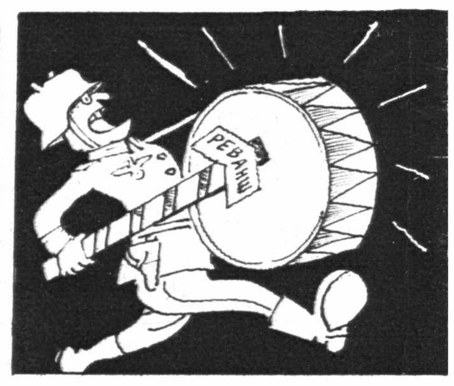
Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Вашингтонский камертон: (Задает тон антисоветской истерии).

Реваншистский барабан: (Призывает к пересмотру европейских границ).

— Мы надеемся в честь столетия первого международного турнира по шашкам провести в будущем году ряд мер, посвященных этой дате. Среди них первая шашечная Олимпиада, в которой, как предполагается, примут участие все страны — члены Всемирной шашечной федерации и, что мне хотелось бы подчеркнуть особо,— первый в мире международный турнир на малой 64-клеточной доске, на которой в нашей стране играет большинство любителей. Правда, есть трудности. Например, правила игры на такой доске в некоторых странах различаются. Предстоит их как-то унифицировать, чтобы большее количество стран смогло принять участие в турнире.

— А как себя «чувствуют» женские шашки?

— Думаю, прекрасно! Четвертый раз стала чемпионкой мира минская студентка Елена Альтшуль, причем последний раз она победила в борьбе за это звание харьковчанку Ольгу Левину. Можно сказать, что борьба за звание шашечной королевы является внутренним делом советских спортсменок.

— Что можно сказать о развитии шашек вообще в стране, каково их положение сейчас, когда мы все стали свидетелями настоящего взлета популярности шахмат?

— Думаю, у шашек и шахмат конкуренции быть не может, противопоставлять их нет никакого смысла. Да, в шахматах взлет. Но наметился подъем и в шашках. Стало попросту опасно объявлять шашечные викторины, конкурсы, олимпиады, потому что редакции тут же тонут в тысячах писем своих читателей, которые присылают ответы, пожелания, вопросы. Думаю, что один только этот факт достаточно убедительно отвечает на ваш вопрос, каково шашкам в наше время. В июле этого года принято постановление Спорткомитета СССР о развитии шашек в стране. Уверен, оно сыграет большую роль.

— И последнее. Вадим Михайлович... Каковы наши шансы в Сенегале?

— Туда поехала когорта первоклассных гроссмейстеров. Среди них двукратный чемпион мира Анатолий Гантварг, экс-чемпион Советского Союза Александр Балякин, недавний претендент на звание чемпиона мира Вадим Вирный, прекрасный теоретик, двукратный чемпион СССР Михаил Кореневский, радующий стабильностью и даже неожиданностью своих результатов Владимир Вигман. Чемпионом мира может стать каждый из них. Сильны голландцы, среди них такие именитые спортсмены, как Ван дер Вал и Роб Клерк. И потом, спорт прекрасен неожиданностями. Подождем — увидим. Договоримся так: я позвоню вам из Сенегала и доложу о результатах, хорошо?

— Это было бы здорово, Вадим Михайлович! Спасибо.

КОРОНАЦИЯ В ПУТИ

Матч сильнейших шахматистов мира еще продолжается, а судьба женской шахматной короны уже решена. Выиграв тринадцатую партию, чемпионка мира Майя Чибурданидзе достигла заветного восьмиочкового рубежа и отстояла свое почетное звание.

Последние события поединка носили сенсационный характер. Длительная осада подступов к шахматному трону, напряженная борьба, в которой продвижение к цели измерялось шагами и успех склонялся то в одну, то в другую сторону, внезапно сменилась стремительным штурмом, приведшим Чибурданидзе к победе досрочно.

Перелом произошел в драматическом девятом поединке. Наши читатели помнят, что в тот момент Левитина лидировала в матче и была близка к удаче. Инициатива в партии принадлежала претендентке, и она настойчиво боролась за победу, но все обернулось неожиданно, и в несколько минут. В жестоком цейтноте Левитина не только упустила преимущество, но и не воспользовалась оставшейся возможностью сделать ничью. Обидное поражение стало для нее роковым. Роли сразу переменились. Левитина пала духом, а Чибурданидзе обрела еще большую уверенность и творческий подъем.

В следующих пяти партиях Майя играла просто великолепно. Не давая сопернице пощады, от встречи к встрече демонстрируя все большее превосходство, она сломила сопротивление претендентки и доказала, что является первой шахматисткой мира.

Майя Чибурданидзе заслужила свой замечательный успех. Ее игра, пронизанная энергией, смелостью, фантазией, обрела новые краски, стала глубже и многограннее, а о бойцовских качествах характера и говорить не приходится, нынешний поединок их выявил в полной мере. Вспомним, что на каждый удар она немедленно отвечала контрударом, а в решающий момент борьбы сумела удесятерить натиск.

Трехкратной чемпионке мира всего двадцать три года. Такого еще не знала история шахмат. Перед ней расстилается долгий победный путь, ее ждут новые увлекательные испытания.

Поздравляя Майю Чибурданидзе с заслуженной победой, пожелаем ей новых творческих свершений и удач.

Марк ТАЙМАНОВ, международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

«Огонек» на «Атоммаше»

ПРИЗ ВРУЧЕН НАВЕЧНО

«Огонек» учредил приз, которым в течение девяти лет по итогам социалистического соревнования награждалась лучшая бригада «Атоммаша». Приз был учрежден как переходящий. За его обладание боролись самые передовые рабочие коллективы. И вот, наконец, приз журнала обрел своего постоянного владельца — слесарно-сборочную бригаду Николая Ковалева. Участок, где трудится передовой коллектив — 21 человек,— один из образцовых.

Вечером переполненный зал Дома культуры аплодировал победителям соревнования. А когда аплодисменты смолкли, к микрофону подошел бригадир:

— Приз «Огонька», завоеванный нашей бригадой в третий раз, будет способствовать дальнейшему росту нашего профессионального мастерства, будет помогать совершенствованию социалистического соревнования на заводе. Что касается нового приза, то, как только журнал его учредит, мы вновь постараемся этот приз завоевать своим трудом.

О бригаде Николая Ковалева уже не раз рассказывалось на страницах «Огонька». Передовой коллектив не только ежедневно перевыполняет сменное задание, осваивает смежные профессии, продукцию выпускает со Знаком качества, но и направляет своих лучших рабочих на освоение новых участков. Почти половина бригады обновилась за последние годы, дав первоклассных бригадиров и мастеров в отстающие коллективы.

На другой день в обеденный перерыв, за «круглым столом» по душам разговаривая с соратниками Н. Ковалева (именно с соратниками, ибо в этой бригаде каждый отвечает за дела и неудачи всех), узнал я многое из того, чем живет сегодня этот коллектив.

Профгрупорг бригады Виталий Гамуйло:

— Если бы не было перебоев с поставками для нас, если бы вовремя варился коллектор и более надежным было оборудование — наша бригада работала бы еще лучше и план закрывала гораздо быстрее, чем нынче.

Коммунист Иван Бочаров:

— Коллектив наш устоявшийся, надежный. Уже более пяти лет не было случая, чтобы у нас произошло ЧП или мало мальское нарушение трудовой дисциплины. Но мы можем работать еще лучше.

В условия, дающие право на завоевание приза «Огонька», входит и умело организованный досуг в коллективе. Так вот, ковалевцы — признанные на «Атоммаше» весельчаки и заводилы. Как правило, они всегда отдыхают бригадой, с женами и детьми. Увлекаются туризмом. Любят рыбалку, с удовольствием трудятся на приусадебных участках.

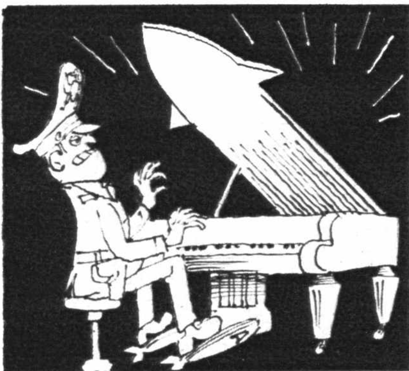
На снимке: бригада Н. Ковалева.

В. САДОВСКИЙ
Фото автора

Расистская арфа: (Под ее звуки угнетается коренное население ЮАР).

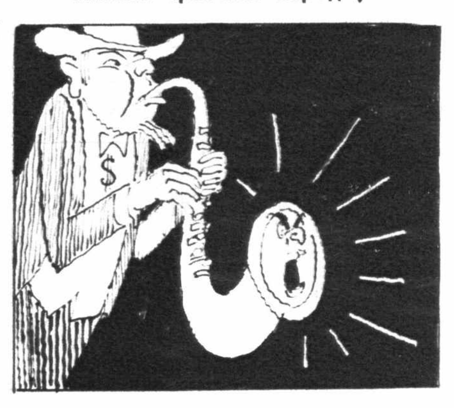
Милитаристский рояль: (Любимая мелодия — военное превосходство).
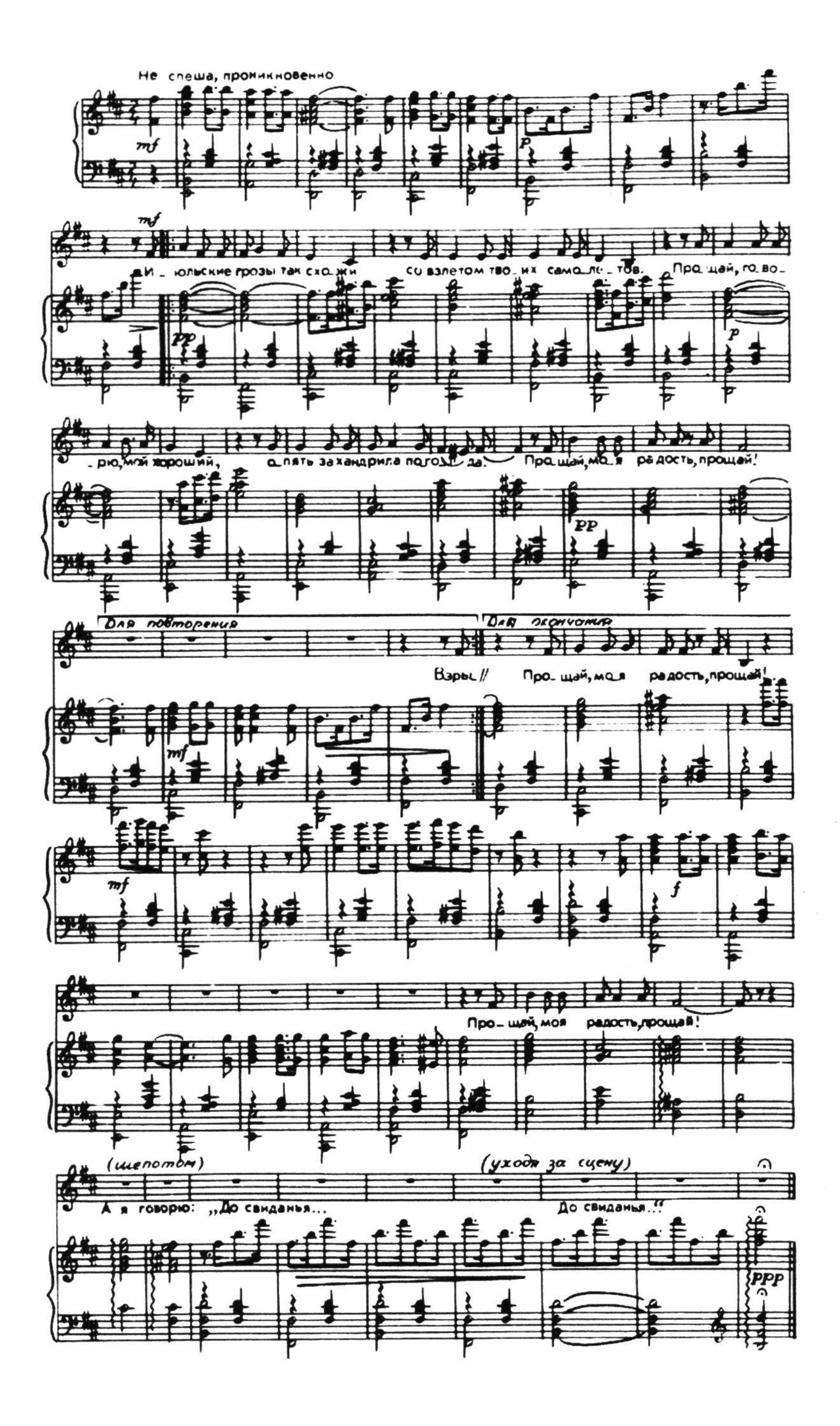

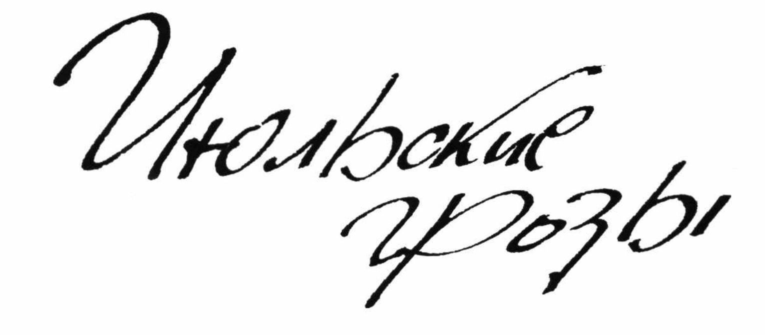
Пентагоновский граммофон: (Заезженная пластинка — «советская военная угроза»).

Израильская дудка: (Под нее хотят заставить плясать арабские народы).

Музыка
Л. ЛЯДОВОЙ

Стихи
Т. ПОНОМАРЕВОЙ

Июльские грозы так схожи
Со взлетом твоих самолетов.
Прощай, говорю, мой хороший,
Опять захандрила погода.
Прощай, моя радость, прощай!

Взрывается небо громами,
И отблески молний у сопел.
Прощай! Но любовь между нами
И отзвук разлуки высокий.
Прощай, моя радость, прощай.

У трапа ко мне обернешься,
Чтоб тихо сказать: «До свиданья».
Но верю, на землю вернешься
Из дальних, суровых скитаний.
Прощай, моя радость, прощай.

Свершается круговращенье.
Повинны июльские грозы.
Но верю, что в час возвращенья
Под ноги мне высыплешь звезды.
Прощай, моя радость, прощай.
Прощай, моя радость, прощай.
Прощай...

Течет печат

В самом начале столичного проспекта, носящего имя маршала Г. К. Жукова, высится привычное для наших дней здание из стекла и бетона. Нет в нашей стране уголка, из которого к зданию этому не протянулись бы незримые нити. Главное управление по распространению печати Министерства связи СССР — гласит вывеска у входа. Наш корреспондент беседовал с начальником этого управления **Леонидом Дмитриевичем БАРАШЕНКОВЫМ.**

— Леонид Дмитриевич, два года назад в канун начала подписной кампании возле каждого почтового отделения собирались сотни москвичей, которые тщательно и терпеливо, разнокалиберным почерком составляли летучие списки, а затем по нескольку раз отмечались, дабы суметь подписаться на то или иное периодическое издание. А теперь этой картины нигде не увидишь. Что тому причиной? Не стало лимитированных изданий? Или, может быть, из-за повышения цен на периодику?

— Очень бы мне хотелось,— говорит Л. Барашенков,— на первую часть вопроса ответить утвердительным «да», а на вторую — отрицательным «нет». Однако не все так однозначно.

Лимитированные издания — помните, они отмечаются в каталоге звездочками?— сохранились, но их стало намного меньше. Всего девять журналов ныне отмечены звездочкой. Лимит на эти издания сохранился лишь потому, что выпускающие их издательства перегружены и не всегда своевременно справляются с тиражами. Думаю, что, как только техническая база позволит увеличить мощность изготовителей, мы сможем полностью удовлетворить читательский спрос на эти издания.

Кстати, к нынешнему дню и без того многое сделано, чтобы удовлетворить потребности подписчиков. Советское правительство делает все для того, чтобы стало меньше проблем с подпиской на то или иное издание. В этом году вновь можно свободно подписаться на популярные у миллионов читателей «Работницу», «Крестьянку». Нет ограничений в подписке на журнал «Здоровье». Доступным стал до недавнего времени лимитированный «Новый мир». На свободную подписку вышли «Литературная газета» и многие другие издания. Что касается второй части вопроса, относительно спада читательского интереса в связи с некоторым повышением цен на периодику, то здесь все несколько сложнее, чем представляется на первый взгляд. Издания, которые стали дороже, но не утратили своего лица, которые идут в ногу со временем, изучают и учитывают читательские интересы, и поныне пользуются повышенным спросом подписчиков и молниеносно раскупаются в рознице. А те, которые стали менее интересны, действительно с повышением цен начали терять читателя.

По-прежнему огромным читательским уважением пользуются «Правда», «Труд», «Советская Россия» и другие центральные издания. И это неудивительно. С первых дней своего существования наши ведущие газеты всегда ставили в центр внимания те проблемы, которые по-настоящему волнуют миллионы советских людей, отвечают их чаяниям и интересам. Сегодня, когда страна успешно завершает очередную пятилетку, когда весь советский народ готовится к предстоящему XXVII съезду нашей партии и к 40-летию Победы над гитлеровской Германией, интерес читателей к периодике возрастает повсеместно. А это во многом помогает в работе распространителей печати.

— Не могли бы вы привести пример спада и повышения читательского интереса к изданиям, которые своевременно позаботились о своем портфеле или, напротив, упустили из виду вопрос «формирования собственного репертуара».

— Наиболее наглядно это можно увидеть на судьбе роман-газеты. Цена издания несколько повысилась: мы стали получать письма с упреками и конкретными примерами, где именно и в каком ко-

Шота ЧКАДУА

ИЗ БЛОКНОТА ГЕНА

РАССКАЗ

Гена, передовина бригады по сбору чайного листа, избрали делегатом на какое-то важное совещание... О чем именно будут совещаться делегаты, сказано не было, но... раз выбрали — надо ехать!

— Ты только смотри не заблудись там в городе! — напутствовали, посмеиваясь, своего делегата друзья и товарищи.

— Не беспокойтесь, не ударим лицом в грязь!

Поехал Ген. Красивый, шумный город ему понравился. И встретили хорошо: с вокзала привезли прямо в многоэтажную, лучшую в городе гостиницу «Вперед» и поселили в одноместный отдельный номер — с телефоном, с ванной, горячая вода круглосуточно!

Народу в городе тьма-тьмущая! И все куда-то спешат. И каждый, видать, знает, куда и зачем он спешит! А Ген ходит вокруг гостиницы чужак чужаком: те, которые его сюда поселили, сразу же уехали, у них, наверное, других дел много. Ну ладно, думает Ген, присматриваясь к городской толпе, крыша над головой есть, и на том спасибо!

На следующий день утром открылось совещание. Зал большой, роскошная люстра на потолке, кресла рядами. Перед каждым креслом откидная доска, и на ней лежат блокнот и шариковая ручка. Видимо, для того, чтобы записывать то важное, о чем будут говорить на совещании. В президиуме сидят красивые люди в красивых пиджаках, в белых сорочках. Сидят и рассматривают сидящих в зале делегатов. А те — глядит в оба Ген — что-то пишут каждый в свой блокнот. Все пишут, один Ген не пишет. А что писать? Скосил глаз на блокнот соседа по креслу: что он там пишет? Не мог разобрать. Гену стало не по себе. Не заметили бы в президиуме, что он ничего не пишет в своем блокноте! Неудобно как-то! Раз дали

ная река

личестве лежат эти книжки. Но стоило роман-газете напечатать Ч. Айтматова, В. Распутина, В. Пикуля, как нарекания прекратились, а число подписчиков резко возросло. И таких примеров можно привести сколько угодно. Вероятно, вы сами это ощущаете в конкретной практике издания своего журнала, который, с моей точки зрения, пользовался большой популярностью у многих советских читателей. Больше того, могу с полной ответственностью сказать: не одно поколение советских людей выросло, читая «Огонек», и благодарно ему не только за яркий показ наших социалистических действительности, но и за повышение политической культуры человека.

— Спасибо за добрые слова. А теперь хотелось бы услышать о недостатках в работе распространителей печати.

— Охотно. Я всегда считал и считаю, что наибольший эффект в борьбе с недостатками дает «горькое лекарство».

— В почте «Огонька», Леонид Дмитриевич, встречаются письма, авторы которых жалуются на принудительность подписки, проводимой некоторыми общественными распространителями периодики. «Дадим вам, дескать, подписку на популярное издание, если согласитесь взять такой-то журнал»,— увещевают свою клиентуру иные ловкие распространители. Имеют ли они на это право?

— Конечно же, нет. Нам известны подобные факты. И мы не оставляем их без внимания. А некоторых особенно ретивых подобных помощников наказываем. Словом, работа в этом направлении будет продолжена.

— И еще об одном негативном факте пишут наши читатели: о несвоевременной доставке газетно-журнальной продукции подписчикам.

— Причин тому несколько. Иногда доставка газет и журналов задерживается из-за нерасторопности наших распространителей. В этом случае мы строго наказываем виновных. Иногда нас подводит транспорт. Порой виноваты издательства. Вот конкретный пример. Журнал «Здоровье», как известно, выходит тиражом более шестнадцати миллионов экземпляров. На его печать тратится чуть ли не полмесяца. По мере того как журнал сходит с печатных машин, он и поступает к своим подписчикам. И происходит недоразумение. Одни подписчики его уже давно получили и прочитали, а другие еще и не видели. В результате телефонные звонки, письма, заявления со справедливыми претензиями, и с этими недостатками мы тоже намерены бороться.

— Хотелось бы услышать от вас о новых формах работы распространителей печати. Этим также интересуются наши читатели.

— Новые формы в основном коснулись оформления подписки и расчета за нее. Во-первых, подписаться на любое издание можно теперь с любого месяца и на любой срок. Во-вторых, по желанию подписчика можно прервать подписку на время отпуска. Например, вы точно знаете, что в июле поедете отдыхать. Вы оформляете подписку на одиннадцать месяцев и указываете, чтобы в июле вам газеты не доставляли. И почта выполнит ваше пожелание. Все более широкое распространение среди подписчиков получает форма коллективной подписки. Так, работники одного отдела, бригады, фермы, например, могут коллективно подписаться на какой-то журнал или несколько изданий и получать их непосредственно по месту работы.

— Для некоторых подписчиков не всегда бывает удобно расплачиваться за подписку наличными деньгами. Почему бы работникам почты не пойти им навстречу и не организовать подписку в кредит? Думаю, что не только в адрес «Огонька», но и к вам приходят письма с такими предложениями.

— Приходят, и в немалом количестве. Сейчас мы работаем в этом направлении, и, я думаю, не за горами то время, когда подписчики получат такую возможность.

Беседу вел В. ЗАСЕЕВ.

блокнот и ручку, пошли на такие расходы — надо писать.

Начались выступления ораторов, один сменяет другого. О чем говорили ораторы, Ген разобрать не мог: очень уж трудный был их язык — из десяти слов примерно только два не иностранные. Тем не менее в зале им хлопали. И Ген тоже хлопал. Ну, похлопал, а дальше что? Нет, надо писать.

Ген взял шариковую даровую ручку и стал писать.

Вот что он написал в своем даровом блокноте:

1. Как приехал, три раза мылся под душем. Вода горячая, хорошо! И мыло дают бесплатное. Молодцы!

2. Только что выступил один — толстый, в очках, а голос тонкий — бабий. Учил нас, как надо собирать чай получше. Да я тридцать лет этим делом занимаюсь, ты бы, дорогой, о чем другом мне рассказал, а про чай лучше бы нам дал сказать!

3. Утром мимо гостиницы куда-то провезли на грузовичке коров. Одна до того была похожа на нашу Пеструшку, что меня в дрожь бросило. А коровка так жалобно на меня посмотрела, словно просила ей помочь! Хоть бы не на бойню их повезли.

4. На совещание опоздал: ходил по магазинам, купил школьные формы ребятишкам, платье — жене, а себе сорочку из плотной ткани для сбора чая.

5. Вернусь домой — сразу надо будет женить Фаратына, а то малый совсем забалуется от холостой жизни.

6. Погода сегодня самая, как мы говорим, чайная. А я тут сижу, вместо того чтобы план выполнять в поле! Эх, дали бы мне этих ораторов в бригаду, я бы их... а вообще-то нет, они бы только нам мешали!

7. Боже мой, пять дней мы тут уже совещаемся. За эти дни я бы собрал полтонны листа, не меньше. Плакало наше передовое знамя, обгонят нас, как пить дать обгонят!

8. Еще один оратор выступал и учил нас, как надо собирать чайный лист получше. Сколько же людей шатается в городе без дела! Я надумал, что если каждый из них соберет в день хоть один килограмм, то мы бы за день выполнили весь годовой план!

9. Ур-а-а! Совещание закрылось. Сегодня уезжаю домой, завтра буду в поле собирать чай — как умел и умею! Еще раз — ура!..

Перевел с абхазского
Леонид ЛЕНЧ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Образование в растениях органического вещества под действием солнечного света. 8. Широкая городская улица. 9. Сорт мелких конфет. 10. Русский живописец, писатель, живший в Индии. 13. Продольное углубление на поле, образованное плугом. 14. Крупное животное, обитающее в Азии и Африке. 15. Персонаж повести Д. А. Фурманова «Красный десант». 17. Река в Румынии. 19. Норвежский полярный путешественник и исследователь. 21. Рассказ А. П. Чехова. 23. Выделение слога повышением тона. 25. Обращение, требующее ответа. 28. Предприятие связи. 30. Химический элемент, газ. 31. Набросок чертежа. 32. Оптическое стекло. 33. Арифметическое действие. 34. Кубинский шахматист, экс-чемпион мира.

По вертикали: 1. Самодвижущийся подводный снаряд. 2. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 3. Жанр публицистики. 4. Элементарная частица. 6. Американский прогрессивный писатель. 7. Продукт перегонки нефти. 11. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 12. Писатель, Герой Социалистического Труда. 15. Композитор, лауреат Ленинской премии. 16. Пресноводная рыба. 18. Советское спортивное общество. 20. Французский график XIX века. 22. Озеро в Казахстане. 24. Певица, народная артистка СССР. 26. Один из Курильских островов. 27. Французский композитор XIX века. 29. Герой оперы Ф. Вагнера. 30. Город в Минской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 6. Протасова. 7. Ильф. 8. Орел. 10. Угорь. 12. Такса. 14. Импульс. 16. Парусина. 17. Ятрышник. 18. Искатель. 19. Нептуний. 21. Тимофеев. 24. Близнецы. 26. Рашпиль. 27. Аверс. 29. Вихрь. 30. Шкив. 31. Муар. 32. «Бирюсинка».

По вертикали: 1. Шпиль. 2. Морфема. 3. Каникулы. 4. Болонья. 5. Зачет. 7. Ирис. 9. Латы. 11. Герасимов. 13. Сантиметр. 14. Инженер. 15. Стапель. 20. Рапирист. 22. Форш. 23. «Варвары». 24. Блюминг. 25. Заир. 28. Скоба. 29. Варан.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Булбегим Мамадназарова учится в десятом классе и участвует в ансамбле «Фируза». (См. в номере материал «Зажигающие звезды»).

Фото С. Петрухина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Произведения В. Г. Перова. ТРОЙКА (Ученики-мастеровые везут воду). 1866. ПОСЛЕДНИЙ КАБАК У ЗАСТАВЫ. 1868.

Государственная Третьяковская галерея

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

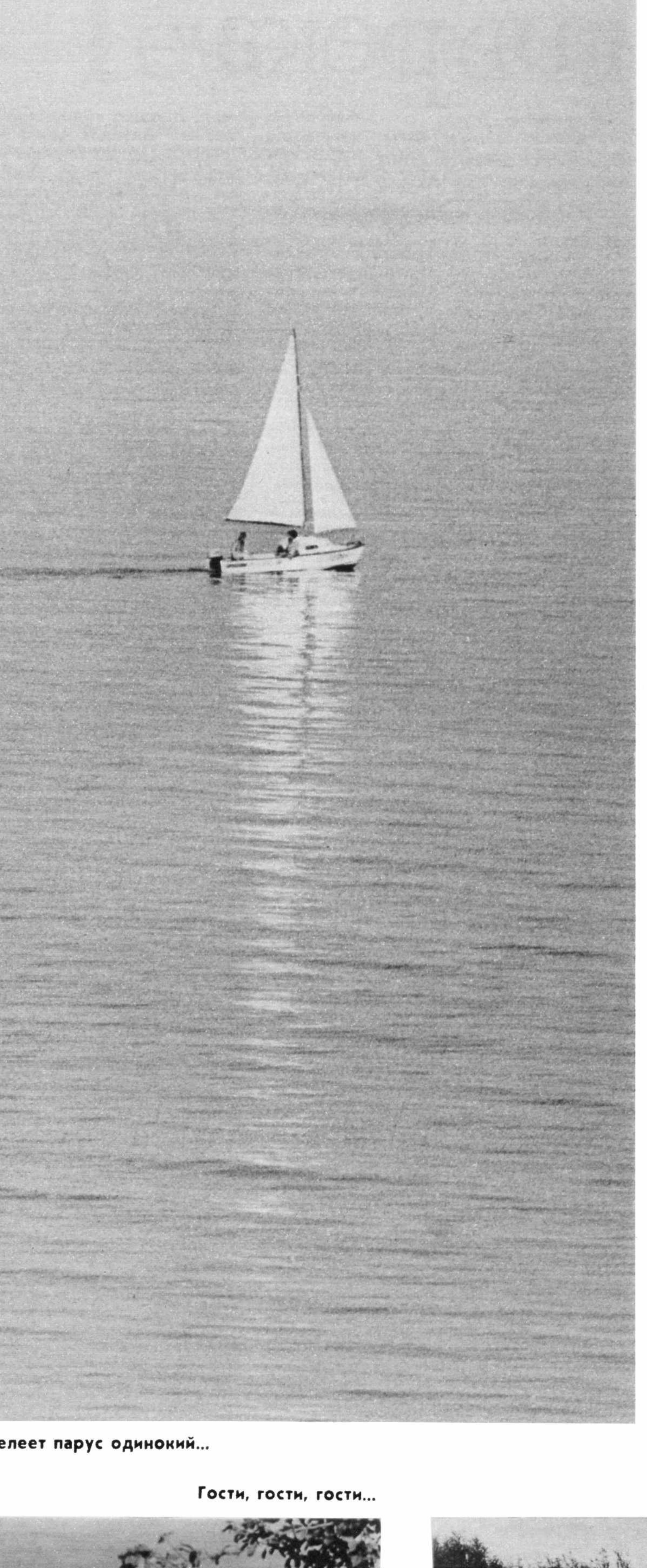
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 8.10.84. Подписано к печати 24.10.84. А 00438. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 674 000 экз. Изд. № 2678. Заказ № 3539.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Звучат стихи Лермонтова.

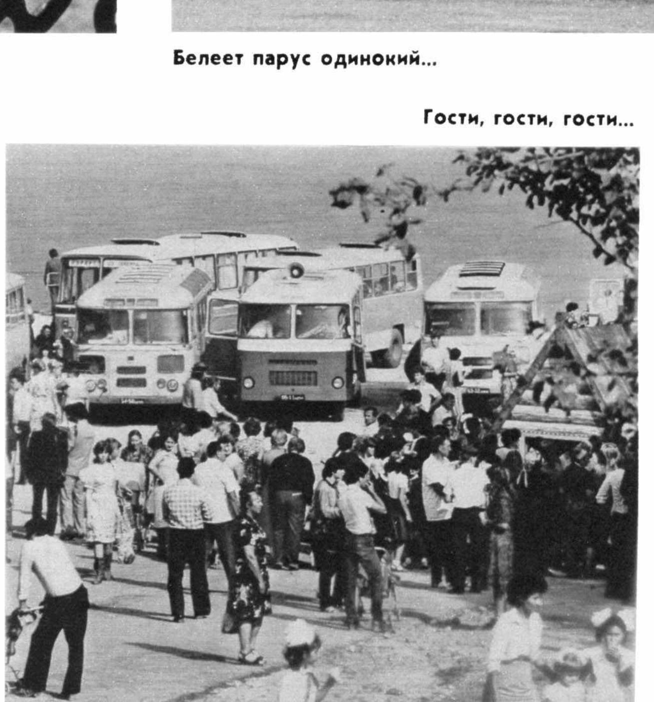
Белеет парус одинокий...

В сквере имени М. Ю. Лермонтова, открытие памятника.

Гости, гости, гости...

Памятник поэту (скульптор И. Бродский, архитектор В. Гаврилов).

Фото А. ГОСТЕВА

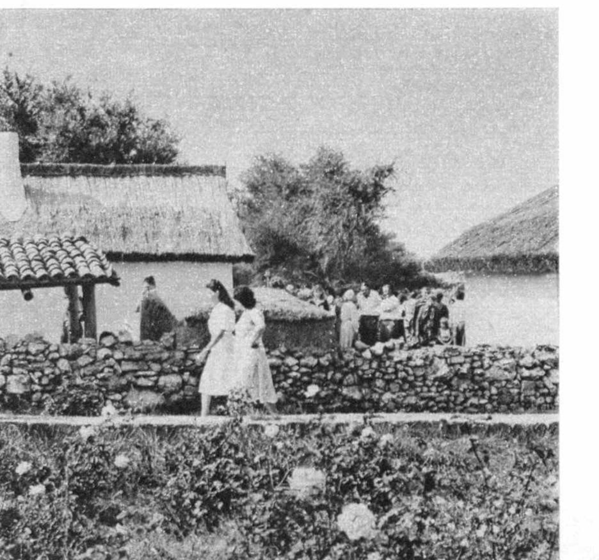
ПРАЗДНИК В ТАМАНИ

Крутые обрывы, извилистая линия залива, шум морских волн, набегающих на мыс, где стояла когда-то старая крепость... Тамань! С детских лет в нашей душе это слово неразрывно с другим словом — Лермонтов.

Дважды побывал в этом некогда заброшенном уголке Кубанской земли великий поэт: впервые в 1837 году, проездом, сосланный на Кавказ за стихи на смерть Пушкина, во второй раз — в 1840-м, снова сосланный, в Тенгинский пехотный полк, стоявший в Анапе. Всего несколько дней видела гения эта земля... Но, освященная его именем, запечатленная на страницах изумительной повести, названной Белинским «жемчужиной русской прозы», Тамань по праву называется лермонтовской и привлекает к себе многочисленных почитателей великого поэта.

Вот и теперь, в год его 170-летия, в теплом, южном, пряном октябре съехались сюда со всех окрестных мест, из многих городов страны сотни людей на праздник, посвященный Лермонтову. Тут открывали ему памятник, тут представляли в его музее новую экспозицию, тут читали его стихи. И, конечно же, звучали столь любимые им народные песни, звучали слова в его честь, и белел в дали изумрудного моря одинокий парус...

А. ЕФИМОВ

Домик Лермонтова.

Литературная экспозиция в музее.

Краснодарский поэт И. Варавва среди таманцев.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663